

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского государственного университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 3 (22)

2015

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет»

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор

Рвина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Муранова Екатерина Валентиновна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Т.Ю. Пономарева

Технический редактор:
Т.Ю. Пономарева

Адрес редакции: 445667, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 31.08.2015.

Формат 60x84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 8,3.

Тираж 50 экз. Заказ 3-382-15.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия);

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия);

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
(Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Польша);

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия);

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
(Университет Лазарского, Варшава, Польша);

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия);

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
(Правовая Академия Таллинского университета, Таллин, Эстония);

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
(Университет в Белостоке, Польша);

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия);

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
(Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара, Россия);

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия);

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ СЕКТЫ ДУХОБОРОВ В КОНЦЕ XIX В. Александров Илья Андреевич	7
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Воробьева Ольга Александровна	10
К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Гогин Александр Александрович	12
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ Гогин Александр Александрович, Репетева Олеся Евгеньевна	17
ОБЪЕКТ ХУЛИГАНСТВА Данилина Наиля Журабековна	22
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ Джалилов Эльвис Алимович, Джалилова Елена Анатольевна	25
ПРАВОВОЙ СТАТУС И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1917 ГОДУ Жильцов Сергей Васильевич	27
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ Кривицкий Виталий Вячеславович	30
ВЗАИМОСВЯЗИ ФУНКЦИЙ И ПРИНЦИПОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Липинский Дмитрий Анатольевич	32
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФОРМ ВИНЫ ПО НАЛОГОВОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Мусаткина Александра Анатольевна	40
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА Романова Вера Витальевна	43
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД Румянцев Павел Александрович	46
НЕОБХОДИМОСТЬ ДОКТРИНАЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Савельев Юрий Михайлович	49
О ПРОЕКТЕ ЗАКОНА «О НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» Станкин Алексей Николаевич	52
НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОЙ БАНКОВСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Степанова Вера Владимировна	54
КОММЕРЧЕСКИЙ ШПИОНАЖ Хилюта Вадим Владимирович, Гладышев Владимир Владимирович	58

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Чуклова Елена Валериевна 62

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Шутемова Тамара Васильевна 64

НАШИ АВТОРЫ 68

CONTENT

TO THE QUESTION ABOUT LEGAL POLICY OF RUSSIAN EMPIRE WITH RESPECT TO THE SECT OF DOUKHOBORS AT THE END OF THE XIX-TH CENTURY Alexandrov Ilya Andreevich	7
FEATURES OF INTERACTION OF BODIES OF STATE POWER AND BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT Vorobyova Olga Aleksandrovna	10
THE ISSUE OF CERTAIN ASPECTS OF SOVIET LEGISLATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR Gogin Aleksandr Aleksandrovich	12
TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT AND NATURE OF VERBAL OFFENCES Gogin Aleksandr Aleksandrovich, Repeteva Olesya Evgenyevna	17
THE OBJECT OF HOOLIGANISM Danilina Nailya Jurabekovna	22
LEGAL ASPECTS OF COMMERCIALIZATION PROPERTY Dzhalilov Elvis Alimovich, Dzhalilova Elena Anatolievna	25
LEGAL STATUS AND INTERNAL POLICY OF THE GOVERNMENT AND MANAGEMENT INTERIM GOVERNMENT AND IN 1917 Zhiltsov Sergey Vasilievich	27
SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CULTURAL PROPERTY Krivitsky Vitaly Viacheslavovich	30
RELATIONSHIP OF FUNCTIONS AND PRINCIPLES OF LEGAL LIABILITY Lipinski Dmitriy Anatolyevich	32
PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION FORMS OF GUILT OF THE TAX CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION Musatkina Aleksandra Anatolyevna	40
INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY OF THE STATE Romanova Vera Vitalievna	43
HISTORIOGRAPHY OF PROBLEMS OF ORGANISATION OF STATE AUTHORITY IN TRANSITION PERIOD Rumyantsev Pavel Alexandrovich	46
THE NEED FOR DOCTRINAL INTEGRATION OF THE CONCEPT OF LEGAL RESPONSIBILITY Savelyev Yuriy Mikhailovich	49
ON THE DRAFT LAW “ON NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE RUSSIAN FEDERATION” Stankin Aleksei Nikolaevich	52
DIRECTIONS OF LEGAL POLICY IN THE SPHERE OF PUBLIC BANKING LIABILITY Stepanova Vera Vladimirovna	54
COMMERCIAL ESPIONAGE Hilyuta Vadim Vladimirovich, Gladyshev Vladimir Vladimirovich	58
THE MAIN DIRECTIONS OF LEGAL POLICY IN THE SPHERE OF PROCEDURAL RESPONSIBILITY Chuklova Elena Valerievna	62

ON THE CRIMINALISTIC ASPECTS OF CRIMINAL POLICY

Shutemova Tamara Vasilievna 64

OUR AUTHORS 68

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ОТНОШЕНИИ СЕКТЫ ДУХОБОРОВ В КОНЦЕ XIX В.

© 2015

И. А. Александров, преподаватель кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые аспекты политики Российской империи в отношении так называемых духоборов. В частности, исследованы вопросы, связанные с деятельностью последователей соответствующего учения в Закавказье в 1895 г.

Ключевые слова: секта, духоборы, Закавказье, Веригин, Российская империя.

Секта духоборов (духоборцев), не признававшая святыне таинства и святость Библии, возникла в XVIII веке. Ее название имеет церковное происхождение: «обличители» сектантов подразумевали, что последователи данного учения «являются борцами против «святого духа» как третьего лица божественной троицы. Это название удержано было сектантами, вложившими в него тот смысл, что они – борцы за дух, т. е. за одухотворение мертвешней в православии веры...» [1, с. 55].

Прежде чем перейти к рассмотрению интересующих нас фактов, относящихся к концу XIX в., следует уделить внимание отдельным аспектам духоборческого учения и предстории переселения духоборов в Закавказье. Описание воззрений духоборов на государственную власть можно почерпнуть, например, в донесении сенатора Лопухина от 12 ноября 1801 г. В данном документе содержатся следующие факты, характеризующие учение духоборов: «царское достоинство приписывают единому токмо Богу, почему присягать в верности Государю считают за преступление; но разумнейшие из них признают за нужную для развращенных людей на земле власть верховную, не отличая оной от прочих человеков и Государю доколе токмо повиноваться должно, доколе повеления его согласны с истиною и с волею Высочайшего Существа... Подати давать и защищаться от неприятелей считают за должное; но всякое нападение, хотя бы то было по повелению начальников, отвергают...» [2, с. 228, 229].

Примечательно встречающееся в литературе отношение к сведениям, содержащимся в указе Александра I на имя херсонского военного губернатора «О Мелитопольских поселенцах, называемых духоборцами» от 9 декабря 1816 года. В частности, согласно данному акту местные власти отзывались о духоборах «весьма выгодным образом» со стороны их поведения (хотя и принесли жалобу на отпадения их от православной церкви). Так, несколько позднее таврический гражданский губернатор в своем донесении министру внутренних дел от 2 января 1818 г. сообщал следующее: «1) Мелитопольские духоборцы ведут себя кротко и весьма воздержно; у них строго взыскивается с тех, которые впадают в пьянство; о воровстве и других гласных пороках с самого их переселения на Молочные воды не было и помину. По мелитопольскому уездному и таврическому гражданскому и уголовному суду о них производились дела единственно за отступление от православной веры... 3) На счет укрывательства дезертиров и беглых людей производимо было одно следствие. Были допрошены вышедшие в силу манифеста из заграницы 40 человек поселенцев, по подозрению, что они бежали из военной службы; но по уличении со стороны однодворца Баева и поселянина Базилевского оказались подозрительными только два человека: Фома Гремякин и Осип Голищев... 5) Донсители Баев и Базилевский, по единогласному показанию духоборческих стариков, исключены из их общества, первый за утайку ста мерок хлеба, взятого на сохранение у поселянина Стрובה, а второй просто за воровство. Исключенные из общества, они приняли православие и сделались злейшими врагами прежних своих односельчан» [2, с. 218; 3, с. 98, 99].

Один из дореволюционных авторов Т.И. Буткевич

признавал вышеупомянутое мнение Александра I о духоборах как о добропорядочных людях ошибочным и связывал его, в частности, с тем, что они никогда и ни с чем не обращались к гражданским властям; подати уплачивали «безнедоимочно», а в правительственных судебных учреждениях не имели никаких тяжб. Утверждалось, что различные пороки и преступления были совершаемы духоборами не в меньшем количестве, чем и другими лицами, «только они были тщательно скрываются от правительственных агентов». В подтверждение своих слов указанный автор ссылался на точку зрения херсонского военного губернатора Ланжерона, который кроме представителей Синода был единственным из «правительственных лиц», кто, по мнению Т.И. Буткевича, понимал вредность духоборческой секты. Ланжерон доносил Александру I, что духоборческая секта – «самая опасная для христианской религии и вообще для народной нравственности», так как ее последователи не раскольники, придерживающиеся христианских правил, но «люди, не имеющие никакой религии, не имеющие ни церкви, ни священников и не приемлющие таинств, что скрытно они ведут развратную жизнь, совершают тяжкие преступления, передерживают у себя беглых крестьян, дезертиров и каторжников» [2, с. 218, 219].

В довершение этого приводились свидетельства одного иностранного писателя, «нарочито приезжавшего» на Молочные Воды для изучения жизни и нравов духоборов, об убийствах и пытках, санкционированных руководством духоборческой секты в период ее существования в данной местности. «Для исполнения смертных приговоров был избран остров при впадении реки Молочной в лиман Азовского моря. Достаточно было самого легкого подозрения, малейшего признака мнимого отступничества или измены, чтоб подвергнуться самой жестокой пытке. В течение двух лет почти 400 человек исчезло навсегда, не оставив по себе никаких следов» [2, с. 221].

О. Новицкий полагал, что если не верить *слухам* (курсив наш – И.А.) о числе убитых духоборами, то нельзя отвергать результат деятельности следственной комиссии, назначенной правительством и действовавшей с 1835 по 1839 г. Этот автор указывал, что «при всем их (духоборов – И.А.) упорстве и умении скрывать тайные злодеяния» следствие обнаружило 21 убийство. «Оказались люди, погребенные заживо, трупы обезглавленные и изуродованные. Воды молочные не раз выбрасывали кости убитых и утопленных...». Впрочем, О. Новицкий сожалел, что расследование было осуществлено слишком поздно, а документы, относящиеся к этому делу, на момент написания им книги не были еще изданы в свет [3, с. 144, 145].

Так или иначе, в период правления Николая I с 1841 по 1845 г. было осуществлено переселение духоборов из Молочных Вод в Закавказье. В частности, генерал-губернатор новороссийский и бессарабский Воронцов обратился к духоборам с извещением, содержащим следующие утверждения: «...Едва успели вы водвориться на отведенной вам земле, как во имя вашего верования и по приказанию ваших мнимых наставников вы совершили страшные преступления: вы истязали людей

и за тем предавали смерти; вы укрывали у себя злодеев и преступников, ускользнувших от руки правосудия; вы тайли и скрывали от властей преступления и злодеяния ваших братьев и ни на минуту не переставали быть мятежными и непокорными Власти... Все преступления ваши обнаружены и неповинная кровь, вами пролитая, призывает на преступную главу вашу строгость закона. По вашим делам вы сделали недостойными той снисходительности, которая вам оказываема была Его Императорским Величеством; вы истощили терпение правительства, которое убедилось, что для общественного спокойствия вы должны быть переселены в отдаленные страны, где бы вы не могли вредить вашим ближним. Ваши злодеяния обратили на себя наконец Высочайшее внимание Государя Императора, который повелел: всех принадлежащих к пагубной секте духоборцев переселить в закавказские провинции...» [3, с. 147].

В прежнем месте жительства осталось около тысячи человек, которые предпочли отказу от накопленного имущества отказ от духоборческого учения и присоединение к господствовавшей церкви [1, с. 89]. В дальнейшем духоборы, переселенные в Закавказье, были признаны местной администрацией надежнейшим для окраин Российской империи колонизационным элементом и характеризовались как «трудолюбивые муравейники», как образцовое по поведению сообщество. Опять же можно столкнуться со стремлением доказать ошибочность данных характеристик и объяснить их тем, что «в течение 50-летнего периода жизни в Закавказье не оказывается ни в одном учреждении и пяти дел о преступлениях духобор, не поступало ни к кому от тихого населения ни одной жалобы...» [4, с. 29]. С другой стороны, сами духоборы указывали на свою лояльность по отношению к русскому правительству [5, с. 4] вплоть до событий, относящихся к 1887–1895 гг.

В.М. Скворцов давал следующее краткое описание соответствующих событий: «...духоборы, служившие в рядах войск, выступили из строя, ополченцы подавали свидетельства и все последователи этой партии (имеются в виду духоборы-постники – И.А.), в ночь под 29 июня 1895 года, торжественно сожгли все свое оружие, никому из начальства давно уже не отдадут установленной чести, одному из губернаторов толпа нанесла оскорбления и словом и действием, податей добровольно не вносят...» [4, с. 30]. Эти явления связывались В.М. Скворцовым с тем, что духоборчество являлось не столько религиозной, сколько «социальной» сектой и что оно представляло собой «горючий материал, который способен вспыхнуть страшным пожаром от первой же попавшей в него искры, – здесь такую искрою явилась анархическая пропаганда...». Утверждалось, что до восьми тысяч духоборов показывали на деле полное отрицание государственности, «непризнание священной власти Монарха – Помазанника Божия, говоря, “что у них один Царь Небесный, а Царя земного они не знают и быть его не должно, так на земле все равны, все братья, двум господам служить нельзя”; что “власть возвысилась чрез насилие народа, что один Начальник, Кто всему миру начало, что начальство и разбой – одно ремесло. Закон один должен быть Божий, а в государственных установлениях в императорских указах нет нужды. Отечеством признают весь мир, соотечественниками всех людей: российский Император, турецкий султан, персидский шах, немецкий король, турок, армянин, англичанин и проч. – все нам одинаковы, русских мы не знаем... Война – убийство. Суд – насилие и произвол власти... Владение грабеж богатых, земля Божия – создана для всех на равной доле и каждый паши столько, сколько надо для прокормления...» [4, с. 29, 30].

Вместе с тем, несмотря на обвинения В.М. Скворцовым членов «сектофильствующего лагеря», толстовцев и т. п. в умалчивании фактов, представляющих духо-

боров в неблагоприятном свете, данный автор сам почти не касался предпосылок описанной ситуации [6]. Следует вспомнить, что 15 декабря 1886 г. умерла, не оставив потомства, Лукерья Калмыкова, в результате чего прервалась династическая линия руководителей духоборческой секты (оставался еще брат Калмыковой Михаил Губанов как представитель своего рода боковой линии). Отмечается, что в борьбе за опустевший «престол» наиболее серьезными соперниками являлись Петр Веригин, «игравший роль временщика еще при жизни Калмыковой» и Алексей Зубков, пользовавшийся доверием наиболее зажиточных кругов духоборов, имевший обширные связи с правительственной администрацией на Кавказе и опиравшийся в том числе на М. Губанова, который считался бесхарактерным [1, с. 102].

17 декабря, в день похорон Л. Калмыковой, П. Веригину было выдвинуто требование покинуть так называемый Сиротский дом (своего рода общественная касса, состоявшая из «наличного капитала» и иного имущества, а также главная резиденция руководителей секты и их семейств), а наследником соответствующего имущества был назван М. Губанов. В свою очередь, П. Веригин, выполнив это требование, развернул энергичную деятельность против М. Губанова (объявленного экспроприатором общественного достояния духоборов) и его сторонников. В преддверии 26 января следующего года, когда должны были провозгласить нового духоборческого руководителя, П. Веригин старался заручиться как можно более широкой поддержкой духоборов, а А. Зубков и М. Губанов обратились в полицию. В указанный день в селе Горелом Ахалкалакского уезда Тифлиской губернии, где располагался Сиротский дом, один из старейших духоборов Махортов предложил собравшимся последователям данного учения отдать поклон новому руководителю – Петру Веригину. При этом «большая часть толпы упала на колени в снег, а меньшая часть осталась стоять на ногах». И в тот же день П. Веригин был арестован, а затем выслан (сначала в г. Шенкурск Архангельской губернии, далее на Колу, потом в г. Обдорск Тобольской губернии). Аналогичная участь постигла и ряд наиболее близких его сторонников, в том числе упомянутого Махортова. В результате этих событий произошло окончательное разделение духоборов на две партии: «Малую», состоявшую из сторонников М. Губанова, и «Большую», куда входили сторонники П. Веригина [1, с. 103].

Законность таких административных действий в отношении П. Веригина аргументировалась, например, тем, что высылка была произведена «по требованию общества или, по крайней мере, того меньшинства, которое отрешилось от своих прежних заблуждений», а право требовать высылки одного из своих членов имело всякое крестьянское общество. По этому поводу К.К. Арсеньев отмечал, что данное право принадлежало «крестьянскому обществу, составляющему законно-организованное целое – а общество или община духоборцев в глазах закона не существует. За ссылку по приговору общества должно, во-вторых, высказаться большинство двух третей всех членов схода, а за высылку Веригина стояло... только меньшинство». Также противники П. Веригина «только хлопотали о высылке, а решена она было администрацией, вовсе не в том порядке, какой установлен для ссылки вредных и порочных членов крестьянских обществ – да о порочности Веригина не было, наконец, речи» [7, с. 190].

Далее последовал довольно сложный период борьбы представителей вышеназванных партий за наследование имущества Сиротского дома. В итоге, по выражению А.И. Клибанова, «благодаря сутяжничеству, взяткам и подкупам Губанову и его сторонникам удалось добиться судебного оформления прав на обладание капиталами

Сиротского дома». Вместе с тем, П. Веригин установил связи с оставшимися на местах деятелями Большой партии и передавал им как устные, так и письменные послания. В контексте последующих событий интерес представляет сложившаяся по непосредственным влиянием учения Л.Н. Толстого новая программа для духоборов, которая была сформулирована П. Веригиным в 1893 г. и включала следующие основные положения:

«1. Эксплуатация наемного и всякого иного зависимого труда несовместима с христианством;

2. Имущественное неравенство подлежит уничтожению путем равного дележа имущества богатых между бедными по добровольному согласию богатых;

3. Подлежат уничтожению стимулы, ведущие к накоплению богатств, для чего следует: а) ограничить размеры хозяйства настолько, чтобы оно отвечало необходимости лишь простого воспроизводства условий жизни, что требует максимального «опрощения» жизни верующих (быта, одежды, пищи и т. д.); б) прекратить браки, а состоящим в них отказать от половых связей, чтобы рост семьи не вызывал необходимости в дополнительных средствах для ее поддержания;

4. Пребывание на военной службе, как связанное с насилием, несовместимо с христианством» [1, с. 104–106].

В ходе попытки реализации на практике этих установок Большая партия раскололась на партию сторонников А. Воробьева (потребовал возвращения к традициям времени Л. Калмыковой и объявил противоречащим им новое аскетическое учение П. Веригина), получившую название Средней партии, и тех, кто остался верен П. Веригину (превосходили по численности «воробьевцев»). При этом за последними духоборами наряду со старым наименованием установилось название «постников». В дальнейшем несколько десятков духоборов отказались от службы в армии, за что были водворены в дисциплинарные батальоны (по сведениям А.И. Клибанова, эти лица подверглись там «надругательствам и истязаниям... девять человек были замучены насмерть») [1, с. 107–109].

Наконец, 29 июня 1895 г., в день рождения П. Веригина, духоборы-постники Тифлисской, Елизаветпольской губерний и Карской области сожгли имевшееся у них оружие. Если в Карской области эта акция прошла без эксцессов, то в Елизаветпольской губернии власти произвели широкие аресты духоборов, а в Тифлисской губернии в ахалкалакские поселения были направлены казачьи отряды, устроившие «эзэкуцию» над почти двухтысячной толпой духоборов. «Расправа была дополнена происходившим в течение нескольких дней истреблением имущества духоборов и насиланием женщин» (в частности, В.М. Скворцов отрицал действительность данных фактов [6, с. 17–20]). За проведение этой «антимилитаристской демонстрации» значительная часть духоборов-постников была выслана властями из прежних мест жительства: «4300 человек были высланы из своего жительства и расселены по лихорадочным долинам Кахетии и Карталинии» [1, с. 109].

Обращаясь к вопросу о возможном деструктивном характере духоборческой секты, следует отметить

пробуждение у части рядовых сторонников П. Веригина, принадлежавших к бедным слоям населения, «политического сознания» (с точки зрения советских исследователей). Эти же взгляды квалифицировались В.М. Скворцовым как «крайне анархические». С другой стороны, собственно у П. Веригина как руководителя этого объединения отмечалось наличие государственной власти и пределы этой власти». Так, в письме Веригина от 4 декабря 1896 г. к его единоверцам, находящимся в заключении, говорилось: «Правительство должно убедиться, что мы не так вредны, как оно думает». В другом письме от того же числа, обращенном к духоборам Большой партии, он писал следующее: «Недавно я прочел в газете, в Московских Ведомостях, как у вас назначили к продаже лошадей и коров. Описано, будто некоторые сестры брали вилы железные и не допускали, как в газете написано, к конюшням. Я этому не верю. Если это было на самом деле, то это нехорошо: можно доказывать со смирением на словах, а руками злой воли не давать, иначе это выйдет настоящая война...» [7, с. 110].

Таким образом, небезосновательным предстает мнение, согласно которому в борьбу духоборческих партий «замещались... обыкновенные человеческие страсти, мелочные и зачастую грязные. Слабейший непременно хочет торжествовать победу, а потому приискивает себе союзников на стороне». Таких союзников члены Малой партии нашли в лице «низшей и средней местной администрации» [7, с. 189]. На накопившиеся социальные противоречия между бедными и богатыми духоборами, наслонились действия местных властей, связанных с противниками П. Веригина, что в итоге и привело к событиям 1895 г.

В заключение следует сказать, что подвергшимся преследованиям духоборам при содействии Л.Н. Толстого и так называемых «толстовцев», обвинявшихся в проповеди анархизма среди духоборов [6, с. 40], было дозволено выехать из России, и с декабря 1898 г. по апрель 1899 г. духоборы четырьмя партиями отбыли в Канаду (П. Веригин прибыл туда в 1902 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в.–1917 г.). М.: Наука, 1965. 348 с.
2. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910. 626 с.
3. Новицкий О. Духоборцы, их история и вероучение. 2-е изд. Киев, 1882. 290 с.
4. Скворцов В.М. Деяния 3-го всероссийского миссионерского Съезда в Казани, по вопросам внутренней миссии и расколосектантства. Киев, 1897. 352 с.
5. Материалы к истории и изучению русского сектантства. Выпуск 2-й. Разъяснение жизни христиан и Был у нас, христиан, сиротский дом... (две духоборческие рукописи) / под ред. В. Бонч-Бруевича. Женева, 1901. 44 с.
6. Скворцов В.М. Правда о Закавказской духоборческой секте. Киев, 1898. 40 с.
7. Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость: сборник статей. СПб.: Библиотека Общественной пользы, 1905. 294 с.

TO THE QUESTION ABOUT LEGAL POLICY OF RUSSIAN EMPIRE WITH RESPECT TO THE
SECT OF DOUKHOBORS AT THE END OF THE XIX-TH CENTURY

© 2015

I.A. Alexandrov, lecturer of the chair "Theory of state and law"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: In this article some aspects of the policy of Russian Empire with respect to so-called doukhobors are considered. In particular, the issues, connected with the activity of followers of corresponding doctrine in Transcaucasia in 1895, are investigated.

Keywords: sect, doukhobors, Transcaucasia, Verigin, Russian Empire.

УДК 342

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

© 2015

О.А. Воробьева, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
«Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены признаки, формы и сферы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Ключевые слова: юриспруденция, государство, публичная власть, разделение власти, государственная власть, местное самоуправление.

В соответствии со ст. 3 Конституции Российской Федерации, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления [1, с. 25].

Российская Конституция провозглашает права и свободы человека и гражданина, которые являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18). Также Основным Законом РФ закреплен принцип разделения властей (ст. 10), определены органы государственной власти в Российской Федерации и ее субъектах (ст. 11), определены конституционные основы местного самоуправления (ст. 12, гл. 8), определены сферы ведения Российской Федерации и ее субъектов и др.

Природа публичной власти предполагает для Российской Федерации наличие как минимум двух уровней ее реализации: государственного и местного. Следует отметить, что государственная власть реализуется на федеральном и региональном уровнях, а местная власть осуществляется в городских, сельских поселениях и на территории других муниципальных образований.

Мы согласны с точкой зрения С.А. Авакьяна, что существует как минимум три формы взаимодействия государственных и муниципальных органов власти.

Первую форму взаимодействия можно охарактеризовать тем, что вышестоящие органы помогли и будут помогать в хозяйственно-финансовом отношении местному самоуправлению.

Вторая форма взаимодействия заключается в том, что вышестоящие органы должны выступать в качестве надзорной инстанции, «оберегающей» местное самоуправление от принятия незаконных, а также неправильных, необоснованных решений, не позволяющей забыть о государственном интересе.

А третья форма заключается в том, что вышестоящие органы призваны быть инстанцией, которая помогает, в том числе и методически, местному самоуправлению, обобщая и распространяя их положительный опыт.

Государственная власть и местное самоуправление представляют собой сложные взаимодействующие системы, которые являются основными способами реализации публичной власти народа. Являясь по своей природе неполитической, власть местного самоуправления основывается на сочетании государственных, а также

общественных начал. Самостоятельность местного самоуправления не предполагает абсолютной независимости от государства. Но не следует огосударствлять местное самоуправление, включая исполнительные органы местного самоуправления в систему органов государственной власти, потому что это приведет к искажению сущности местного самоуправления, в том числе и к замене его государственным управлением на местах [2, с. 7].

К признакам взаимодействия государственных органов власти и органов местного самоуправления можно отнести:

- во-первых, наличие двух и более субъектов правоотношения;
- во-вторых, активную деятельность субъектов правоотношения;
- в-третьих, согласованную деятельность субъектов правоотношения;
- в-четвертых, наличие единой цели, на достижение которой направлена деятельность субъектов правоотношения [3, с. 26].

Как отмечает Н.Л. Пешин, к сферам взаимодействия государственной власти и местного самоуправления относятся:

- установление общих принципов организации местного самоуправления;
- регулирование компетенции органов местного самоуправления;
- определение полномочий органов государственной власти в сфере местного самоуправления;
- делегирование отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления;
- осуществление контроля деятельности местного самоуправления [4, с. 140].

Концепция взаимодействия государственных и местных органов представляет собой обособленный пласт. При этом необходимо исходить из того, что государственное централизованное управление и местное самоуправление – это не однопорядковые явления, они скорее противостоят друг другу, так же как государство и гражданское общество – взаимно связанные, но противоположные по сути образования [5].

Ст. 12 Конституции Российской Федерации 1993 г. закрепляет принципиальные положения о самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий и не вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. И как заметил И.И. Овчинников, именно эти положения стали

основополагающими в процессе формирования механизма взаимодействия между органами исполнительной власти, прежде всего субъектов Федерации, и органами местного самоуправления [6, с. 72].

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7] закрепил новый характер взаимоотношений между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Теперь он не только не содержит прежних указаний о запрете осуществления местного самоуправления органами государственной власти и государственными должностными лицами, но и впервые предусмотрел возможность непосредственного осуществления исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации в отношении муниципальных образований и органов местного самоуправления. Данное положение существенно расширяет возможности органов государственной власти непосредственно влиять на деятельность органов местного самоуправления и способствует укреплению вертикальных взаимосвязей. В частности, применительно к реализации отдельных государственных полномочий теперь установлено (ст. 20), что органы местного самоуправления вправе участвовать в осуществлении, за счет средств местных бюджетов, и тех государственных полномочий, которые прямо законом органам местного самоуправления не переданы, но это их участие предусмотрено федеральными законами. Формулировку «вправе» в данном случае следует понимать как обязанность, если такое участие органов местного самоуправления в реализации не только не переданных, но и иных государственных полномочий вытекает из федерального закона [6, с. 73–74].

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусмотрел и возможность прямого участия органов государственной власти субъектов Федерации в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности лиц местного самоуправления (ст. 34, 37), помимо предусмотренных в Законе процедур ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством (ст. 72–75).

Можно сделать вывод о том, что взаимодействие государственных органов власти и органов местного самоуправления – это деятельность государственных органов власти и органов власти местного самоуправления, направленная на решение общих задач, развитие межбюджетных отношений и распределение полномочий, основанная на государственном и муниципальном контроле за соблюдением законодательства и предполагающая экономическую самостоятельность и организационно-правовую направленность местного самоуправления.

На наш взгляд, необходимо вести работу по следующим направлениям.

В рамках дальнейшего процесса конституционного развития было бы правильно на конституционном уровне зафиксировать понятие «публичная власть», а также указать на собирательный характер данного понятия, включающего государственную власть – федеральную и субъектов РФ, а также местное самоуправление (муниципальную власть). Это позволит адекватно урегулировать множество сходных отношений, затрагивающих и государственный, и муниципальный уровни власти, и ввести институты публичных органов власти, услуг, службы, собственности и т. д.

В определении местного самоуправления, закрепляемом в российском законодательстве, несмотря на его достоинства, касающиеся, прежде всего, его развернутого характера и демократизма, имеется значимый пробел – отсутствие указания на то, что местное самоуправление

представляет собой один из уровней публичной власти. В этой связи в официальном определении местного самоуправления следует закрепить, в том числе его трактовку как уровня публичной власти.

Хотелось бы также отметить, что в ст. 3 Конституции РФ отсутствует единое понятие представительных органов государственной власти и органов местного самоуправления (такое понятие между тем присутствует в ч. 2 ст. 97 Конституции РФ: «Депутат Государственной Думы не может быть депутатом иных представительных органов государственной власти и органов местного самоуправления»); отсутствие же единого понятия и единой системы представительных органов власти, с одной стороны, ослабляет представительные органы власти, снижает их конституционную функцию быть представителями интересов народа, с другой стороны, нивелируют представительные и исполнительные органы власти в пользу последних.

Формулировка ст. 12 Конституции РФ, согласно которой «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти», в сочетании с главой 3 «Федеративное устройство», создающей региональный уровень государственной власти, превращает административные центры субъектов РФ и иные крупные мегаполисы в псевдосамоуправление, ничего общего с самоуправлением не имеющее, в то время как это должен быть третий уровень государственной власти [8].

Принятие федерального закона «О Президенте Российской Федерации», где четко определить права и обязанности главы государства, процедуру его отрешения от должности.

В Указе Президента РФ от 24 сентября 2007 г. № 1274 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти», Указе Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» следует более четко определить сферы деятельности министерств и ведомств с тем, чтобы исключить дублирование полномочий.

В Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» подробно установить вопросы взаимоотношений между Правительством РФ и иными органами государственной власти.

В Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» предусмотреть обязанность Правительства РФ по обеспечению действия законов подзаконными актами. Установить меры ответственности за неисполнение данной обязанности.

Учитывая сложившуюся практику и в интересах четкого определения структуры и состава Правительства России, в Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» следует выделить категорию первых заместителей Председателя Правительства РФ, изложив ст. 6 Закона в следующей редакции: «Правительство Российской Федерации состоит из членов Правительства Российской Федерации – Председателя Правительства Российской Федерации, первых заместителей, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров».

Необходимо принять федеральный закон «О конституционно-правовой ответственности», активно использовать средства парламентского контроля.

Необходимо принять федеральный закон «О согласительных процедурах разрешения разногласий в системе органов публичной власти Российской Федерации», который будет способствовать эффективному функционированию конституционно-правового механизма разрешения разногласий в системе органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В Гражданском процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ прописать процедуру рассмотрения дел по рассмотрению заявлений органов местного самоуправления о признании недействительными законов или иных правовых актов о на-

делений органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями.

Усилить гарантии самостоятельности местного самоуправления, прежде всего финансовой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева О.А., Станкин А.Н. Публичная власть в России: проблемы теории и практики. М.: Nota Bene, 2010. 192 с.

2. Скрипкин Г.Ф. Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 176 с.

3. Нуркин М.Г. Теоретико-правовые основы взаимодействия государственных органов власти и органов власти местного самоуправления // Право и государство: теория и практика. 2009. № 8. С. 22–26.

4. Пешин Н.Л. Государственная власть и местное са-

моуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М.: Статут, 2007. 461 с.

5. Безруков А.В. Государственная власть и местное самоуправление: проблемы соотношения и взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 6. С. 31–35.

6. Овчинников И.И. Взаимоотношения органов государственной власти и органов местного самоуправления: теоретико-правовые аспекты // Исполнительная власть: проблемы организации и деятельности. Труды кафедры конституционного и административного права. Вып. 1. М.: Теис, 2006. С. 59–82.

7. Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

8. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 33–37.

FEATURES OF INTERACTION OF BODIES OF STATE POWER AND BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

© 2015

O.A. Vorobyova, candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, assistant professor of Chair “Business and employment law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: This article describes the symptoms, forms and spheres of interaction of bodies of state power and bodies of local self-government.

Keywords: jurisprudence, state, public authority, separation of powers, state power, local self-government.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© 2015

A.A. Gogin, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В публикации представлена характеристика отдельных нормативно-правовых актов, принятых в СССР в период Великой Отечественной войны. Среди них особое место занимают те директивные документы, которые послужили основой мобилизации всего советского общества для отпора врагу. В статье анализируются положения законов, направленных на поднятие уровня воинской и исполнительской дисциплины; рассматриваются меры ответственности, применяемые к военным преступникам, виновным в совершении массовых преступлений против мирного населения и военнопленных; патриотическое движение представителей различных слоев советского общества; активная деятельность СССР на международной арене.

Ключевые слова: агрессия, Великая Отечественная война, Красная армия, закон, трибунал, военное положение, мобилизация, промышленность, оккупированная территория победа, амнистия.

Агрессия фашистской Германии поставила всех наших людей, Красную Армию и народное хозяйство Советского Союза в исключительно сложные условия. Поэтому 30 июня 1941 г. на совместном заседании Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП (б) и СНК СССР было принято совместное постановление о создании Государственного Комитета Оборона (ГКО) под председательством И.В. Сталина. В первоначальный состав нового высшего чрезвычайного органа власти в стране входили В.М. Молотов (зам. Председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков. Позднее его членами стали Н.А. Булганин, Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян. Каждый из них непосредственно отвечал за конкретный круг вопросов и наделялся широкими полномочиями.

Постановления, принимаемые ГКО, обладали силой законов военного времени и подлежали обязательному исполнению всеми партийными, государственными, военными, хозяйственными, профсоюзными и иными органами, учреждениями и организациями.

Президиум Верховного Совета СССР и Совет Народных Комиссаров СССР (далее ПВС СССР и СНК СССР) также издавали соответствующие нормативно-правовые акты, носившие с учетом советской специфики

того времени характер законов.

В частности, сразу после начала боевых действий 22 июня 1941 года был опубликован Указ ПВС СССР «О военном положении» [1]. В силу его требований в ряде приграничных регионов в интересах обороны страны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности вводился особый правовой режим.

В п. 2 Указа подчеркивалось, что в местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности переходят к военным властям: военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, – высшему командованию войсковых соединений.

Военные власти также издавали безоговорочные для всего населения постановления. В частности, им предоставлялось право привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, гидротехнических сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших объектов, для участия в борьбе с пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями.

За неподчинение подобным распоряжениям и

приказам, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, лица, виновные в совершении таких деяний, подлежали уголовной ответственности по законам военного времени.

В общей сложности за годы войны означенное положение устанавливалось в 9 союзных и 4 автономных республиках, 19 областях и краях РСФСР, ставших театром военных действий или расположенных близко к нему, на железнодорожном, морском, речном и воздушном транспорте.

Одновременно Указом ПВС СССР от 22 июня 1941 г. было утверждено «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» [2]. Данным судебным органам передавались все дела о преступлениях против обороны, общественного порядка и государственной безопасности. Кроме того, военным властям предоставлялось право передавать на рассмотрение трибуналов дела о других преступлениях, если они признают это необходимым по обстоятельствам военного положения.

Как отмечает А.И. Муранов, за весь период войны военными трибуналами было осуждено 2,5 млн. человек. Из них за контрреволюционные преступления – 471 тыс. 988 человек (18,6 %); за воинские и общеуголовные преступления – 792 тыс. 192 (31,4 %) и 1 млн. 266 тыс. 483 человека (50 %) за общеуголовные преступления. За четыре года войны к высшей мере наказания было приговорено 8,9 % от общего числа осужденных [3].

В свою очередь, на период войны все трудоспособное население городов в обязательном порядке привлекалось для работы на производстве и строительстве. Поэтому на основании п. 1 Указа ПВС СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли предоставлялось право устанавливать с разрешения Совнаркома СССР обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день. Соответствующая оплата труда производилась в полуторном размере. Кроме того, на весь период войны отменялись отпуска, что, в значительной мере, без расширения штатов позволяло увеличить полезную загрузку технологического оборудования [4].

В последующем, в развитие положений данного акта 13 февраля 1942 г. принимается Указ ПВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве».

Сосредоточив в своих руках всю полноту власти, ГКО предметно занимался не только сугубо военными проблемами. Постоянное и самое пристальное внимание уделялось хозяйственной работе, где важнейшим инструментом управления являлось планирование. Уже через неделю после начала войны вступает в действие мобилизационный план на третий квартал 1941 г. Затем в сжатый срок подготавливается и 16 августа 1941 г. постановлением Центрального комитета ВКП (б) и СНК СССР принимается военный-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г.

Поскольку вражеское вторжение произошло в те республики и области, где ранее производилась значительная часть всех видов продукции Советского Союза, план составлялся с учетом обстановки на фронтах и, в первую очередь, предусматривал развитие экономики глубинных районов страны: Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана, Средней Азии.

В это же время наиболее важной частью по созданию военной экономики явилось перемещение в глубокий тыл промышленных предприятий, материальных и культурных ценностей, а также эвакуация населения. Комплекс чрезвычайных мер, проведенных в стране,

способствовал тому, что уже к середине 1942 г. переход отечественного народного хозяйства на военный лад в основном завершился. Героическим трудом советских людей восточные районы СССР превратились в ведущий военный арсенал Красной Армии.

Вражеское нападение всколыхнуло чувства у подавляющего большинства граждан, представителей всех слоев общества вне зависимости от политических взглядов, идеологических пристрастий, религиозных воззрений, социального происхождения, собственного отношения к официальной власти и партии большевиков, тех или иных личных обид и утрат.

Перед реальной угрозой гибели произошел подъем моральных сил нашего народа, его готовность к подвигу и самопожертвованию. В действие вступили глубинные психологические механизмы, в прошлом не раз спасавшие страну, когда она оказывалась на краю пропасти.

Именно по инициативе снизу сразу после вражеского вторжения началась организация дивизий народного ополчения и других добровольческих формирований. В частности, только в период с июля по сентябрь 1941 г. в городах, республиках и областях было сформировано 1339 истребительных батальонов общей численностью свыше 310 тысяч человек.

Также по почину трудящихся развернулось движение по созданию Фонда обороны, поддержанное затем ЦК ВКП (б) и местными партийными органами. В течение войны в данную структуру по ценам 1941 г. поступило свыше 17 млрд. руб. наличными; 13 кг. платины; 131 кг. золота; 9519 кг. серебра; на 1,7 млрд. руб. драгоценностей; 4,5 млрд. руб. облигаций государственных займов; свыше 0,5 млрд. руб. вкладов в сберегательных кассах.

На народные деньги были построены танковые колонны «Тамбовский колхозник», «Московский колхозник», «Уральский комсомолец», «Комсомолец Татарии», другие танковые подразделения, многие авиационные эскадрильи.

Здесь необходимо отметить и помощь Монгольской Народной Республики, единственного азиатского союзника СССР. На средства, собранные ее гражданами, созданы танковая колонна «Революционная Монголия» и авиационная эскадрилья «Монгольский арат». Кроме того, за годы войны соединения Красной Армии и отечественное народное хозяйство получили отсюда свыше 500 тыс. лошадей, большое количество крупного рогатого скота и овец.

Огромная роль по сплочению народных масс принадлежала представителям традиционных религий, жестоко гонимых с момента установления Советской власти, так называемыми «воинствующими безбожниками».

Уже 22 июня 1941 г. митрополит Московский и Коломенский, патриарший местоблюститель Сергей, не дожидаясь реакции официальных властей, обратился с посланием к духовенству и верующим с призывом активно помогать в защите Родины от немецко-фашистских захватчиков. Всего за годы войны было обнародовано 23 подобных послания. Ставший с сентября 1943 г. Патриархом Московским и всея Руси Сергей руководил деятельностью церкви по сбору средств в Фонд обороны, для строительства танковой колонны «Дмитрий Донской» и авиационной эскадрильи «Александр Невский».

В осажденном Ленинграде все дни его героической обороны пастырский долг нес митрополит Алексей, также будущий патриарх. Помимо богослужений, в подчиненных ему храмах проводился сбор средств на оборону, помощь раненым и сиротам. В дальнейшем, за активную патриотическую деятельность митрополит был удостоен медали «За оборону Ленинграда».

В свою очередь, в мае 1942 г. в Уфе состоялся съезд представителей мусульманского духовенства и

верующих. Председатель Центрального Духовного управления мусульман муфтий А. Расулаев, призвая выполнять заветы великого пророка Мухаммеда, указывал, что любовь к Родине и ее защита являются одним из условий веры.

С соответствующим письмом-воззванием к верующим обратились руководители союзов баптистов и евангельских христиан. Старообрядческий Архиепископ Московский и всея Руси Иринарх в рождественском послании 1942 г. призывал верующих оказывать всякое противодействие врагу на оккупированной территории в рядах партизан и доблестно служить в Красной Армии.

Так или иначе, практически все вышеозначенные и другие общественные инициативы получали необходимое нормативное оформление, как в общегосударственном масштабе, так и на нижестоящем уровне.

Поэтому весьма характерно, что в СССР с первых дней войны в области идеологии существенно меняется деятельность государства и ВКП (б). На смену прежним классовым лозунгам и интернационалистским догмам приходит обращение к исторической памяти советских людей, подвигам их далеких предков, образам Александра Невского и Дмитрия Донского, Кузьмы Мина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова.

В деле борьбы с вражеским нашествием советское государство обратилось и к тем гражданам страны, кто находился в местах лишения свободы. В частности, на основании закрытых Указов ПВС СССР от 12 июля 1941 г. и 24 ноября 1941 г. «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям» за годы войны было досрочно освобождено и направлено в различные строевые части Красной Армии около 950 тыс. заключенных. Подавляющее большинство из них достойно и честно выполнили свой долг и заслуженно удостоились высоких государственных наград.

Основные направления развития уголовного права в военное время – это перестройка деятельности органов правосудия с учетом возросшей степени общественной опасности многих преступлений; активное противодействие злостным нарушениям дисциплины во всех сферах жизнедеятельности; усиление борьбы с потерей бдительности; суровое наказание немецко-фашистских преступников и их пособников. Поэтому в годы войны принимались законы, направленные на борьбу с преступлениями, прямо или косвенно подрывающими обороноспособность страны:

– Указ ПВС СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [5];

– Указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [6];

– Указ ПВС СССР от 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» [7].

Следует подчеркнуть, что принимать такие акты заставляла суровая действительность, но более детально останавливаться на последнем.

Во-первых, с правовой точки зрения данный Указ более качественно разграничил составы преступлений, связанных с разглашением государственной тайны и утратой соответствующих документов, от составов так называемых «контрреволюционных» преступлений и составов должностных преступлений, ответственность за которые закреплял УК РСФСР 1926 г.

Во-вторых, проверки, регулярно осуществляемые военными чекистами, выявляли многочисленные факты, связанные с нарушениями самых типичных требований по ведению секретного делопроизводства

и в центральном аппарате Красной Армии, и на местах, в отдельных воинских частях и соединениях. Это зафиксировано в различных документах, утративших в настоящее время гриф секретности.

Например, в «Докладной записке членов комиссии НКГБ СССР наркомом госбезопасности СССР о результатах проверки охраны помещений и хранения военно-оперативных документов в Генштабе РККА» от 29 июня 1941 г. содержится широкая информация о крайне неудовлетворительном уровне защищенности военной тайны в самом высшем органе армейского стратегического планирования и управления нашей страны [8].

К сожалению, вне зависимости от принимаемых мер, указанная безответственность не была ликвидирована до конца войны. Так, в специальном сообщении от 16 марта 1944 г. ГУКР «Смерш» НКО СССР № 17171 в Генеральный штаб Красной Армии о нарушении приказа НКО по скрытому управлению войсками констатировалось, что армейскими чекистами 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта фиксировались неоднократные факты, когда «отдельные командиры частей и соединений, а также офицеры штабов, разговаривая по телефону, открытым текстом разглашают замыслы командования, состояние и дислокацию воинских частей 4-й ударной армии» [9].

Вместе с тем, летом 1942 г. советский народ и наша страна подверглась очередным крайне серьезным испытаниям. Это поражение Красной Армии под Харьковом, оставленные Керчь и Севастополь; трагедия 2-й Ударной армии в новгородских болотах и продолжающаяся блокада Ленинграда; прорыв вражеских войск на Северный Кавказ и выход к Волге, в районе Сталинграда.

В то время во всех воинских частях и соединениях был зачитан, фактически имевший силу чрезвычайного закона, знаменитый приказ наркома обороны И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с занимаемых позиций», получивший среди военнослужащих название «Ни шагу назад!».

В указанном документе говорилось о причинах поражения, понесенных Красной Армией, а также обосновывалась необходимость принятия самых суровых мер к трусам и паникерам в тех катастрофических условиях, когда решался вопрос о жизни и смерти нашего народа. При всей своей неоднозначности, приказ способствовал наведению дисциплины в войсках и выполнил важную мобилизующую роль.

Здесь также необходимо кратко охарактеризовать утвержденный 26 сентября 1942 г. заместителем наркома обороны СССР генералом армии Г.К. Жуковым «Приказ с объявлением положений о штрафных батальонах и ротах и штатов штрафного батальона, роты и заградительного отряда действующей армии».

Вокруг этих положений российскими писателями, журналистами и кинематографистами прозападного толка возведены горы преднамеренной лжи. Если верить таким авторам, то штрафбаты в полном составе, включая рядовых солдат и командиров, комплектовались исключительно из бывших заключенных, которых «смершевцы» и большевистские комиссары массово губили в бессмысленных, совершенно не подготовленных атаках, расстреливали по любому поводу и пр.

Между тем, в п. 1 ст. I Положения говорится следующее: штрафные батальоны имеют целью дать возможность лицам среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий.

Таким образом, в данные подразделения, не только за указанные выше, но и иные проступки, направлялись, согласно п. 9 ст. III Положения, на срок от одного до трех месяцев лица, ранее имевшие офицерские звания, но не бывшие заключенные.

Штрафные батальоны находились в ведении военных советов фронтов, а не каких-то пресловутых «особистов», распорядившихся их судьбой по собственному усмотрению. Весь начальствующий состав штрафных батальонов назначался на соответствующие должности приказом по войскам фронта из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников.

За боевое отличие штрафник мог быть освобожден досрочно, в том числе и с представлением к правительственной награде. На основании п. 17 ст. III, все освобожденные из штрафного батальона восстанавливались в звании и во всех правах. В свою очередь, практически на идентичных условиях в ведении военных советов армий создавались штрафные роты для провинившихся рядовых бойцов и младших командиров (сержантов).

Безусловно, судьба этих солдат складывалась по-разному, одни гибли в сражениях, другие получали ранения, боевые награды и возвращались в прежний строй. Для примера, следует назвать имена хотя бы двух известных человек, прошедших штрафные подразделения. Это писатель, Герой Советского Союза полковник В.В. Карпов и член Политбюро ЦК КПСС, Председатель КГБ СССР, Герой Социалистического труда генерал армии В.М. Чебриков.

Между тем, решающий перелом в ходе войны наступил после поражения немецко-фашистских войск летом 1943 г. в битве на Курской дуге. Советское командование полностью овладело стратегической инициативой. С этого момента началось неуклонное, крайне тяжелое, но победоносное движение Красной Армии на запад, освобождение от нацистского господства не только своей территории, но и оккупированных стран восточной Европы.

В связи с освобождением ранее оккупированных областей и районов нашей страны, для тщательного учета противоправных деяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, определения причиненного ими ущерба и установления личности преступников, виновных в организации или совершении злодеяний на территории СССР, с целью предания их суду в 1942 г. была образована Чрезвычайная государственная комиссия.

Поэтому наиболее существенное место в уголовном законодательстве занял Указ ПВС СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийстве и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». Данный акт закреплял меры возмездия, не имевшие аналогов в действующем советском законодательстве.

Так, в п. 1 Указа подчеркивалось: «установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение».

В свою очередь, в п. 5 говорилось, что повешение осужденных к смертной казни – производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершит насилие и расправу над гражданским населением и кто предаст свою родину.

Кроме того, для пособников из числа местного населения Указ предусмотрел специальную меру наказания – ссылку на каторжные работы на срок от 15

до 20 лет. Хотя текст Указа в то время официально не публиковался, однако на основании приказа наркома обороны И.В. Сталина содержание документа было доведено до сведения всех военнослужащих Красной Армии.

Первый в нашей стране публичный процесс над изменниками и карателями состоялся 14 – 17 июля 1943 г. в г. Краснодаре. Перед военным трибуналом предстали 11 обвиняемых, из которых восемь были приговорены к смертной казни через повешение, а трое осуждены к 20 годам каторжных работ. 18 июля 1943 г. приговор был приведен в исполнение при большом стечении народа. В дальнейшем, подобные процессы прошли в Киеве, Минске, Смоленске, Брянске, Великих Луках, Николаеве и других городах нашей страны.

Справедлив вывод А.Е. Епифанова, что создание системы правовых и организационных форм борьбы с военными преступниками и их пособниками имело под собой нашедшие свое подтверждение на следствии и в суде объективные основания, заключающиеся в массовых злодеяниях, совершенных гитлеровскими захватчиками и их пособниками на оккупированной территории СССР в отношении мирных советских граждан и военнопленных, а также причиненный их преступной агрессией материальный ущерб.

Данный исследователь отмечает, что по анализируемому Указу за период с 1943 по 1952 гг. к уголовной ответственности было привлечено не менее 81 780 человек, из которых – 25 209 иностранцев [10].

По нашему мнению, исключительная жесткость означенного акта может быть объяснена не только чрезвычайными условиями войны, но и тем обстоятельством, что кроме лиц, непосредственно служивших в различных карательных и полицейских формированиях, более одного миллиона советских граждан сотрудничали с оккупационными властями. Это городские бургомистры и сельские старосты, переводчики, служащие местных управ, газет, железнодорожного транспорта и пр. Их деятельность также, безусловно, требовала к себе пристального внимания со стороны советских компетентных органов.

В свою очередь, задача иного отраслевого законодательства тех лет заключалась в том, чтобы всемерно содействовать быстрому переходу всего народного хозяйства на военный лад, наладить полную мобилизацию ресурсов и поддерживать строжайшую дисциплину во всех жизненно важных сферах.

По объективным причинам сузилась сфера договорных отношений и, в соответствии с реалиями военной ситуации, возросла роль административно-правовых методов регулирования. Так, Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени» упрощались процедуры передачи предприятия, оборудования и расходования материальных ресурсов от одной отрасли к другой, что являлось весьма существенным делом в условиях дефицита времени.

Закрытым Указом ПВС СССР от 29 декабря 1941 г. вводился военный налог вместо надбавок к подоходному и сельскохозяйственным налогам. Его взимание объяснялось необходимостью привлечения населения к широкому участию в формировании доходов бюджета, для более устойчивого финансирования нужд страны. Ставки налога дифференцировались по категориям плательщиков. В результате военный налог поступал в размере, превышающих все другие налоги граждан, и за годы войны составил более 72,1 млрд. руб.

Широкая программа по возрождению всех отраслей производства на ранее оккупированных территориях содержалась в совместном Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В первую очередь они касались

вопросов налаживания сельского производства, восстановления железных дорог, строительства жилья, воспитания детей-сирот.

Кроме того, в 1943 – 1944 гг. обнародуются ряд специальных директив о мерах по возрождению конкретных отраслей народного хозяйства и постепенной переориентации ряда промышленных предприятий, работавших для нужд фронта, на выпуск продукции гражданского назначения. Так, в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 18 февраля 1944 г. «О строительстве тракторных заводов и развитии производственных мощностей по выпуску тракторов для сельского хозяйства» поставка селу соответствующей техники определялась как важнейшая хозяйственно-политическая задача.

В годы войны существенное наполнение и углубление получило международное право, что объясняется активной позицией СССР в отношении со многими участниками антигитлеровской коалиции и прорыве политической изоляции нашей страны.

Так, 26 мая 1942 г. в Лондоне был подписан советско-английский договор о союзе в войне против фашистской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после завершения войны, а 11 июня 1942 г. в Вашингтоне заключено советско-американское соглашение о принципах взаимной помощи в ведении войны против агрессии.

По предложению СССР совместно с США и Великобританией 30 октября 1943 г. принимается Московская декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. Она содержала предупреждение о том, что германские солдаты, офицеры и члены нацистской партии, ответственные за зверства, убийства и казни, совершенные на территории временно оккупированных ими стран, будут отосланы для суда за их преступления в эти страны.

Важное значение для развития всесторонних контактов между СССР, США и Великобританией имела Тегеранская конференция, состоявшаяся в столице Ирана 28 ноября – 1 декабря 1943 г., где руководители стран-союзников И.В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль обсудили планы, связанные с открытием второго фронта, общей координацией дальнейших военных действий, а также послевоенного сотрудничества в деле обеспечения прочного мира.

Последующее взаимодействие союзников определялось на ялтинской (Крымской) конференции 4 – 11 февраля 1945 г. Здесь получили логическое завершение споры о будущем польском правительстве, о границах Польши и Югославии; о вступлении СССР в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии при условии сохранения существующего статус-кво Монгольской Народной Республики; о восстановлении принадлежащих России прав, нарушенных в результате русско-японской войны 1904 – 1905 гг., и передаче нашей стране Курильских островов.

Необходимо подчеркнуть, что именно тогда последовало решение вопроса о создании совместно с другими миролюбивыми государствами Организации Объединенных Наций. В дальнейшем ялтинские резолюции были дополнены и закреплены на Потсдамской конференции 17 июля – 2 августа 1945 г.

Великая Отечественная война, длившаяся 1418 дней и ночей, завершилась 9 мая 1945 г. безоговорочной капитуляцией Германии. Победа досталась нам крайне тяжелой ценой, ибо только безвозвратные людские потери Советского Союза составили свыше 27 млн. человек. После разгрома милитаристской Японии и окончания второй мировой войны чрезвычайный орган управления – Государственный Комитет обороны был упразднен. Одновременно уходили в историю практически все законы военного периода.

Так, на основании Указа ПВС СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» судимость снималась со всех военнослужащих, осужденных с применением отсрочки приговора или ранее освобожденных из мест лишения свободы [11]; Указом ПВС СССР от 30 июня 1945 г. «Об отпусках рабочим и служащим» восстанавливался их прежний порядок, отмененный в период войны [12]; а заключительным документом, подводившим черту под чрезвычайным законодательством, явился Указ ПВС СССР от 21 сентября 1945 г., признавшим утратившими силу все ранее принятые акты об объявлении в ряде местностей СССР военного положения [13]. В нашей стране началось восстановление системы государственного и местного управления мирного времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомости ВС СССР. 1941. № 29.
2. Ведомости ВС СССР. 1941. № 29.
3. Муранов А.И. Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны // Государство и право. 1995. № 8. С. 82–107.
4. Ведомости ВС СССР. 1941. № 30.
5. Ведомости ВС СССР. 1941. № 32.
6. Ведомости ВС СССР. 1942. № 2.
7. Сборник законов СССР и Указов ПВС СССР 1938–1956 гг. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 98.
8. Атаманенко И. Шпионами не рождаются. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 456 с.
9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января–30 июня 1944 года). М.: Кучково поле, 2007. 728 с.
10. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (Историко-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 445 с.
11. Ведомости ВС СССР. 1945. № 36.
12. Ведомости ВС СССР. 1945. № 37.
13. Ведомости ВС СССР. 1945. № 71.

THE ISSUE OF CERTAIN ASPECTS OF SOVIET LEGISLATION
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

© 2015

A.A. Gogin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Chair "Entrepreneur and Labor Law"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: This publication contains the characteristics of the individual-legal acts adopted in the USSR during the Great Patriotic War. Among them a special place is occupied by those directives to-Documents, which served as the basis for the mobilization of the entire Soviet generation to repel the enemy. The article analyzes the provisions of the laws, direction-represented at raising the level of military and executive discipline; considered measures of responsibility applied to military crime Cams, guilty of committing mass crimes against civilians and prisoners of war; Patriotic Movement of representatives of various strata of Soviet society; activism USSR the internationally arena.

Keywords: aggression, the Great Patriotic War, the Red Army, the law, the court, martial law, mobilization, industry, occupied territory, the victory, the amnesty.

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

© 2015

A.A. Gogin, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
«Предпринимательское и трудовое право»
O.E. Repeteva, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
«Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В публикации анализируются отдельные моменты, характеризующие вербальные правонарушения, которые представляют собой устную (словесную) форму выражения, распространенную письменно или устно во времени и пространстве. К их числу относятся: клевета, оскорбление, открытые и завуалированные призывы к совершению противоправных деяний, угрозы убийством, клевета в отношении судей и представителей правоохранительных органов. Социальная вредность противоправных деяний заключается в причинении ущерба чести, достоинству и деловой репутации физических лиц (граждан) и юридических лиц (организаций).

Ключевые слова: вербальное правонарушение, юридическая ответственность, физическое лицо, юридическое лицо, прямой умысел, речевая агрессия, виновность деяния, эмоциональная составляющая, национальная рознь.

В российских судах рассматривается значительное количество дел, где определенные тексты выступают в виде доказательств, способствующих расследованию противоправных деяний или разрешению гражданско-правовых споров. Речь идет о так называемых вербальных (от лат. *verbalis* – устный, словесный) правонарушениях (преступлениях или проступках). В отечественном законодательстве означенные деяния не выделены в обособленный вид правонарушений, поскольку словесный элемент в различных составах преступлений или проступков есть признак как субъективной, так и объективной стороны.

Особенность вербального правонарушения состоит в том, что его предметом выступает произнесенное публично словесное высказывание или конкретная фраза, распространенная письменно или устно во времени и пространстве. Именно в такой момент складывается объект правонарушения – непосредственное физическое лицо (гражданин) или юридическое лицо (организация), чести, достоинству, деловой и иной репутации которого причиняется определенный вред.

Дела подобного рода возникают как последствия недоразумений на бытовом и профессиональном уровне, в противоречиях между хозяйствующими субъектами, при недобросовестной конкуренции или в межнациональных и конфессиональных конфликтах.

Типичны ситуации, когда средства массовой информации распространяют сведения, не соответствующие действительности, порочащие честь и достоинство физических лиц (граждан) и юридических лиц (организаций). Факты возбуждения межнациональной розни и вражды стали распространенным явлением не только среди представителей маргинальных слоев общества. Известное отражение они находят в печатных изданиях, радио- и телепередачах, в Интернете.

При некоторых условиях, прямо закрепленных в законе, объектом вербального правонарушения является государство, его политический и конституционный

строй, территориальная целостность, общественный правопорядок, нравственность и здоровье населения страны, права и свободы человека и гражданина. Поэтому предусмотрены меры юридической ответственности за публичные призывы к насильственному изменению государственного и общественного строя или к осуществлению экстремистской деятельности; за неуважение к суду, за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава и пр.

Вместе с тем при квалификации правонарушений возникают существенные трудности, ибо сам жанр призыва представляет собой крайне сложное, многостороннее, не имеющее четких границ явление. В действительности существует много видов различных публичных обращений и способов их претворения в жизнь. Среди юристов и специалистов-лингвистов еще не выработаны однозначные и бесспорные критерии разграничения призывов как правонарушений и призывов, не обладающих признаком противоправности.

Анализ составов отдельных вербальных правонарушений позволяет сформулировать общее понятие, характеризующее данные деяния, определить их сущность, признаки и иные сопутствующие черты.

Так, в нашей стране под особой охраной находятся естественные, неотчуждаемые права человека и гражданина, поскольку в ст. 2 Конституции РФ подчеркивается: «Человек, его права и свободы, которые возникают и существуют не по соизволению государства, являются высшей ценностью». Их должную защиту также гарантирует п. 1 ст. 23 Основного закона, где говорится, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени».

В данном аспекте честь, достоинство и деловая репутация являются фундаментальными нравственными категориями, в общем итоге определяющими доброе имя и неприкосновенность личности.

Честь и достоинство включают в себя два элемента:
 - разноплановая характеристика физического лица окружающими его людьми;
 - собственная, внутренняя самооценка индивида.

В свою очередь, деловая репутация есть внешнее восприятие профессио-нальных качеств и других свойств физического лица (гражданина) и юридического лица (организации).

Право на неприкосновенность означает предоставленную индивиду и поддерживаемую государством возможность контролировать информацию о самом себе, любым законным способом препятствуя разглашению сведений сугубо личного, интимного характера. Образ мыслей, политическое и социальное мировоззрение, увлечение и творчество, иные интересы, запросы и потребности, составляющие духовный мир человека, также являются элементами частной жизни.

В целом, частная жизнь понимается как пребывание индивида в особой обстановке семейных, бытовых и интимных отношений, не подлежащих контролю со стороны государства, политических и общественных организаций или отдельных граждан.

Кроме того, ее обязательными элементами выступают свобода уединения, размышления, переписки, ведения дневников и других записей, вступления в контакты с самыми различными людьми; свобода высказываний и поступков за пределами служебных отношений. Это состояние безусловной уверенности в том, что личные тайны не будут выявлены и преданы гласности без добровольного согласия самого человека.

В свою очередь, к профессиональным тайнам, прямо связанным с неприкосновенностью частной жизни, но в силу многих причин доверенным представителям отдельных профессий для защиты прав и интересов граждан, относятся медицинская тайна и тайна исповеди; тайна предварительного следствия и судебной защиты; усыновления и нотариальных действий (содержание завещания, акта дарения имущества и пр.).

В отраслевом законодательстве нашей страны сформулированы материально-правовые и процессуальные гарантии охраны тайны личной жизни, чести, достоинства и деловой репутации, а также непосредственные обязанности должностных лиц, ибо при некоторых обстоятельствах нарушение ими директивных требований может способствовать совершению противоправных деяний, в том числе вербального характера.

Закрепив в нормах административного, гражданского и уголовного законодательства необходимые правила, предусматривающие ответственность за вербальные правонарушения, государство прямо запрещает данные формы противоправного поведения.

В конкретной ситуации под предметом правонарушения понимаются отдельные вещи, обладающие индивидуальными материальными характеристиками, и интеллектуальные ценности, воздействуя на которые виновный субъект способен причинить вред государственному, общественному, частным или иным сугубо личным интересам.

Например, это может произойти, когда индивид, используя свое право на предоставленную законом свободу самовыражения, разглашает сведения, имеющие характер государственной, коммерческой, банковской и другой охраняемой законом тайны. В подобных условиях нарушитель не оказывает прямого воздействия на материальный носитель, но предает огласке конфиденциальную информацию, не предназначенную для посторонних лиц.

В повседневной жизни наиболее распространенные виды вербальных правонарушений имеют форму «речевой агрессии». По мнению Ю.В. Щербины, под указанным антиобщественным поведением понимается обидное общение, словесное выражение негативных

эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме [1, с. 9].

Судебные эксперты и специалисты в области лингвистики выделяют два вида означенной агрессии:

а) она представляет собой выражение отрицательных чувств и эмоций одного субъекта по отношению к другому, в том числе и в виде оскорбления. К чувствам и эмоциям, способным вызвать речевую агрессию, относят злость, раздражение, обиду, недовольство, отвращение, презрение. Обычно подобная агрессия проявляется как ответная реакция на внешний раздражитель (поведение оппонента, его слова, жесты и пр.);

б) с другой стороны, речевая агрессия может складываться и как особое, продуманное и целенаправленное намерение говорящего или пишущего индивида причинить урон конкретному адресату (унизить его достоинство, оскорбить близких людей того или иного человека, высмеять манеры поведения).

Посредством речевой агрессии виновный субъект столь недостойным способом стремится воплотить в жизнь какие-либо свои внутренние потребности (как правило, они связаны с личным самоутверждением, желанием возвыситься, выделиться в глазах окружающих, придать себе более высокое значение).

К основным видам и формам реализации вербальной агрессии относятся:

- оскорбление, враждебное замечание, угроза;
- грубое требование, жесткий отказ;
- порицание (упрек, обвинение), насмешка;
- жалоба, донос, клевета, ссора.

В современной науке оскорбление как тип агрессивных высказываний обозначают термином «инвектива» («резкое выступление против кого-, чего-л.; оскорбительная речь, брань, выпад»; производное от лат. *invective oratio* – бранная речь).

В работах отечественных исследователей в широком значении понятие инвективы и ее признаки рассматриваются как любое выражение человеческой неприязни и агрессии, в перспективе воспринимаемое в виде непосредственного оскорбления. В узком смысле этого слова инвектива имеет и другие распространенные названия: ненормативная, табуированная, непристойная, непечатная, нецензурная лексика.

Нецензурная лексика есть предельно экспрессивные и эмоциональные выражения, признаваемые на данном этапе состояния и развития языкового и социального сознания нашего народа абсолютно недопустимыми в публичном общественном употреблении в любой форме устной или письменной речи, а также в любой коммуникативной ситуации.

Несмотря на широкое бытовое распространение, в российских средствах массовой информации (печать, радио, телевидение, Интернет) на нее наложен полный запрет, нарушение которого с нравственных позиций осуждается социумом, а при определенных обстоятельствах влечет за собой применение мер правового воздействия.

Речевое поведение, воспринимаемое униженным лицом в виде оскорбления, эксперт-лингвист может анализировать как особый тип словесного действия – речевой акт оскорбления. С семантической точки зрения оно содержит два обязательных элемента:

а) приписывается какая-либо негативная характеристика адресату оскорбления, вне всякой связи с тем, соответствует это действительным фактам или нет;

б) эта негативная характеристика выражается только в непристойной форме (при означенных условиях она понимается в широком смысле слова – вся ненормативная лексика, и в определенной ситуации – некоторая часть нормативной лексики).

В данной ситуации на разрешение специалиста ставится сложная задача. Ему необходимо предложенное

высказывание анализировать, рассматривать и оценивать в границах конкретного микротекста (непосредственного словосочетания, отдельной фразы, прямого предложения) и макроконтраста (ситуации, способствующей происхождению текста и вызвавшей спорные, неоднозначные изъяснения).

При анализе формы высказывания требуется установить: является ли она приличной или неприличной, имеет или нет непосредственное эмоционально-стилистическое содержание: оскорбительное, унижительное. В свою очередь, с лингвистической позиции юридическая регламентация распространяется на три обязательных элемента высказывания: форму, содержание и прагматику.

С прагматической точки зрения, представляющей собой внетекстовый элемент высказывания, устанавливаются следующие аспекты:

- позиция автора текста, его непосредственные цели и задачи;
- предполагаемая реакция слушателя (читателя) и его дальнейшее поведение.

В значительной степени именно прагматика высказывания позволяет раскрыть субъективную сторону правонарушения и выяснить, содержатся ли в самом высказывании, его форме и содержании признаки того, что автор прямо осознавал смысл и содержание совершаемого поступка, желал ли он или нет наступления вредных последствий и пр.

Юридическая ответственность наступает только в связи с распространением неправомерной информации, где основным признаком правонарушения является содержание той или иной речи, высказывания, публикации. Их всесторонний анализ дает возможность установить следующие обязательные аспекты:

- а) действительно ли речь идет о конкретном потерпевшем, чести, достоинству и деловым качествам которого причинен непосредственный вред;
- б) являются ли реально озвученные сведения порочащей или унижающей информацией.

В компетенцию эксперта-лингвиста входят три обязательных элемента:

- установление отнесенности спорного высказывания или подобного текста к конкретному лицу;
- установление наличия факта речевого оскорбления или его отсутствия;
- установление формы передачи той или иной информации: приличная или неприличная.

Социальная вредность вербальных правонарушений имеет еще одну весьма существенную и отрицательную сторону. Такой проступок, как оскорбление может служить поводом к совершению потерпевшим от вербального правонарушения субъектом тяжкого деяния: убийства виновного лица, нанесения телесных повреждений различной степени тяжести, побоев и истязаний. Подобное развитие событий хорошо известно в отечественной правоприменительной практике.

Поэтому, согласно ст. 113 УК РФ смягчающим вину обстоятельством является умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким *оскорблением* со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Наиболее распространенным из вербальных деяний является *клевета*, ответственность за распространение которой установлена ст. 128.1 УК РФ.

Объектом преступления выступает репутация человека, его честь и достоинство. Согласно исторически сложившимся в русском языке понятиям, честь – это

заслуживающие уважения и гордости нравственные качества человека, его принципы и незапятнанная репутация, доброе имя и почет. Достоинство предполагает положительные черты, совокупность высоких моральных начал, а также уважение этих свойств в самом себе. Репутация есть приобретенная кем-либо социальная оценка, объективное мнение о качествах, достоинствах или недостатках кого-либо.

Потерпевшим может быть любое физическое лицо, в том числе малолетние и недееспособные граждане, а также умершие, при условии если распространяемые о них недостоверные и позорящие сведения касаются чести живых членов семьи. Так, в ч. 2 ст. 318 УПК РФ применительно к процедуре возбуждения уголовного дела частного обвинения констатируется, что в случае смерти потерпевшего уголовное дело возбуждается путем подачи заявления его близким родственником.

Объективная сторона преступления характеризуется деянием в виде распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого человека или подрывающих его репутацию. Под распространением понимается сообщение любым способом информации о будто бы имевших место фактах или событиях хотя бы одному лицу. Предметом клеветы являются заведомо ложные (не соответствующие действительности сведения), представленные самим виновным или базирующиеся на слухах и сплетнях.

Весьма существенное условие заключается в том, что по своему характеру сведения должны быть порочащими честь и достоинство другого лица или подрывающими его репутацию и авторитет и касаться конкретных фактов. В случае если виновный субъект ограничивается общими характеристиками потерпевшего, состав клеветы отсутствует, но при наличии других признаков возможно наступление административной ответственности за оскорбление.

Как правило, порочащими признаются сведения о нарушении потерпевшим требований законов, о совершении аморальных поступков в быту или на работе, о наличии венерического заболевания, о систематическом пьянстве и пр. Обычно в жизни сведения клеветнического характера имеют как устную, так и письменную форму. Например, они могут содержаться в письме, в приказе о наложении взыскания, в иных служебных документах.

Анализируемое преступление имеет формальный состав и считается оконченным в момент сообщения подобных сведений хотя бы одному человеку, вне зависимости от того, причинили ли они какой-либо вред охраняемым законом интересам потерпевшего. Однако если лицо, распространяя сведения, порочащие другое лицо, добросовестно заблуждалось относительно их правдивости, то в таком поведении отсутствует состав клеветы. Также не содержит состава клеветы сообщение хотя и порочащих, но реальных сведений.

Субъективная сторона клеветы характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает ложный и позорящий характер распространяемой им информации и желает предать ее огласке. Субъектом рассматриваемого деяния признается физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

В свою очередь, в п. 2, 3 и 4 ст. 128.1 УК РФ закреплена юридическая ответственность за квалифицированные и особо квалифицированные виды анализируемого преступления. Законодатель специально выделяет клевету, содержащуюся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации (п. 2 ст. 128.1 УК РФ).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», подчеркивается, что порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином действующего законодательства, совершении не-

честного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или его деловую репутацию.

Вместе с тем особо тяжким обстоятельством признается клевета, совершенная с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 128.1 УК). Это означает совершение указанных в законе действий не только должностным лицом какой-либо структуры или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной общественной организации, но и другими служащими, осознающими, что, совершая противоправное деяние, они используют свое служебное положение. Если виновный субъект распространяет заведомо ложные сведения о том, что другое лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, или совершает (совершило) преступления сексуального характера, то ответственность наступает по ч. 4 рассматриваемой статьи.

Однако перечень подобных заболеваний официально не сформулирован. В правоприменительной практике означенный пробел может вызывать известные сложности. Категория преступлений сексуального характера также не имеет законодательного определения, что затрудняет привлечение виновного субъекта к уголовной ответственности. В данной ситуации речь может идти о преступлениях, предусмотренных ст. 127.1 и 127.2, 131–135 УК РФ.

Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 128.1 УК РФ), образует особо квалифицированный состав преступления. Перечень тяжких и особо тяжких преступлений представлен в ч. 4 и 5 ст. 15 УК РФ.

Среди других вербальных преступлений существенное место занимает ст. 280 УК РФ – **«Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»**. Здесь объектом преступления, прежде всего, выступают права и свободы человека и гражданина, конституционный строй и политическая система Российской Федерации, целостность и безопасность страны, другие значимые блага и интересы нашего общества и государства. По своей сущности экстремизм представляет собой многообразную противоправную деятельность общественных, религиозных, националистических и иных объединений (организаций), средств массовой информации либо отдельных физических лиц.

Развернутое понятие экстремистской деятельности (экстремизма) изложено в п. 1 ст. 1 ФЗ РФ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 21 июля 2014 г.). Экстремистская деятельность может иметь следующие формы выражения:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

К экстремистским проявлениям также относятся:

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием

либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 УК РФ; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения [2, с. 37; 3, с. 80].

Как экстремизм определяется публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Проявлениями экстремизма следует считать призывы к систематическим нарушениям прав человека и гражданина, дискриминации людей по шовинистическому, национальному, расовому или религиозному признаку. Поэтому в законе особое внимание уделено вопросам недопущения осуществления экстремистской деятельности при проведении массовых акций. В частности, на основании ст. 16 при проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования не допускается осуществление экстремистской деятельности. Организаторы массовых акций несут ответственность за соблюдение установленных законодательством РФ требований, касающихся порядка проведения массовых акций, недопущения осуществления экстремистской деятельности, а также ее своевременного пресечения. Об указанной ответственности руководители таких мероприятий предупреждаются в письменной форме органами внутренних дел РФ еще до начала проведения акции.

Призыв понимается как вид активного, прямого воздействия на сознание и волю людей с целью склонить их к насильственным действиям по захвату, удержанию власти или изменению конституционного строя. Формы осуществления призывов разнообразны и могут быть весьма изощренными: устные, письменные, с применением технических средств и иных научных достижений.

Обязательным требованием к призывам выступает их публичность, предполагающая, что призывы обращены к широкому кругу граждан. Наиболее типичными примерами публичности являются выступления на собраниях, митингах и других массовых мероприятиях, использование экстремистских лозунгов во время демонстраций, шествий, организации пикетов.

В каждом конкретном случае вопрос о публичности призывов должен решаться тщательно, с учетом всех обстоятельств дела. Обязательному установлению и документальному подтверждению подлежит непосредственно сам факт восприятия слушателями соответствующих призывов. Преступление считается оконченным с момента публичного распространения призывов означенного содержания вне зависимости от того, достигли они своей цели воздействия на граждан

или нет.

С другой стороны, публичные призывы, возбуждающие ненависть или вражду, опасны тем, что потенциально могут вовлечь в активные действия неустойчивых представителей различных слоев российского общества.

Так, если публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности повлекли за собой хулиганство, вооруженный мятеж или массовые беспорядки, то, как правило, действия виновных лиц квалифицируются по совокупности преступлений: массовые беспорядки – ст. 212 УК РФ; хулиганство – ст. 213 УК РФ; вооруженный мятеж – ст. 279 УК РФ. Например, квалифицирующим признаком хулиганства, то есть грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, признается совершение указанного деяния по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [4, с. 98].

С субъективной стороны данное преступление совершается только с прямым умыслом, поскольку его цель в том, чтобы склонить граждан к осуществлению экстремистской деятельности. Виновный субъект осознает характер и публичную направленность призывов и желает действовать таким образом. Правоприменительная практика показывает, что мотивы подобных действий являются самыми разнообразными: политическое противостояние, идейные позиции, отрицание существующего конституционного строя, месть и пр.

Вместе с тем, они учитываются судом при назначении меры наказания. Ответственность за данное преступление несут российские граждане, иностранцы и лица без гражданства, достигшие 16-летнего возраста.

Отечественное уголовное законодательство не предусматривает таких отягчающих обстоятельств, как повторность публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, совершение призывов организованной группой и совершение преступления по заданию иностранных организаций или их представителей.

Однако совершение подобного деяния по заданию иностранных государств, иностранных организаций или их представителей квалифицируется по совокупности с государственной изменой в форме оказания помощи иностранному государству, иностранной организации в проведении враждебной деятельности против нашего государства, если эти действия совершены российским гражданином.

На основании п. 2 ст. 280 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за публичные призывы к экстремизму, совершенные с использованием средств массовой информации: радио, телевидение, печать, сеть Интернет. В Российской Федерации прямо запрещено законом распространение через указанные средства экстремистских материалов и осуществление ими экстремистской деятельности.

В свою очередь, изготовление, размножение или хранение материалов с целью последующего их использования для пропаганды экстремизма не влекут уголовной ответственности, так как стадия приготовления к данному преступлению в силу п. 2 ст. 30 УК РФ ненаказуема, ибо осуществляется приготовление к совершению преступления средней тяжести. По тем же основаниям российский закон не считает наказуемым и подготовку к совершению указанного преступления с использованием средств массовой информации.

Следует отметить, что содержание закона, несмотря на значительные изменения первоначального текста, все еще вызывает неоднозначную оценку специалистов, как правоведов, так и лингвистов. Это обусловлено многими трудностями, например, связанными с определением

какого-либо призыва как экстремистского, ибо сам жанр призыва по многим параметрам имеет известное сходство с такими явлениями, как убеждение, внушение, возбуждение.

Кроме того, собственно призывы могут иметь существенное различие между собой. Наиболее ярко и эмоционально выраженными являются прямые призывы, представляющими собой радикальные, прямые способы воздействия на поведение слушателя. Обязательным элементом прямого призыва являются адресаты подобной речи, призванные осуществить то или иное активное действие. Обычно такие призывы звучат на митингах, демонстрациях, собраниях.

В последние годы более типичными являются скрытые призывы, как правило, содержащиеся в печатных изданиях, интервью, телепередачах или выступлениях по радио. С лингвистической точки зрения в указанном случае отсутствует основной, внешний признак призыва – императивная форма глагола.

Скрытность призыва заключается в том, что содержащаяся в нем информация оказывает целенаправленное, *подстрекательское* влияние на того или иного индивида (читателя, слушателя) и вызывает у адресата желание поступать определенным образом. По своему содержанию скрытый призыв представляет собой более сложный способ речевого воздействия на конкретного субъекта, ибо направлен на его психику, сознание и подсознание.

Подобная манипуляция человеческим сознанием допускает и такой скрытый призыв, как команда, приказ, завуалированный в форму вопроса. Например, фраза: «Ты завтра обязательно приедешь на наш митинг?» лишь внешне напоминает вопрос, поскольку в данном предложении заложено безусловное требование – *обязательно*. Практически адресат программируется на поступок в интересах подстрекателя.

Отметим, что в настоящее время для качественной и всесторонней обработки своих adeptов (от лат. adeptus – достигший, ярый последователь, приверженец какого-либо учения, идеи), а также манипулирования их сознанием, руководители организаций экстремистского и сектантского толка широко используют технические средства, современные разработки в области психологии, медицины и пр. [5, с. 63].

Вместе с тем, несмотря на наличие ряда проблем, ныне действующая редакция ФЗ РФ «О противодействии экстремистской деятельности» закрепляет более глубокое и развернутое толкование дефиниции «призыв к экстремистской деятельности», чем это было раньше, что позволяет правоприменительным органам успешнее привлекать виновных лиц к юридической ответственности за скрытый призыв.

Опыт показывает, что для установления достоверности изложенных фактов или их опровержения требуется применение специальных приемов в сфере филологической текстологии и прикладной лингвистики. Соответствующие познания экспертов позволяют провести качественный и объективный анализ того или иного текста, послужившего основой для возникновения конфликтной ситуации.

Следует подчеркнуть, что до недавнего времени лингвистическая экспертиза не была должным образом востребована правоприменительной и судебной практикой. В результате этого пока еще не выработано глубокое, всестороннее и научно обоснованное методическое обеспечение данного направления экспертной деятельности.

Специалисты, занимающиеся соответствующими вопросами, в качестве своей главной задачи обозначают взаимную адаптацию юридического и лингвистического понятийно-методологического аппарата, выявление и фиксацию непосредственных связей между нормами права и фактами языка. Это обусловлено

многочисленными запросами практической сферы, где существует настоятельная потребность в понятийном и методологическом упорядочении процедур применения лингвистических познаний.

Выводы:

- вербальные правонарушения (преступления и проступки) представляют собой имеющие устное (словесное) выражение, противоправные, социально вредные, виновные деяния, ответственность за совершение которых установлена нормами отечественного административного, уголовного и гражданского законодательства;

- сущность вербальных правонарушений состоит в негативном воздействии на эмоциональные и чувственные процессы, происходящие в сознании человека; при этом причиняется вред его чести, достоинству, личной жизни и деловой репутации;

- судебный порядок обращения и рассмотрения жалоб и заявлений граждан является наиболее надежным способом защиты своих личных интересов и благ от

правонарушений вербального характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. М.: Флинта, 2004. 221 с.
2. Канунникова Н.Г. Современные уголовно-правовые средства борьбы с преступлениями экстремисткой направленности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2. С. 37–41.
3. Розенко С.В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3. С. 80–95.
4. Касаев И.Х. Виктимологическая характеристика пострадавших от деятельности этнических преступных группировок // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1. С. 98–102.
5. Анисин А.Л. Криминологическая значимость религиозного фактора // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2. С. 63–70.

TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT AND NATURE OF VERBAL OFFENCES

© 2015

A.A. Gogin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Chair “Entrepreneur and Labor Law”
O.E. Repeteva, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of Chair “Business and employment law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The article analyzes some glimpses of verbal offences constituting oral (verbal) expression of circulated orally or in writing in time and space. These include: slander, insult, open and veiled incitement to commit illegal acts, death threats, defamation of judges and representatives of law enforcement agencies. Social harm of wrongful acts is to damage the honor, dignity and business reputation of individuals (citizens) and legal entities (organizations).

Keywords: verbal offense, legal liability, natural person, legal person, direct intent, verbal aggression, offense, the emotional component, national discord.

УДК 340

ОБЪЕКТ ХУЛИГАНСТВА

© 2015

Н.Ж. Данилина, преподаватель кафедры «Уголовное право и криминология»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: На основе действующего законодательства, научных исследований определяется объект такого преступления, как хулиганство. Автор анализирует общественную опасность данного преступления, а также признаки объекта хулиганства.

Ключевые слова: хулиганство, объект хулиганства, общественный порядок, общественная безопасность.

Объект преступления, являясь одним из элементов состава преступления, входит в основание уголовной ответственности. Его отсутствие означает и отсутствие состава преступления. По объекту определяется социальная сущность и общественная опасность деяния. Поэтому точное определение объекта необходимо и для квалификации преступных действий. Как отмечает профессор С. Мокринский: «описать состав преступления – значит, прежде всего, определить объект последнего – социальное благо, страдающие или подвергающиеся опасности от преступного действия» [1, с. 898].

Ключевым понятием в определении объекта хулиганства на современном этапе является понятие «общественного порядка».

Большинство советских исследователей хулиганства считали, что объектом преступления являются охраняемые уголовным законом общественные отношения. Под общественным отношением как объектом преступления в советскую эпоху понимались «определенные связи между людьми, складывающиеся в процессе их совместной материальной и духовной деятельности, на основе определенного способа производства, проявляющиеся на каждой ступени естественноисторического развития общества» [2, с. 16].

В современной теории уголовного права спорные вопросы ведутся вокруг дефиниций «общественный поря-

док» и «общественная безопасность». Например, А.В. Готовцев пишет, что если «общественный порядок – это обеспечение безопасности людей, то общественная безопасность – это и сохранность имущества, и нормальная работа источников повышенной опасности, представляющих угрозу для человека и общества. Отсюда следует вывод, что общественная безопасность несколько шире общественного порядка» [3, с. 13]. Автор данной статьи согласен с другой позицией ученых, что понятие общественного порядка шире понятия общественной безопасности, так как укрепление общественного порядка способствует повышению общественной безопасности [4, с. 8].

На объект хулиганства прямо указывается в самой уголовно-правовой норме (ст. 213 УК РФ), предусматривающей ответственность за данное преступление: хулиганство представляет собой грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Грубое нарушение общественного порядка означает деяние, выражающееся в причинении общественному порядку, правам и законным интересам граждан, организаций существенного вреда, например, издевательство, глумление над честью и достоинством незнакомых для хулигана граждан, бесчинства, длительное нарушение общественного спокойствия, срыв общественно-политических,

культурно-массовых мероприятий, создание серьезных помех в работе транспорта [5, с. 8]. Явное неуважение к обществу – это умышленное нарушение установленных в нем правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим. Пр продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним, к общественным интересам, правилам общежития, нравственным нормам [6].

Важно, что уголовно наказуемым хулиганством признается только такое грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. По нашему мнению данная дефиниция затрудняет применение нормы и может привести к прямо противоположному толкованию понятия хулиганства, например, такому, как экстремизм. Также в новой редакции исключено насилие как способ нарушения общественного порядка, что по-нашему мнению в свою очередь вытеснило бытовое хулиганство за пределы уголовно-правовой охраны. Согласно статистике большинство преступлений начинается с бытового хулиганства.

Среди современных ученых нет однозначного понимания содержания хулиганства. Например, имеется мнение, что физическое насилие, причиняющее последствия любого характера, не охватывается ч. 1 ст. 213 УК РФ [7, с. 40]. Н. Иванов, И. Косарев, характеризуя субъективную сторону хулиганства, полагают что, субъективная сторона хулиганства противоречива по той простой причине, что хулиганство не имеет собственных особенностей субъективной стороны, а также собственного объекта. Поэтому Н. Иванов предлагает: «целесообразно исключить из УК ст. 213, а при дальнейшей работе по совершенствованию уголовного законодательства воспользоваться опытом зарубежных стран, в уголовных кодексах которых норм о хулиганстве нет (например, УК ФРГ, Австрии, Франции), а также кодификационными традициями старого русского законодательства» [8].

Противоречивая позиция Л.А. Андреевой и Г.В. Овчинниковой, которые утверждают (ст. 213 УК РФ в редакции ФЗ от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ) что «законодатель вообще исключил насилие как способ грубого нарушения общественного порядка. С другой стороны, указание нового Федерального закона на то, что хулиганство – это грубое нарушение общественного порядка, связанное с применением оружия, позволяет сделать вывод, что законодатель имел в виду ч. 1 ст. 213 УК РФ – любые действия, связанные с проявлением явного неуважения к обществу: физическое и психическое насилие, повреждение или уничтожение материальных объектов и другие действия» [9, с. 7].

С.В. Борисов отмечает, что посягательства на личность и собственность являются способом посягательства на общественный порядок [10, С. 195].

Для решения вопроса об объекте хулиганства необходимо разграничить понятия «общественный порядок» и «общественная безопасность». Некоторые современные исследователи, характеризуя общественный порядок как правовую категорию, фактически не делают различий между ним и общественной безопасностью, употребляя эти понятия как синонимы [11, с. 15]. Другие считают, что это две самостоятельные категории. Некоторые ученые считают, что понятие «общественный порядок» включает в себя и термин «общественная безопасность» [12, с. 118; 13, с. 27]. Другие исследователи утверждают, что дефиниция «общественная безопасность» шире «общественного порядка».

На наш взгляд верна та позиция ученых, которые считают, что общественный порядок и общественная безопасность являются самостоятельными категориями.

Так как даже в названии раздела IX УК РФ термины «общественный порядок» и «общественная безопасность» употребляются как равно родовые, за каждым из которых кроется самостоятельное содержание.

Рассмотрим, что понимается под «общественной безопасностью» и «общественным порядком» в уголовном праве.

Понятие «общественная безопасность» трактуется в широком и узком смыслах. В широком смысле любое противоправное деяние, за которое УК РФ установлена уголовная ответственность, посягает на общественную безопасность. Такой вывод следует из определения преступления, приведенного в ч. 1 ст. 14 УК РФ. По смыслу УК РФ преступления против здоровья населения и общественной нравственности, экологические преступления, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта и преступления в сфере компьютерной информации есть преступления против общественной безопасности.

Существуют и иные представления, например, под общественной безопасностью понимается совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасные условия жизни людей и их деятельности, безопасное использование радиоактивных веществ, надлежащее и безопасное пользование оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами, а также безопасное ведение горных и строительных работ. Она является видовым объектом рассматриваемых преступлений [14, с. 251].

О.Н. Горбунова писала: «Общественные отношения, которые создают в государстве обстановку спокойствия и безопасности, составляют систему волевых общественных отношений, совокупность которых можно назвать общественным порядком в узком смысле слова» [12, с. 118].

Аналогичной точки зрения придерживался И.И. Веремеенко: «Общественный порядок как определенная правовая категория представляет собой обусловленную потребностями развития социализма систему общественных отношений, возникающих и развивающихся в общественных местах в процессе общения людей, правовое и иное социальное регулирование которых обеспечивает личную и общественную безопасность граждан и тем самым обстановку спокойствия, согласованности и ритмичности общественной жизни» [13, с. 27].

И по мнению С.С. Яценко, если общественный порядок воплощается в создании обстановки общественного спокойствия, благоприятных внешних условий жизнедеятельности людей, что обеспечивает нормальный ритм общественной жизни, то общественная безопасность проявляется в создании безопасных условий при обращении с источниками повышенной опасности и проведении работ повышенной опасности [15, с. 12].

А.Ф. Гранин указывал, что существенные различия между указанными понятиями связаны с нормативными средствами урегулирования данных явлений. Общественный порядок достигается в результате упорядочения общественных отношений с помощью всех форм нормативного регулирования, тогда как общественная безопасность – только с использованием правовых и технических норм [16, с. 15, 13].

А.В. Готовцев пишет, что если «общественный порядок – это обеспечение безопасности людей, то общественная безопасность – это и сохранность имущества, и нормальная работа источников повышенной опасности, представляющих угрозу для человека и общества». Отсюда следует вывод, что общественная безопасность несколько шире общественного порядка [17, с. 13].

В современном демократическом государстве особое значение в преломлении к проблеме построения адекватной системы общественной безопасности сегодня приобретает безопасность социально-экономической среды [18].

Б.П. Кондрашов под общественной безопасностью

понимает «систему общественных отношений, урегулированных правовыми нормами в целях обеспечения безопасности личности, общественного спокойствия, благоприятных условий для труда и отдыха граждан, нормальной деятельности государственных органов, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций от угрозы, исходящей от преступных и иных противоправных деяний, нарушения порядка пользования источниками повышенной опасности, предметами и веществами, изъятыми из гражданского оборота, явлений негативного техногенного и природного характера, а также других особых обстоятельств» [19, с. 8]. По его мнению, соблюдение правил, норм и требований общественной безопасности служит условием поддержания надлежащего общественного порядка.

Интересна точка зрения В.Н. Васина, он определяет «общественную безопасность» как «состояние обеспеченности общества мерами охраны и механизмом их реализации от преступных посягательств, антропогенных воздействий природной среды, аварий и катастроф» [20, с. 84].

Л.Л. Попов трактует общественную безопасность как «систему общественных отношений, складывающихся в соответствии с правовыми, техническими, строительными и другими нормами при использовании объектов и предметов, представляющих повышенную опасность для людей и общества в целом или при наступлении особых условий в связи со стихийными бедствиями либо по другим чрезвычайным обстоятельствам социального или техногенного характера» [21, с. 600].

Понятие общественного порядка также принято рассматривать в широком и в узком смысле. При этом под общественным порядком в широком смысле принято понимать совокупность всех социальных связей и отношений, складывающихся под воздействием всех социальных норм, в отличие от правопорядка, включающего лишь отношения, регулируемые нормами права.

Из этого следует, что общественный порядок как более широкая категория включает в себя и правопорядок. В общей теории права общественный порядок рассматривается как социальная категория, охватывающая систему (состояние) волевых, идеологических, общественных отношений, предопределяемых экономическим базисом и характеризующихся соответствием поведения их участников господствующим в обществе социальным нормам (правовым и неправовым). Сюда входят только социально значимые общественные отношения [22, с. 12].

Общеправовое определение общественного порядка было предложено И.Н. Данилиным: «Общественный порядок – это порядок волевых общественных отношений, складывающихся в процессе сознательного и добровольного соблюдения гражданами установленных в нормах права и иных нормах неюридического характера правил поведения в области общения и тем самым обеспечивающих слаженную и устойчивую совместную жизнь людей в условиях развитого общества» [23, с. 68].

Также под общественным порядком в широком смысле предлагается понимать «урегулированные нормами права и морали общественные отношения в своей совокупности, обеспечивающие общественное спокойствие, общепринятые нормы поведения, нормальную деятельность предприятий, учреждений, организаций и транспорта, сохранность всех видов собственности, а также уважение общественной нравственности, чести и достоинства граждан» [24, с. 162].

Некоторые представители науки уголовного права в общественный порядок в узком смысле включают довольно широкий круг общественных отношений. Так, П.Ф. Гришаев считал, что под общественным порядком следует понимать порядок, регулирующий отношения между членами общества, согласно которому каждый из них обязан соблюдать в обществе правила, закрепленные как в правовых нормах, так и в нормах морали. Со-

блюдение этих правил поведения всеми гражданами гарантирует общественную безопасность, то есть безопасные условия повседневной жизни и деятельности членов общества [25, с. 4].

Современные авторы под общественным порядком понимают целостную систему отношений, включающую в себя установленное, гарантированное и поддерживаемое государством и самим обществом, основанное на нормах права, морали, нравственности взаимодействие человека с другим человеком, человека с социальными группами, указанных социальных групп между собой, осуществляемое в полном соответствии с их социальными и биологическими потребностями, обеспечивающее нормальную налаженную жизнь в обществе в целом [26, с. 12].

Следует отметить, что общественный порядок неизбежно нарушается при совершении любого преступления, административного проступка, гражданско-наказуемого деликта, аморального поведения и этот объект является общим для всех без исключения деяний, нарушающих нормальное функционирование общества. В целом же общественный порядок как совокупность отношений, определяющий поведение людей, нарушить невозможно, поскольку данная совокупность состоит из огромного конгломерата отдельных связей.

Проанализировав различия между понятиями «общественный порядок» и «общественная безопасность», автор приходит к выводу, что основным непосредственным объектом хулиганства является общественный порядок и общественное спокойствие. «Общественный порядок» – это совокупность правил поведения юридического и неюридического характера, соблюдение которых обеспечивают общественную безопасность.

Таким образом, непосредственным объектом является общественный порядок, а общественная безопасность выступает в качестве дополнительного объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мокринский С. Озорство и хулиганство // Ежегодник советской юстиции. 1924. № 38. С. 898.
2. Тацкий В.Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1982. 100 с.
3. Готовцев А.В. Организационно-правовые вопросы взаимодействия милиции и внутренних войск в охране общественного порядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 24 с.
4. Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения. М.: ЦИТ-М, 1998. 296 с.
5. БВС РФ. 2001. № 9. С. 17.
6. РФ. Верховный Суд. Пленум. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : постановление № 45 от 15.11. 2007, п. 1 // Российская газета. 2007. 21 ноября.
7. Иванцова Н. Перспектива хулиганства – его декриминализация // Законность. 2004. № 11. С. 37–40.
8. Иванов Н. Хулиганство: проблемы квалификации // Российская юстиция. 1996. № 8. С. 39–41.
9. Андреева Л., Овчинникова Г. Ответственность за хулиганство // Законность. 2004. № 5. С. 6–9.
10. Борисов С.В. Хулиганство: уголовно-правовой и криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 234 с.
11. Куделич А.В. Уголовно-правовая охрана общественного порядка в современной России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 43 с.
12. Горбунова О.Н. К вопросу об определении понятия «общественный порядок» в советской науке административного права // Труды Иркутского государственного университета. Серия юридическая. 1967. Т. XIX. Вып. 8. Ч. 2. С. 118.
13. Веремеенко И.И. Сущность и понятие обществен-

ного порядка // Советское государство и право. 1982. № 3. С. 22–29.

14. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М.: Юристъ, 2001. 559 с.

15. Яценко С.С. Уголовно-правовая охрана общественного порядка: сравнительно-правовой аспект. Киев: Вища шк., 1986. 126 с.

16. Гранин А.Ф. Теоретические вопросы социалистической законности в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1975. 52 с.

17. Готовцев А.В. Организационно-правовые вопросы взаимодействия милиции и внутренних войск в охране общественного порядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 24 с.

18. Бондарев Д.А., Фирсова Е.А. Сравнительный анализ дефиниций «общественная безопасность» и «общественный порядок» во Франции, Австрии, ФРГ, США, Канаде и России // Российский следователь. 2010. № 7. С. 38–40.

19. Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и

административно-правовые средства ее обеспечения. М.: Щит-М, 1998. 296 с.

20. Васин В.Н. Право на общественную безопасность. М.: ЮИ МВД России, 1999. 149 с.

21. Административное право Российской Федерации / под общ. ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М.: Зерцало-М, 2001. 689 с.

22. Яценко С.С. Ответственность за преступления против общественного порядка. Киев: Вища шк., 1976. 190 с.

23. Данышин И.Н. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1971. 192 с.

24. Зарубин В.И. Уголовная ответственность за хулиганство // Пробелы теории уголовного права и практики применения УК: сб. науч. трудов. М., 2004. С. 162–163.

25. Гришаев П.Ф. Преступления против общественной безопасности. М.: Юрид. лит., 1999. 30 с.

26. Смирнова Е.Г. Хулиганство: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 26 с.

THE OBJECT OF HOOLIGANISM

© 2015

N.J. Danilina, lecturer of chair “Criminal law and criminology”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The problem of determining the object of bullying among scientists, go big disputes, because the object of bullying by modern legislation has a huge criminal legal value.

Keywords: hooliganism, the object of bullying, public order, public safety.

УДК 340

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

© 2015

Э.А. Джалилов, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Е.А. Джалилова, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются правовые проблемы коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, выявляются пробелы и недостатки действующего законодательства в сфере введения результатов интеллектуальной деятельности в гражданский оборот. Также рассматриваются правовые проблемы деятельности малых инновационных предприятий.

Ключевые слова: коммерциализация, интеллектуальная собственность, малые инновационные предприятия, результаты интеллектуальной деятельности.

Современное положение России на международной арене, условия экономической нестабильности и социальной напряженности требуют незамедлительных правовых решений, а также новых подходов к разрешению внутренних и внешнеполитических задач государства. Превращение науки в главную производительную силу, создание условий для подготовки квалифицированных научных кадров и распространение новых технологий, качественно меняющих свойства выпускаемых товаров, процессы производства и потребления, должны стать наиболее приоритетными направлениями государственной политики.

В настоящее время в России инновационная инфраструктура практически не востребована в силу невосприимчивости бизнеса к модернизации производственных технологий, а также недостаточного осознания обществом и государством приоритетов инновационного развития. Однако именно от развития технологических процессов и производств, правового обеспечения экономического продвижения инноваций зависит модернизация российской фундаментальной и прикладной науки в целом.

В нашей стране недостаточно рационально используется накопленный интеллектуальный потенциал. Финансирование научных разработок минимально, правовое регулирование защиты объектов интеллектуальной

собственности содержит существенные пробелы в механизме оформления и передачи исключительных прав. Результаты интеллектуальной деятельности в научной сфере в подавляющем большинстве принадлежат государству, которое не в состоянии эффективно обеспечить коммерческое использование научно-технических разработок. В этой связи совершенствование правового механизма коммерциализации объектов интеллектуальной собственности будет способствовать развитию творческой деятельности и сохранению интеллектуального потенциала России.

В 2011 г. ст. 2 ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» была дополнена ч. 8, которая определила коммерциализацию научных и научно-технических результатов как деятельность по вовлечению в экономический оборот научных и (или) научно-технических результатов. Одновременно ч. 10 ст. 2 указанного закона на законодательном уровне закрепила понятие «инновационный проект» как комплекс мероприятий (действий), смысл которых в достижении экономического эффекта, т. е. в конечном позитивном результате – реализации и применении (внедрении) инноваций, в частности, коммерциализации научных и научно-технических результатов научной деятельности как отдельных ученых, так и целых научных коллективов [1, с. 22].

На законодательном уровне механизм коммерциализации объектов интеллектуальной собственности закреплен крайне поверхностно. В научной литературе содержатся такие формы коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, как лицензирование, передача исключительных прав на ноу-хау, франчайзинг. Также конкретизируются экономические выгоды, которые обеспечивают механизм коммерциализации исключительных прав: роялти и паушальные платежи от передачи объекта интеллектуальной собственности по лицензионному договору, передача прав на средства индивидуализации юридического лица в рамках договора коммерческой концессии [2, с. 59].

Большинство научных трудов в настоящее время посвящено именно передаче исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и правовому статусу участников подобных договорных отношений. Тем самым юридическая наука ограничивает понятие коммерциализации договорными отношениями, которые складываются между правообладателем и лицом, использующим исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Однако представляется, что правовое понятие коммерциализации, содержащееся в ч. 8 ст. 2 ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», должно трактоваться более широко и включать в себя создание объекта интеллектуальной собственности в рамках трудовых отношений, введение объектов интеллектуальной собственности в гражданский оборот, использование объектов интеллектуальной собственности в коммерческой деятельности предприятия.

Необходимо законодательно закрепить права и обязанности работника и работодателя по созданию и использованию объекта интеллектуальной собственности, а также усовершенствовать и систематизировать положения, касающиеся отчуждения исключительных прав. Данный подход обеспечит экономическую прибыльность объектов интеллектуальной собственности, поскольку урегулированность отношений и правовая определенность юридических последствий по их созданию и использованию в рамках трудовых отношений позволит своевременно выявлять результаты интеллектуальной деятельности и извлекать из них коммерческую прибыль, увеличить стоимость предприятия посредством перевода нематериальных активов в категорию основных средств.

Несмотря на фрагментарность правового регулирования в области интеграции в гражданский оборот объектов интеллектуальной собственности, прогрессивным шагом является включение в 2009 г. в ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» ст. 5, регламентирующей порядок создания и деятельности малых инновационных предприятий, которые могут

создаваться бюджетными научными учреждениями без согласия собственника их имущества и с уведомлением Министерства образования и науки РФ [3]. Данным малым инновационным предприятиям на основании лицензионного договора передаются результаты интеллектуальной деятельности. В качестве соучредителей могут привлекаться и иные юридические лица, доля которых не должна превышать 25 % акций уставного капитала. Деятельность малых инновационных предприятий заключается во внедрении результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат создавшим их научным учреждениям. Внесенное в качестве вклада в уставные капиталы хозяйственных обществ право использования результатов интеллектуальной деятельности не может передаваться третьим лицам по договору и иным основаниям, если иное не предусмотрено законодательством. Для таких предприятий установлены налоговые льготы [4].

На основании вышесказанного стоит отметить, что современное законодательство не содержит целостного механизма правового регулирования коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, что не позволяет в полной мере использовать имеющийся в России интеллектуальный потенциал. В связи с этим нормативные положения, касающиеся введения в гражданский оборот результатов интеллектуальной деятельности, а также законодательное регулирование передачи созданных в рамках трудовых отношений исключительных прав требуют незамедлительной корректировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (постатейный) / Л.Ю. Грудцына [и др.] ; под ред. В.Е. Усанова. М.: ЮРКОМПАНИ, 2012. 536 с.
2. Аверьянова А.А. Правовое регулирование коммерциализации научных исследований: существующие проблемы и предложения по их решению // Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2013. № 3. С. 59–63.
3. РФ. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности : закон федеральный № 217-ФЗ от 02.08.2009 // Российская газета. 2009. 4 авг.
4. РФ. О внесении изменения в статью 346.12 части второй Налогового кодекса Российской Федерации : закон федеральный № 310-ФЗ от 27.11.2010 // Российская газета. 2010. 29 нояб.

LEGAL ASPECTS OF COMMERCIALIZATION PROPERTY

© 2015

E.A. Dzhalilov, candidate of law sciences, associate professor of “Business and labor law”
E.A. Dzhalilova, candidate of law sciences, associate professor of “Business and labor law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: This article examines the legal problems of the commercialization of intellectual property, identify gaps and shortcomings of current legislation in the field of administration of intellectual property into circulation. It also discusses the legal problems of small innovative enterprises.

Keywords: commercialization, intellectual property, small innovative enterprises, the results of intellectual activity.

УДК 340

**ПРАВОВОЙ СТАТУС И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 2017 ГОДУ**

© 2015

С.В. Жильцов, доктор юридических наук, профессор кафедры «История государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам Февральской буржуазно-демократической революции. Рассматриваются вопросы правового статуса и компетенции органов государственной власти и управления России в 1917 году, особенности демократической республики как формы государственного правления, образованной в результате революции.

Ключевые слова: органы власти центрального управления, Временное правительство, Учредительное собрание, Предпарламент, Юридическое совещание, Государственная Дума, Государственный Совет, отречение царя.

В феврале 1917 года в России произошла Февральская буржуазно-демократическая революция. События февраля 1917 года привели к коренным изменениям в общественном и государственном строе России.

В результате революции 27 февраля 1917 г. фактически власть Императора прекратила свое существование.

27 февраля 1917 года в Петрограде деятелями социалистических партий создается Совет рабочих и солдатских депутатов, который стал фактическим органом власти. Возглавили Совет меньшевик Чхеидзе и трудовик Керенский. 1 марта Совет издал приказ № 1, по которому упразднилась дисциплинарная власть офицеров в воинских частях и передавалась выборным солдатским комитетам. С другой стороны, Государственная дума России сформировала Временный комитет Государственной думы. В документе «От Исполнительного комитета Государственной думы» от 28 февраля 1917 г. было заявлено: «Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка... [1, с. 460]. Меньшевицко-эсеровское руководство Совета было убеждено, что только буржуазия в лице своих партий сможет удержать политическую власть и сумеет организовать управление страной. В силу этого 1 марта 1917 года исполком Совета согласился с предложением Временного комитета Государственной думы сформировать Временное правительство. Исполнительный комитет, отказавшись от участия во временном правительстве, выставил ему следующие требования.

1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим, религиозным, террористическим покушениям, военным восстаниям и т. д.

2. Политическая свобода во всех формах: свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек. Свободы эти должны быть распространены и на военнослужащих на действительной военной службе.

Оба этих требования были приняты думским комитетом. Не принято было следующее предложение.

3. Об устроении армии на началах самоуправления, так как думский комитет считал невозможным в момент войны вводить в войсках порядок, не испытанный ни в одной стране мира.

В результате переговоров думский комитет согласился на следующую формулировку этого пункта: «при сохранении строго воинской дисциплины в строю, устранение для солдат всех ограничений в пользовании всеми общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам России».

4. Организация народной милиции для несения службы по охране порядка с подчинением ее местным самоуправленияам, избранным на основах всеобщего, равного и тайного голосования.

5. Отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений.

6. Гарнизон Петрограда остается в городе и не разоружается» [2, с. 392].

Все эти требования были приняты думским комитетом единогласно. Был отвергнут вопрос о немедленном введении демократической республики, так как форма правления государства должна была быть установлена Учредительным собранием, созыв которого являлся ближайшей целью учреждаемого Временного правительства.

Совет оставил за собой право «контроля», оговорил введение политических свобод и созыв Учредительного собрания. Таким образом, возникло двоевластие в России. 1 марта 1917 г. было образовано Временное правительство, которое и провозгласило основные начала новой государственности и права. Была заявлена политическая амнистия, провозглашены основные права и свободы граждан, равноправие всех граждан, создание милиции и было объявлено о подготовке к созыву Учредительного собрания. Именно Учредительное собрание должно было определить окончательную форму правления государства, систему органов государственной власти и управления. В декларации Временного правительства о его составе и задачах говорилось: «Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны» [2, с. 461].

Депутаты государственной думы А.И. Гучков и В.В. Шульгин – представители крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков прибыли 2 марта в г. Псков с целью убедить императора Николая II отречься от престола и передать власть сыну при регентстве брата царя Михаила. В тексте «Об отречении Государя Императора Николая II от престола Российского и о сложении с себя верховной власти», в частности, отмечалось: «... признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского» [3, с. 122]. Но делегация получила отказ Михаила. В отказе Великого князя Михаила Александровича от престола говорилось: «... принял я твердое решение в том случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием чрез представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского» [3, с. 126].

Таким образом, в соответствии с Манифестом от 3 марта решение вопроса о власти в России было представлено Учредительному собранию.

Сохранить монархию в ограниченном виде не удалось. В связи с этим началась череда изменений в системе органов государственной власти и управления. При министерстве юстиции была создана Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию деятельности бывших министров. Для выработки проекта новой системы органов власти и управления было образовано Юридическое совещание, которое должно было оконча-

тельно определить форму правления в России.

На смену самодержавию пришла новая форма правления в виде демократической республики, которая фактически установилась с первых дней после свержения самодержавия, а официально была провозглашена 1 сентября 1917 года.

Высшим органом государственного управления в стране стало Временное правительство, призванное осуществлять исполнительно-распорядительные функции, впредь до созыва Учредительного собрания, которое и должно было определить форму правления. В соответствии со своими полномочиями в течение всего периода деятельности Временного правительства, оно являлось высшим органом государственной власти по вопросам законодательства, управления, суда и надзора. По сути дела, Временное правительство исполняло функции Совета министров, Государственного совета и Государственной думы. Временному правительству подчинялись все высшие органы власти: Правительствующий Сенат, Святейший Правительствующий Синод, особые совещания и другие органы.

3 марта 1917 г. была опубликована декларация о составе и программе Временного правительства [3, с. 124 – 125]. Во главе правительства, его председателем стал крупный помещик, князь Г.Е. Львов. Ключевые посты в правительстве заняли представители буржуазных партий. Министром иностранных дел стал П.Н. Миллюков из партии Конституционных демократов. Военным и морским министром был избран А.И. Гучков, а министром торговли и промышленности стал крупный фабрикант А.И. Коновалов. Портфель министра финансов получил крупный сахарозаводчик М.И. Терещенко. Министром путей сообщения был назначен Н.В. Некрасов. Министром земледелия – А.И. Шингарев. Обер-прокурором Синода – В.Н. Львов. Государственным контролером – И.В. Годнев. Министром по делам Финляндии – Ф.И. Родичев. В качестве так называемого «заложника демократии» в правительстве, министром юстиции стал эсер А.Ф. Керенский.

Временное правительство, которое состояло из представителей различных партий, было неустойчивым в политическом отношении. За период своего существования оно трижды обновляло свой состав в результате политических кризисов 5 мая, 24 июля и 25 сентября.

Несмотря на то что в целом Временное правительство стремилось сохранить в неприкосновенности старую государственную машину управления, вплоть до созыва Учредительного собрания, оно вынуждено было санкционировать упразднение наиболее одиозных звеньев в управлении государством, которые были особенно ненавистны народным массам за период господства самодержавия. Среди них департамент полиции, Отдельный корпус жандармов, охранные отделения. Было упразднено Особое присутствие Правительствующего Сената, разрушена старая система сыска.

Взамен Департамента полиции МВД царской России был создан новый, который сначала назывался «Главное управление общественной полиции», а затем был переименован в «Главное управление по делам милиции».

В ведение этого органа входило обеспечение охраны общественного порядка в стране, а также руководство в борьбе с уголовной преступностью. Кроме того, в компетенции этого органа было и пожарное дело.

Временное правительство упразднило и наиболее ненавистные народным массам некоторые органы, которые непосредственно были связаны с именем царя. Это министерство императорского двора и канцелярия царя.

Среди высших органов государственной власти долгое время оставались неприкосновенными Государственный совет и Государственная дума. Однако Государственная дума в этот период времени не собиралась на свои заседания, а работал только ее Временный комитет. Государственный совет также практически не функ-

ционировал. Окончательное упразднение этих органов состоялось 6 октября 1917 года.

Продолжал функционировать и Святейший Правительствующий синод. Только в августе 1917 г. последовало упразднение этого органа и ключевой должности обер-прокурора Синода. Вместо этого органа был учрежден новый – Министерство вероисповеданий, со сходными функциями. Этот орган состоял из двух департаментов: Департамента по делам православной церкви и Департамента по делам иноверческих религий.

Вместо упраздненных органов были введены новые звенья центрального государственного аппарата. В частности, это касается органов управления промышленностью. В начале XX в. наблюдается количественный рост рабочего класса, что было вызвано промышленным переворотом и дальнейшим развитием капиталистических отношений. Эти процессы вызвали необходимость в учреждении новых министерств. В мае было учреждено Министерство труда, на которое возложили обязанности по подготовке реформ, облегчающих труд рабочих. Кроме того, среди новых министерств следует отметить создание Министерства призрения, которое ведало благотворительными учреждениями, и Министерства продовольствия, надобность в котором была очевидной в условиях первой мировой войны, а также Министерства почт и телеграфов в августе 1917 г. Весной и летом 1917 г. образуются: Комитет обороны, Экономический и Правовой департаменты, Особый комитет по делам частных железных дорог, Главное управление по делам милиции, Кабинет военного министра и т. д.

Как верно отмечает Р.Т. Муханов, в результате бурной деятельности Временного правительства «государственный аппарат резко вырос». Например, «количество чиновников одного только Военного министерства увеличилось более чем в три раза» [4, с. 364].

Для разработки плана народного хозяйства и труда, а также для подготовки законопроектов в экономической сфере 21 июня 1917 г. создается Экономический Совет и Главный экономический комитет, которые возглавил князь Львов. В состав Экономического Совета входили представители от министерств, профсоюзов, общественных и научных организаций. В состав Главного экономического комитета входили представители от министерств, которые назначались правительством. Комитеты должны были руководствоваться постановлениями Совета. В компетенцию Комитета входили вопросы руководства деятельностью органов, регулирующих народное хозяйство, руководство статистической работой, координация деятельности в различных отраслях народного хозяйства.

В марте 1917 г. Временное правительство учредило специальный орган – Юридическое совещание, на который возложили задачи разработки законодательных проектов по наиболее важным аспектам правовой политики. Юридическое совещание обязано было собирать необходимые материалы, выяснять мнения различных слоев населения по актуальным проблемам с целью подготовки необходимых правовых актов. В рамках Юридического совещания была сформирована специальная комиссия, куда вошли специалисты в области государственного права для подготовки текста Конституции. К октябрю 1917 г. Юридическое совещание при Временном правительстве подготовило проект постановления Учредительного собрания об организации временной исполнительной власти. Основными представителями в Юридическом совещании, которые сыграли решающую роль в подготовке проекта, были представители кадетов. В основу государственных преобразований России они заложили свою программу. В соответствии с их проектом «Россия должна была стать демократической парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному представительству. Во главе исполнительной власти должен стоять Президент ре-

спублики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства» [5, с. 93]. Президент должен был сохранять свои полномочия в течение определенного срока до соответствующего постановления Учредительного собрания по поводу его переизбрания, но не более года. Президенту также принадлежало право законодательной инициативы. Совет министров имел право вносить свои законопроекты в Учредительное собрание только по распоряжению Президента. Кроме того, в соответствии с проектом, Президент направляет принятые Учредительным собранием законы в Правительствующий Сенат для последующего обнародования, а также наблюдает за точным исполнением законов. Кроме того, Президент правомочен издавать указы по вопросам состава и порядка деятельности всех государственных учреждений, кроме судебных. Он также назначает и увольняет Председателя Совета министров, министров, а также и других высших должностных лиц как гражданского, так и военного ведомств. Президент являлся главнокомандующим вооруженных сил и главой внешней политики, мог председательствовать на заседаниях правительства.

Таким образом, Президент сочетал функции главы государства и главы правительства. В целом, права Президента напоминали компетенцию царя, предусмотренную Основными законами Российской империи 1906 года.

Тогда же в марте 1917 г. при Министерстве юстиции была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия специально для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноруководящих и других высших должностных лиц. Эта комиссия изучала деятельность политического сыска сепаратными связями царского двора с Германией, а также другими вопросами, которые компрометировали царя и его ближайшее окружение.

Однако наиболее важным органом, который должен был воплощать демократические начала новой России, должен был стать представительный орган – Учредительное собрание. Таково было требование народных масс. В частности, в Декларации Временного правительства о его составе и задачах отмечалось: «Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны» [1, с. 461].

25 мая 1917 года было образовано Особое совещание по подготовке закона о выборах в учредительное собрание. Выборы должны были назначены на 17 сентября, но были перенесены на 12 ноября. Однако нерешенность основных проблем в экономической и политической сфере страны привело к возмущению народных масс.

3 июля 1917 г. произошел политический кризис Временного правительства. Была расстреляна демонстрация, выступавшая с политическими лозунгами: «Долой войну!», «Долой Временное правительство!» и т. п. Это послужило причиной смены состава правительства. 24 июля был сформирован новый его состав во главе с эсером А.Ф. Керенским.

Временному правительству необходимо было как-то консолидировать народные массы и получить поддержку своей политики. Поэтому пока не было созвано Учредительное собрание, Временное правительство 14 сентября 1917 г. создало Демократическое совещание.

На демократическом совещании присутствовали представители земских организаций, представители различных партий, советов и фабрично-заводских комитетов.

Демократическое совещание высказалось за создание коалиционного правительства. Был избран постоянно действующий орган – Временный Совет Республики или Предпарламент, который должен был осуществлять

контроль за деятельностью Временного правительства в составе 555 человек. Однако деятельностью этого органа не произошло. Единства среди демократических сил России не было. Предполагалось, что ему станет подотчетно правительство, но на деле Предпарламент стал лишь совещательным органом при Временном правительстве и никакой заметной, существенной роли в государственном управлении не сыграл.

Внутриполитическая деятельность Временного правительства носила противоречивый и непоследовательный характер. Идеологией Временного правительства в области права была идея о непрерывности правопорядка, согласно которой в государстве должна сохраняться преемственность прежних законов и новых, которые принимает существующая власть. Временное правительство принятие основных законов связывало с будущей деятельностью Учредительного собрания. Такая позиция во многом была связана с политической неустойчивостью власти Временного правительства.

Тем не менее, следует отметить, что не дожидаясь решений Учредительного собрания, существенные изменения произошли в области государственного права.

Прежде всего, последовала отмена Основных законов Российской империи 1906 г. в части, которая регламентировала права Императора, императорской семьи, а также права и обязанности важнейших государственных органов.

В первую очередь это коснулось положения о выборах в Учредительное собрание. Согласно Положению о выборах в Учредительное собрание, выборы должны были происходить на принципах всеобщего голосования по партийным спискам. Политизированность выборов вполне объяснима в данной политической ситуации.

Весьма большое значение в развитии демократических начал государства имело решение Временного правительства о политической амнистии. Получили свободу действий политические партии, которые находились ранее на нелегальном или полунелегальном положении. В пункте 1 Декларации Временного правительства о программе его деятельности сказано: «Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.» [2, с. 393].

Граждане России получили весьма обширные права по сравнению с прошлым. Прежде всего, это касается политических прав: «свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотехнических условиях» [2, с. 393].

Особенно активно Временное правительство проводило уголовно-правовую политику, что выразилось в принятии целого ряда важных документов.

12 марта 1917 года было опубликовано правительство постановление о повсеместной отмене смертной казни [6, с. 506]. Это был так называемый патриотический порыв Временного правительства в условиях победы буржуазно-демократической революции. 13 марта 1917 г. был издан приказ по армии и флоту, подписанный генералом А.М. Маниковским «Об отмене учреждения военно-полевых судов». Однако, как верно отметил Е.А. Скрипилев, «приказ распространялся лишь на Петроградский военный округ и на местности, не входящие в район театра военных действий» [7, с. 167].

17 марта 1917 года была обнародована общеуголовная амнистия. Постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших общеуголовные преступления», было опубликовано 18 марта в Вестнике Временного правительства [8, с. 1]. Этот документ содержал более 30 пунктов с длинным перечнем различных категорий лиц, которые освобождались от наказаний. Кроме того, наполовину сокращался срок для приговоренных к каторге, а

смертная казнь заменялась пятнадцатую годами каторги. По данным нашего отечественного исследователя В.И. Старцева, по уголовной амнистии было освобождено около 15 тысяч преступников [9, с. 185]. Такой непродуманный шаг правительства, который можно объяснить революционным демократическим порывом масс, оказал негативное влияние на общую, криминогенную обстановку в обществе.

Отрезвление от демократической эйфории пришло к Временному правительству достаточно быстро. В связи с ухудшением военного положения на фронте предпринимаются шаги к ужесточению наказаний за ряд преступлений. 30 мая 1917 г. вышло «Постановление Временного правительства об усилении наказаний за антивоенные выступления на фронте». Ввиду участвовавших случаев неповиновения командованию отдельных лиц, групп и даже целых воинских частей, отказа от исполнения боевых приказов и самовольного оставления позиций, виновные в этих преступлениях карались «ссылкой в каторгу с лишением всех прав состояний», причем Временное правительство пошло по традиционному пути объективного вменения, предусматривая лишение «семьи осужденных... права на паек и пособие от казны» [1, с. 466].

Следующим шагом Временного правительства стало введение смертной казни на фронте. Согласно Постановлению Временного правительства о введении смертной казни на фронте и об учреждении военно-революционных судов от 12 июля 1917 года смертная казнь устанавливалась:

- 1) за военную и государственную измену;
- 2) за побег к неприятелю, бегство с поля сражения, самовольное оставление своего места во время боя и уклонение от участия в нем;
- 3) за подговор, подстрекательство или возбуждение к сдаче в плен, бегству или уклонению от сопротивления противнику;
- 4) за насильственные действия в отношении начальников из офицеров и солдат, сопротивление исполнению боевых приказов и распоряжений начальника, явное

восстание и подстрекательство к ним;

- 5) за сдачу в плен без сопротивления;
- 6) за самовольную отлучку с караула в виду неприятеля;
- 7) за нападение на часового или военный караул, вооруженное им сопротивление и умышленное убийство часового;
- 8) за умышленное убийство, изнасилование, разбой и грабеж – лишь в войсковом районе армии;
- 9) за шпионаж со стороны неприятеля [1, с. 467].

Таким образом, наказание смертной казнью грозило за все мыслимые воинские и опасные государственные и уголовные преступления. К смертной казни могли приговорить учреждаемые начальниками дивизий или высшими начальниками военно-революционные суды. Суд учреждался, если преступления эти представлялись настолько очевидными, что не требовали производства предварительного следствия. Поэтому подсудимый был практически беззащитен перед органами военного суда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1990. 479 с.
2. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. Хрестоматия по истории России. М.: Проспект, 2006. 588 с.
3. Российское законодательство X–XX веков. Т. 9 / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1994. 352 с.
4. Мухаев Р.Т. История государственного управления в России. М.: ЮНИТИ, 2007. 607 с.
5. Политические партии в России: страницы истории / сост. А.П. Зиновьев. М.: Ин-т молодежи, 1990. 116 с.
6. Право. 1917. № 9.
7. Скрипилев Е.А. Карательная политика Временного правительства и аппарат ее проведения (март–октябрь 1917 г.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970.
8. Вестник Временного правительства. 1917. № 12.
9. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. Л.: Наука, 1980. 256 с.

LEGAL STATUS AND INTERNAL POLICY OF THE GOVERNMENT AND MANAGEMENT INTERIM GOVERNMENT AND IN 1917

© 2015

S.V. Zhiltsov, Doctor of Law, Professor of Chair “History of State and Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The article is devoted to actual problems of the February bourgeois-democratic revolution: questions of legal status and authority of state power and control of Russia in 1917, especially a democratic republic as the form of government, formed after the revolution.

Keywords: central government authorities, Provisional Government, Constituent Assembl, Pre-Parliament, Legal counsel, The State Duma, The Council of State, the abdication of the king.

УДК 340

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

© 2015

В.В. Кривицкий, магистрант
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассмотрены основные проблемы правового регулирования оборота культурных ценностей, выявляется комплексное правовое регулирование и отраслевая принадлежность норм, регулирующих культурные ценности.

Ключевые слова: культурные ценности, источники правового регулирования, объект правового регулирования.

На протяжении последних 20-ти лет в юридической литературе появилась масса работ, посвященных исследованию культурных ценностей, в том числе в качестве объектов гражданского оборота. С начала XXI века исследователей все больше интересуют вопросы осмысления видового разнообразия культурного наследия и правовое регулирование в указанной сфере.

Определение культурных ценностей в качестве объекта гражданского оборота наталкивается на ряд препятствий, вызванных проблемами правового регулирования.

Во-первых, комплексное правовое регулирование. По мнению М.А. Александровой, «особый интерес к вопросам правового режима культурных ценностей объясняется спецификой рассматриваемых объектов» [1,

с. 80]. Автор отмечает, что правовое регулирование отношений, в которых объектом выступают культурные ценности, осуществляется императивно-диспозитивным методом. С одной стороны, отношения по их обороту регулируются гражданским правом, в основе которого лежит диспозитивно-правовое регулирование, поскольку культурные ценности выступают объектами гражданских прав. С другой стороны, вопросы охраны культурных ценностей регулируются правом административным, в котором преобладает императивное регулирование. Следует согласиться с цитируемым автором в том, что правовой режим культурных ценностей является той сферой частного права, которой присущи некоторые элементы публично-правового регулирования.

Во-вторых, наличие актов с различной отраслевой принадлежностью. Прежде всего, это связано с тем, что правовое регулирование данной сферы общественных отношений носит межотраслевой характер. С момента принятия Конституции РФ и по сегодняшний день было принято колоссальное количество актов различной отраслевой принадлежности, регулирующих правовой режим культурных ценностей. Так, к числу источников можно отнести Конституцию РФ [2], статья 44 которой закрепляет право на доступ к культурным ценностям, Основы законодательства Российской Федерации о культуре [3], статья 3 которых закрепляет понятие культурных ценностей.

Также к источникам правового регулирования относятся Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [4]. Предметами регулирования указанного Федерального закона являются:

1) отношения, возникающие в области сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

2) особенности владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации как особым видом недвижимого имущества;

3) порядок формирования и ведения единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

4) общие принципы государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Определенный интерес представляет Закон РСФСР от 15.12.1978 «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [5], поскольку он регламентирует порядок установления зон охраны памятников истории и культуры республиканского и местного значения. Кроме того, в данном акте закрепляется понятие памятников истории и культуры.

Порядок ввоза-вывоза культурных ценностей регламентирован нормами Законов РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [6] и «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории РФ» [7].

К источникам правового регулирования оборота культурных ценностей можно отнести нормы кодифицированных актов. Например, имущественные отношения по поводу объектов культурного наследия и культурных ценностей регулируются нормами Гражданского кодекса РФ. Есть применимые нормы и в Уголовном, Земельном, Градостроительных кодексах РФ. Более того, Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. закрепляет первостепенную роль культуры для возрождения культурно-нравственных ценностей в решении задач обеспечения национальной безопасности в сфере культуры [8].

Кроме того, «социальная значимость культурных

ценностей предполагает наличие надлежащей государственной охраны за их состоянием» [9, с. 421.], в том числе государственного учета и контроля, что возможно в рамках финансовых правоотношений.

Третьей проблемой является сложность легального определения культурных ценностей. Законодателем закреплено философское понятие культурных ценностей. Под культурными ценностями понимаются нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты. С точки зрения права не все из указанных объектов охватываются его регулированием.

На наш взгляд, более удачным являются определения, закрепленные в статьях 6 и 7 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Анализ указанных определений позволяет определить культурные ценности как движимые предметы материального мира, находящиеся на территории Российской Федерации, созданные, обнаруженные, приобретенные или полученные в качестве дара, а также исторические ценности, в том числе связанные с историческими событиями в жизни народов, развитием общества и государства, историей науки и техники, а также относящиеся к жизни и деятельности выдающихся личностей (государственных, политических, общественных деятелей, мыслителей, деятелей науки, литературы, искусства), археологические предметы и художественные ценности.

Кроме указанных определений, в российском законодательстве есть и другие определения объектов культуры. Например, памятниками истории и культуры признаются предметы старины, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, строения, рукописи, коллекции, редкие печатные издания, другие предметы и документы, находящиеся в личной собственности граждан и представляющие значительную историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. Под культурным наследием народов РФ понимаются материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения самобытности и развития РФ и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию.

Не отличаются разнообразием и определения, содержащиеся в научной литературе.

Например, по мнению Р.Б. Булатова, культурные ценности есть особо охраняемые правом уникальные вещественные результаты человеческой деятельности, которые, будучи продуктом всеобщего труда, имеют важное историческое, научное, художественное или иное культурное значение для общества, то есть служат связующим звеном между различными поколениями людей, носят конкретно-исторический характер и выступают как фактор формирования необходимых обществу качеств в человеке [10, с. 45–46].

М.А. Александрова определяет культурные ценности как созданные человеком или подвергнутые его целенаправленному воздействию уникальные неодушевленные вещи, способные удовлетворять духовные потребности людей [11, с. 37].

А.В. Богданова выделяет сущностные признаки культурных ценностей. Во-первых, уникальность. Например, не подпадают под действие законодательства о ввозе-вывозе культурных ценностей предметы культурного назначения и сувенирные изделия (ст. 8 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей»). Во-вторых, «очеловеченность» культурных ценностей. Культурные ценности, так или иначе, подвергаются человеческому

воздействию. В-третьих, способность удовлетворять духовные и эстетические потребности людей, они являют-ся нитью, связывающей несколько поколений людей [12, с. 15].

Также мы единомысленны с А.В. Богдановой в том, что «согласиться с соотношением культурных ценностей в правовом понимании исключительно с объектами материального мира не представляется возможным» [12, с. 16]. Нематериальные культурные ценности, не являясь имуществом, тем не менее, входят в объекты правового регулирования авторского патентного права.

Таким образом, несмотря на отраслевую принадлежность норм, регулирующих оборот культурных ценностей, важным остается то, что они, их охрана и оборот, занимают самостоятельное место в правовом регулировании и могут выступать в качестве юридических категорий, а культурные ценности – в качестве объектов правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова М.А. Состав и отраслевая принадлежность российского законодательства о культурных ценностях // *Культура: управление, экономика, право*. 2006. № 4. С. 80–82.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. РФ. Верховный суд. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. 09.10.1992 №

3612-1 (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // *Российская газета*. 1992. № 248.

4. РФ. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : закон федеральный № 73-ФЗ от 25.06.2002 // *Парламентская газета*. 2002. № 120-121.

5. РСФСР. Об охране и использовании памятников истории и культуры : закон от 15.12.1978 (ред. от 25.06.2002) // *Свод законов РСФСР*. Т. 3. М.: Сов. Россия, 1986. С. 498.

6. РФ. О вывозе и ввозе культурных ценностей : закон № 4804-1 от 15.04.1993 // *Российская газета*. 1993. 15 мая.

7. РФ. О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации : закон федеральный № 64-ФЗ от 15.04.1998 (ред. от 23.07.2008) // *Собрание законодательства РФ*. 1998. № 16. Ст. 1799.

8. РФ. Президент. О Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. : указ № 537 от 12.05.2009 // *Российская газета*. 2009. 19 мая.

9. Казна и бюджет / Р.Е. Артюхин [и др.]. М.: Наука, 2014. 501 с.

10. Булатов Р.Б. Культурные ценности: Правовая регламентация и юридическая защита : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. 200 с.

11. Александрова М.А. Гражданско-правовой режим культурных ценностей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. 189 с.

12. Богданова А.В. Культурные ценности как объект публичной собственности // *Публично-правовые исследования*. 2015. № 1. С. 4–25.

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CULTURAL PROPERTY

© 2015

V.V. Krivitsky, graduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The article considers the basic problems of legal regulation of trafficking in cultural property, revealed a complex legal regulation and industry rules governing cultural values.

Keywords: cultural values, sources of legal regulation, the object of legal regulation.

УДК 340.1

ВЗАИМОСВЯЗИ ФУНКЦИЙ И ПРИНЦИПОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2015

Д.А. Липинский, доктор юридических наук, профессор,
заместитель ректора – директор Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Предметом исследования выступает взаимодействие функций и принципов юридической ответственности, их зависимости. В статье раскрывается, как принципы юридической ответственности влияют на ее функционирование. Анализу подвергаются принцип законности, неотвратимости, индивидуализации, виновности деяния и, соответственно, регулятивная, превентивная, карательная и восстановительная функции. В работе анализируются как действующее законодательство, так и практика его применения, а также решения Конституционного Суда Российской Федерации. В исследовании автор исходит из широкого двухаспектного понимания юридической ответственности, чем и обусловлено выделение регулятивной функции юридической ответственности.

Ключевые слова: принципы юридической ответственности, карательная функция, регулятивная функция, превентивная функция, взаимосвязи функций.

Принципы юридической ответственности наряду с ее функциями выражают природу и назначение юридической ответственности. Они обладают наивысшей императивностью и обобщенностью и в концентрированном виде характеризуют юридическую ответственность в целом. Принципы юридической ответственности должны отражать не только характеристики действующего законодательства, но и определять, показывать тенденции его развития. Принцип – категория объективно-субъективная, которая зависит не только от действующего законодательства, но и от соответствующих правовых идей, которые в той или иной степени могут быть отра-

жены в законодательстве. Такое понимание принципов юридической ответственности ориентирует законодателя и правоприменителя на соответствие их деятельности принципам юридической ответственности, а также показывает тенденции развития правоприменительной и законодательной деятельности. В принципах, как и в любом правовом явлении, должна отражаться связь науки и практики.

Юридическая ответственность – институт материального права, ее принципами являются справедливость, законность, неотвратимость, индивидуализация, гуманизм и виновность деяния. Мы не выделяем ряд принци-

пов, на которые указывают отдельные авторы, а именно: состязательность процесса и право на защиту лица, привлеченного к ответственности (О.Э. Лейст) [1, с. 322]; регламентированность осуществления (Б.Т. Базылев) [2, с. 87]; официальность, публичность (Т.В. Заметина) [3, с. 87]. Это не принципы юридической ответственности, а принципы юридического процесса.

Принципы юридической ответственности имеют, по крайней мере, трех адресатов: законодателя, правоприменителя, субъектов юридической ответственности. В соответствии с принципами юридической ответственности строится их деятельность, осуществляются функции юридической ответственности. Принципы юридической ответственности определяют функционирование юридической ответственности. Все функции юридической ответственности должны соответствовать ее принципам. Отступление в процессе функционирования от принципов юридической ответственности является проявлением не ее функций, а дисфункций, которые приводят не к достижению общественно полезных целей, а, наоборот, к негативным результатам: неуважению закона, падению авторитета государственной власти, правовому нигилизму и т. д.

Взаимосвязь между принципами и функциями юридической ответственности носит не односторонний (принцип – функция) [4, с. 190], а двусторонний характер, вследствие чего является актуальным исследование взаимосвязи не только принципов юридической ответственности с ее функциями, но и принципов права и функций юридической ответственности.

Группа законодательно закрепленных принципов есть не что иное, как результат воздействия функций юридической ответственности. Регулятивная функция юридической ответственности и регулятивная функция права в правовых нормах закрепляют научно обоснованные идеи-принципы, которые становятся обязательными как для законодателя, так и для правоприменителя.

В действующем законодательстве нормативно закреплены принципы: законности, справедливости, гуманизма, индивидуализации, неотвратимости. Принцип виновности деяния нашел свое нормативное закрепление в большей мере в отраслях публичного права, но это не означает, что правовая теория, правоприменительная и законодательная практика должны полностью отказаться от этой идеи.

Коренные преобразования, которые произошли в действующем законодательстве, позволяют наглядно показать взаимосвязь и взаимодействие этих явлений. Например, Конституция РФ в ст. 2 и ч. 2 ст. 21 закрепила принцип гуманизма: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»; «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Этот принцип при реформировании законодательства нашел свое отражение в ч. 2 ст. 7 УК РФ, ч. 2 ст. 7 УИК РФ и в других правовых нормах. Функции юридической ответственности стали осуществляться исходя из указанных принципов. Конституция РФ ограничила карательное воздействие, установив, что «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни...» (ч. 2 ст. 20). Это установление повлекло изменения в действовавшем тогда УК РСФСР. Так, из санкций норм, предусматривающих наказание в виде смертной казни, за преступления, не посягающие на жизнь человека, этот вид наказаний был исключен.

На принципы и функции юридической ответственности оказывает воздействие само право как элемент культуры. «Право как явление национальной и мировой культуры в присущей ему нормативной форме аккумулирует духовные ценности и достижения народа, человечества: права человека, демократию (народовластие),

моральные (нравственные) устои общества, социальную справедливость» [5, с. 156].

Принципы юридической ответственности в том виде, в котором они сейчас предстают, сформировались не сразу, а в процессе эволюции общества и права. На ранних этапах развития человеческого общества неотвратимость, равенство, индивидуализацию нельзя было признать принципами юридической ответственности и права, т. к. действующее законодательство во многом выражало принцип сословного неравноправия, принцип ответственности без вины или за чужую вину.

Например, сословная неравноправность выражена в церковном Уставе князя Ярослава Владимировича. По ст. 2 Устава за нанесение побоев дочери или жене бояр взимался штраф в размере 5 гривен золота, меньших бояр – одна гривна золота, а нарочитых людей – 3 рубля, простой чади – 15 гривен серебра [6, с. 156].

По Воинским Артикулам Петра I наказание и его применение характеризовались отсутствием индивидуализации и личной ответственности (когда вместе с преступниками или вместо него наказывались его родственники). Отсутствовало формальное равенство перед законом (разная ответственность за одно и то же преступление предусматривалась для представителей разных сословий: дворянина и крестьянина, офицера и солдата) [7, с. 17].

Справедливость в древнем праве связывалась с принципом талиона, с жестокими и болезненными наказаниями. Так, в сборнике законов царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) указано: «Вот справедливые законы, утвержденные Хаммурапи, победоносным царем, водворившим истинное благополучие и доброе управление в стране» [8, с. 14]. В качестве наказаний в своде законов предусматривалось: отрезание пальцев, выбивание зубов, повреждение глаз, ломание костей. Тяжесть наказания была связана с занимаемым положением в обществе. За убийство дочери свободного человека убивали не виновного, а его дочь [8, с. 14]. Таким образом, справедливость связывалась с жестокими наказаниями, с отсутствием формального равенства и соразмерности наказания.

Содержание и перечень принципов юридической ответственности есть результат общественного и правового развития. Идеи справедливости, гуманизма, неотвратимости, законности, виновности формировались в процессе становления общества, государства и права. Они складывались в результате эволюции научных воззрений, а уже затем постепенно находили свое отражение в тех или иных формах в действующем законодательстве. Содержание принципов юридической ответственности обусловлено господствующими в обществе представлениями (идеями) о праве, сущности права, правах человека, роли государства и т. д. С одной стороны, в функциях юридической ответственности отражаются ее принципы, а с другой – социокультурная реальность общества и отдельных его составляющих.

Принципы юридической ответственности упорядочивают функционирование юридической ответственности. Они задают им необходимое направление правового воздействия, которое не позволяет превратиться юридической ответственности в самоцель и средство произвола, в насилие и зло. На функции юридической ответственности воздействует не один отдельно взятый принцип юридической ответственности, а вся ее система принципов, которая, в свою очередь, складывается в результате влияния принципов права.

М.Б. Мироненко, анализируя взаимосвязь функций юридической ответственности и принципов права, определяет, какие принципы являются главными для той или иной функции, а какие – второстепенными. По его мнению, принцип неотвратимости предопределяет наличие карательной и превентивной функций. Регулятивная функция наиболее тесно связана с принципом закон-

ности и справедливости. Восстановительная функция обусловлена наличием принципов справедливости и неотвратимости [4, с. 190]. На наш взгляд, ошибочно выделять главные и второстепенные принципы для той или иной функции юридической ответственности. Принципы юридической ответственности оказывают воздействие на функционирование ответственности не по отдельности, а в своей совокупности, системе, поэтому нарушение даже одного принципа юридической ответственности ведет к проявлению дисфункций юридической ответственности.

Все функции юридической ответственности должны осуществляться в соответствии с принципами справедливости, законности, неотвратимости, индивидуализации, гуманизма, виновности деяния.

«Принцип справедливости проявляется на нескольких уровнях. Первый уровень обладает наибольшей степенью обобщения и выражается в следующих требованиях: равенстве, гуманизме, соответствии правовых норм моральным, иерархии в защите общественных отношений. Второй уровень содержания принципа справедливости юридической ответственности раскрывается через принципы законности, неотвратимости, индивидуализации, виновности деяния. Ответственность справедлива, когда она законна, неотвратима, индивидуализирована и наступает за виновные деяния» [9, с. 6]. Все функции юридической ответственности должны осуществляться, исходя из критериев справедливости.

Само установление юридической ответственности должно быть справедливым и соответствовать всем критериям справедливости. За общественно опасные деяния должны неизбежно устанавливаться меры государственного принуждения (наказания, взыскания), а за общественно полезные деяния – поощрения. Несвоевременное установление юридической ответственности ведет к дестабилизации общественных отношений и выступает одним из условий правонарушаемости. Так, на несколько лет затянулось принятие нового Уголовного кодекса. Между тем в связи с изменениями экономики, политической системы длительное время совершались общественно опасные деяния, которые не квалифицировались как преступления, т. к. УК РСФСР 1960 г. уже не соответствовал реалиям времени. В силу его ограниченности нельзя было привлекать к уголовной ответственности за легализацию денежных средств, лжепредпринимательство, изготовление поддельных кредитных карт, преднамеренное банкротство, неправомерные действия при банкротстве и т. д. Затягивание с принятием УК РФ привело к тому, что сложился целый комплекс условий, способствующих росту экономической, коррупционной и организованной преступности. Вместе с тем и после принятия нового УК почти ежемесячно в него вносятся дополнения и изменения, свидетельствующие о его несовершенстве.

Регулирование общественных отношений должно происходить на основе законности и в рамках законности. Отступление от принципа законности означает одновременно и нарушение принципа справедливости, т. к. этот принцип является системообразующим. Установление юридической ответственности должно соответствовать утвержденной Конституцией иерархии ценностей: права человека – интересы общества – интересы государства. Регулирование общественных отношений необходимо осуществлять исходя из данных концептуальных основ. При регулировании ответственностью должен находиться компромисс, «золотая середина» между правами и законными интересами человека и интересами общества, государства. Осуществление карательной, восстановительной, превентивной, воспитательной, регулятивной функций немисливо без их соответствия критериям справедливости, которые раскрываются уже через другие принципы юридической ответственности.

Карательное воздействие осуществляется только в

отношении лиц, виновно совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные законом. Когда юридическая ответственность осуществляется без вины, проявляются ее дисфункции. Расширение института ответственности без вины – наглядный пример того, как государство, не справляясь с возникающими проблемами правового регулирования, пытается разрешить их за счет имущественной сферы безвинового субъекта. Необходимо было вместо ответственности без вины предусмотреть институт страхования ответственности. Противники нашей позиции обычно возражают, что такие налоги (сборы) будет очень трудно собирать, и, соответственно, компенсация для потерпевшего не будет обеспечена. Такая позиция является оправданием бессилия государства. Ответственность без вины несет в себе только карательный и восстановительный потенциал. Функции воспитания и превенции не осуществляются ввиду отсутствия осознания субъектом порочности своих действий.

Принцип виновности деяния наполняет карательную функцию справедливостью и соразмерностью, т. к. потенциал карательного воздействия зависит от степени и характера вины. В соответствии со ст. 151 ГК при определении размеров компенсации морального вреда суд, среди прочего, принимает во внимание степень вины нарушителя. Вид и пределы материальной ответственности зависят от формы вины правонарушителя [10, с. 104]. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах рассмотрения судами в порядке гражданского судопроизводства жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях» от 14 апреля 1988 г. подчеркивается необходимость тщательного учета и изучения личности виновного, степени вины и т. д. Практика Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что он неоднократно отменял приговоры нижестоящих судов, если наказание было назначено без учета характера и степени вины правонарушителя.

Принцип виновности деяния предписывает, что карательная функция юридической ответственности должна осуществляться только в отношении тех лиц, в чьих действиях имеется вина. Это требование, касающееся применения ответственности, обращено к правоприменителю. Однако принцип виновности деяния должен влиять и на установление статистики карательной функции, т. к. в правовых нормах, предусматривающих юридическую ответственность, должны закрепляться составы правонарушений, обязательным признаком которых является вина. Принцип виновности деяния влияет не только на деятельность правоприменителя, но и на деятельность законодателя. Этот принцип пронизывает весь процесс осуществления карательной функции юридической ответственности.

Воспитательная функция юридической ответственности осуществляется в отношении правонарушителей, совершивших деяния виновно. Эта функция не может осуществляться в отношении лиц, совершивших объективно противоправные деяния. Лицо, совершившее деяние без вины, не понимает упречность своего поведения, оно не понимает, в чем заключалась недопустимость его действий, какие внутренние установки ему необходимо изменить или совершенствовать. Например, ответственность в предпринимательских отношениях не зависит от вины, а вина в гражданском праве выводится из понятий «заботливость» и «осмотрительность». Вот и получается, что, как бы заботливо или осмотрительно ни действовало лицо, для него все равно наступит ответственность. Не выполняет в этом случае ответственность и свою превентивную функцию. Если в процессе функционирования ответственности одновременно с карательной и восстановительной функциями не осуществляется воспитательная и превентивная функции, это есть проявление дисфункций юридической ответственности. Такая ответственность лишена всякого смысла и превращается

в средневековую кару.

Функции юридической ответственности неразрывно связаны с принципом неотвратимости. Регулятивная функция юридической ответственности в статике должна устанавливать юридическую ответственность за деяния общественно опасные. Общественная опасность деяния – это одно из оснований установления юридической ответственности за его совершение. Неотвратимое установление юридической ответственности является предпосылкой для реализации других аспектов неотвратимости юридической ответственности.

Неотвратимость необходимо понимать не только как реакцию государства на любое правонарушение, но и как неотвратимое выполнение субъектами возложенных на них обязанностей. В юридической литературе неоднократно подчеркивалось, что без категории обязанностей нельзя понять сущность юридической ответственности. Возложение и несение обязанностей должно быть неотвратимым и обеспеченным государством. Превентивная и воспитательная функции юридической ответственности, с одной стороны, сами обусловлены неотвратимостью юридической ответственности, а с другой стороны, они направлены на обеспечение неотвратимости реализации юридических обязанностей. В этих функциях сочетаются способы убеждения и принуждения, которые направлены на обеспечение исполнения обязанностей, а следовательно, и ответственности. Это положение является ответом на вопрос оппонентов добровольной (позитивной) ответственности о том, чем обеспечивается добровольная форма реализации юридической ответственности. Для одних субъектов она обеспечивается принуждением или угрозой принуждения, а для других субъектов – убеждением и поощрением. «Реализация принципа неотвратимости юридической ответственности обеспечивает предупредительное воздействие законов, т. к. порождает сознание надежной защиты прав и интересов человека, его безопасности... На неустойчивых членов общества неотвратимости действует предупредительное от совершения новых правонарушений, ибо заставляет задумываться относительно запрещенных законом действий» [11, с. 104]. Неотвратимость ответственности воплощает неразрывное, целостное единство регулирующих и охраняющих функций юридической ответственности, единство ответственности как за соблюдение нормы, так и за каждое ее нарушение [12, с. 104].

Принцип неотвратимости взаимодействует и с поощрительными мерами юридической ответственности. Думается, что за социально полезный поступок, связанный с заслугой, со сверхнормативным выполнением возложенных на субъекта обязанностей, несомненно, должно следовать применение мер поощрения. Более того, действующее законодательство предусматривает случаи, когда применение мер поощрения выступает в качестве обязанности правоприменителя. Анализ примечаний к статьям Особенной части уголовного права, в которых устанавливаются основания освобождения от уголовной ответственности (уголовно-правовое поощрение), показывает, что освобождение от уголовной ответственности выступает в качестве обязанности правоприменителя.

Принцип неотвратимости юридической ответственности взаимосвязан также с карательной и восстановительной функциями юридической ответственности. Любое правонарушение должно влечь реакцию со стороны государства. Эта реакция как раз и выражается в неотвратимой каре правонарушителя и в восстановлении общественных отношений. Кара как неотвратимая реакция осуществляется не сама ради себя, а ради другого аспекта неотвратимости – чтобы в будущем субъект не нарушал возложенных на него обязанностей. Этому способствуют также осуществляемые одновременно с карательной и восстановительной функциями воспитательная и частнопредупредительная функции, т. к. одна кара не может обеспечить неотвратимость юридической от-

ветственности.

Многие виды карательного воздействия неизбежно соединены с воспитательным воздействием на правонарушителя. Конечно, в широком смысле любое карательное воздействие сочетается с воспитательным воздействием на правонарушителя. Следует уточнить, что при реализации некоторых мер юридической ответственности на правоприменителя возлагается обязанность по специальному воспитательному воздействию на правонарушителя. Так, одним из принципов уголовно-исполнительного права является соединение наказания с исправительным воздействием (ст. 8 УИК РФ). Этот принцип как раз и отражает взаимосвязь неотвратимости и воспитательного воздействия. В науке уголовного права существует достаточно традиционная классификация наказаний: связанные и не связанные с исправительным воздействием на осужденных. К первой группе относятся пять видов наказания, которые соединены с особым воспитательным воздействием длительного и непрерывного характера: обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы. Ко второй группе относятся меры наказания, не связанные с применением к осужденному особых методов воспитательного характера: штраф, конфискация имущества, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Сотрудники исправительных колоний, уголовно-исполнительной инспекции обязаны осуществлять моральное, правовое, спортивное, культурное, общее воспитание осужденных. Аналогичную классификацию можно провести и в отношении других отраслевых мер юридической ответственности. Неотвратимость должна проявляться не только в негативной реакции государства, но и в воспитательном воздействии на правонарушителя.

При осуществлении карательной функции юридической ответственности неизбежно происходит ограничение разнообразных прав и интересов правонарушителя, а соответственно, и возможностей для совершения новых правонарушений. Следовательно, происходит обеспечение неотвратимости осуществления частнопредупредительного воздействия на правонарушителя.

К сожалению, реалии современной действительности свидетельствуют о частом нарушении принципа неотвратимости, а соответственно, и о проявлениях дисфункций юридической ответственности. В РФ остается высоким уровень правонарушаемости. При этом нам видна лишь «надводная часть айсберга» – зарегистрированная преступность без учета латентной преступности. По свидетельству криминологов, высокий уровень раскрываемости преступлений свидетельствует как раз о высоком уровне латентной преступности. В действующем законодательстве существуют декларации ответственности. Государственная Дума принимает акты амнистии, продиктованные конъюнктурными интересами, а депутаты себя обезопасили иммунитетом от уголовного и административного преследования. К тому же действующее законодательство содержит многочисленные пробелы, позволяющие правонарушителю «избегать» юридической ответственности. В настоящее время из-за нехватки средств отсутствуют надлежащие социально-экономические гарантии обеспечения принципа неотвратимости.

Функционирование юридической ответственности происходит на основе принципа индивидуализации. Принцип индивидуализации, как и иные принципы, связан не с одной в отдельности взятой функцией юридической ответственности, а со всей их системой. Обязанности, которые закрепляет регулятивная функция юридической ответственности, не могут быть одинаковыми для всех субъектов, они зависят от правового статуса субъекта. «В общий правовой статус гражданина входят лишь общие для всех субъективные права и обязанности

и не включаются многочисленные и разнообразные права и обязанности, которые постоянно возникают и прекращаются у субъектов в зависимости от выполнения ими тех или иных профессиональных функций, общественного положения, характера правоотношений, в которые они вступают, других обстоятельств» [13, с. 51].

При закреплении общего правового статуса воздействием принципа индивидуальности минимально, т. к. он определяет лишь самые общие, наиболее стабильные права и обязанности. Конституция РФ закрепляет общие обязанности граждан: граждане обязаны соблюдать Конституцию РФ; осуществляя права и свободы, граждане обязаны не нарушать права и свободы других лиц; каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы; каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам; защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина РФ. Несмотря на то что воздействие этого принципа при закреплении обязанностей, свойственных общему статусу, минимально, оно существует при оформлении общего правового статуса иностранных граждан, лиц без гражданства, лиц с двойным гражданством. Обязанности данных субъектов не одинаковы. Например, лица без гражданства или иностранные граждане не обязаны служить в Вооруженных Силах РФ, а на лиц с двойным гражданством такая обязанность возлагается, если они не несли воинскую обязанность в вооруженных силах другого государства.

Ярко проявляет себя принцип индивидуализации, когда регулятивная функция юридической ответственности закрепляет индивидуальный и специальный статусы. Общими для всех субъектов могут быть лишь обязанности, характеризующие связь гражданина и государства. Обязанности, которые характерны для специального и индивидуального правового статуса, не могут быть одинаковыми для всех разновидностей этих статусов, как не может быть одинаковой для всех субъектов мера свободы и ответственности. В юридической литературе выделяют отраслевые статусы: гражданско-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой и т. д.; профессиональные и должностные статусы (депутата, сотрудника милиции, врача и т. д.); статус лиц, работающих в различных экстремальных ситуациях, и т. д. Обязанности, которые специфичны для того или иного вида статуса, не могут противоречить общим обязанностям субъекта.

Индивидуализация ответственности способствует четкому знанию гражданином своих обязанностей, а соответственно, и их выполнению. Индивидуализация должна проявляться при установлении и применении мер поощрения. Вид поощрения должен зависеть от характера и степени заслуги лица, от мотивов его поведения, от вида правомерного поведения. Поэтому регулятивная функция, как правило, закрепляет альтернативный перечень поощрительных санкций. В ст. 191 ТК установлен альтернативный перечень мер поощрения: благодарность, премия, ценный подарок, Почетная грамота, представление к званию лучшего по профессии. Мера поощрения отражает степень заслуг конкретного лица, а правильный, основанный на законе выбор меры поощрения в конечном итоге служит предпосылкой реализации общеправовых принципов и способствует эффективности этого средства [14, с. 19].

Регулятивная функция юридической ответственности устанавливает критерии индивидуализации карательной функции. Следует различать законодательную индивидуализацию, которую иногда в литературе именуют дифференциацией ответственности [15, с. 181], и правоприменительную индивидуализацию. Дифференциация ответственности – процесс законодательный. Если в результате воздействия регулятивной функции устанавливаются критерии индивидуализации, то, соответственно, создаются предпосылки для правоприме-

нительной индивидуализации. Регулятивная функция, в силу того что она устанавливает критерии индивидуализации ответственности, направлена и на обеспечение индивидуализации карательной функции юридической ответственности.

Карательная функция юридической ответственности не может быть одинаковой для всех субъектов, на ее осуществление влияет принцип индивидуализации. Следует отметить, что индивидуализация государственно-принудительной ответственности невозможна без индивидуализации добровольной юридической ответственности, служащей предпосылкой для индивидуализации государственно-принудительной ответственности, которая, в свою очередь, способствует справедливости, соразмерности ее карательной функции.

Критериями индивидуализации считаются степень общественной опасности деяния, личность нарушителя, степень его вины, роль в совершенном правонарушении. Принцип индивидуализации предопределяет, каковы будут содержание карательной функции юридической ответственности, длительность ее осуществления. Критериями индивидуализации выступают: вид правонарушения, количество правонарушений, форма вины, характер и степень общественной опасности правонарушения, характер последствий правонарушения, данные, характеризующие личность правонарушителя, его постделиктное поведение (раскаяние, способствование раскрытию правонарушения, заглаживание вреда или, наоборот, отрицание вины, сокрытие следов правонарушения), вид и форма соучастия, рецидив.

Эти критерии в той или иной форме находят отражение в законодательстве, которое устанавливает юридическую ответственность, а правоприменитель обязан следовать этим критериям. Соблюдение принципа индивидуализации ведет к соответствию характера воздействия карательной функции конкретным обстоятельствам дела и личности правонарушителя. Причем само установление критериев индивидуализации является результатом воздействия регулятивной функции юридической ответственности. Как результат воздействия регулятивной функции юридической ответственности, принцип индивидуализации сам начинает оказывать воздействие на характер и содержание карательной функции юридической ответственности.

Критерии индивидуализации, пронизывая систему норм, устанавливающих юридическую ответственность, в значительной мере определяют и подкрепляют целевую направленность функций юридической ответственности. В своих Постановлениях Пленум Верховного Суда РФ неоднократно указывал на обязанность правоприменителя при назначении наказания и иных мер юридической ответственности учитывать различные критерии индивидуализации: формы вины, мотивы, размер ущерба, обстановку совершения правонарушения и т. д.

Восстановительное воздействие осуществляется одновременно с карательным. Оно не бывает однородным и зависит от критериев индивидуализации. Например, в ст. 243 ТК РФ устанавливаются случаи полной материальной ответственности, которые зависят от формы вины, от состояния алкогольного опьянения, от разглашения сведений, составляющих охраняемую законом тайну (служебную, коммерческую или иную) и т. д.

Существенным требованием индивидуализации восстановительного воздействия является требование разумности и добросовестности субъектов гражданско-правовых отношений. Это требование конкретизируется посредством установления альтернативных санкций, необходимости учета различных обстоятельств правонарушения. В гражданском праве восстановление должно быть индивидуализировано, иначе оно превратится в необоснованное обогащение.

Индивидуализированной должна быть не только ка-

рательная, но и воспитательная функция юридической ответственности. Воспитательное воздействие не может быть одинаковым для всех субъектов, совершивших правонарушения. Характер и направленность воспитательной функции зависят от вида правонарушения, вида наказания, длительности наказания, личности правонарушителя. В зависимости от специфики вида наказания и вида правонарушения определяется, на какой элемент структуры личности правонарушителя будет воздействовать воспитательная функция юридической ответственности. Наказания имущественного характера (штраф, конфискация имущества, исправительные работы) прежде всего оказывают воздействие на исправление корыстной мотивации. Меры юридической ответственности, ограничивающие в первую очередь профессиональные права правонарушителя (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение по военной службе), побуждают правонарушителя совершенствовать свои профессиональные навыки, умения, а также способствуют искоренению корыстной мотивации в поведении.

Длительное по своим срокам наказание назначается, когда у правонарушителя имеются существенные деформации в морально-нравственной сфере, в правосознании, а следовательно, воспитательное воздействие на правонарушителя носит иной характер. В ст. 110 УИК РФ установлено, что в исправительных учреждениях осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание, а воспитательная работа с осужденными организуется дифференцированно с учетом вида учреждения, срока наказания, условий содержания в индивидуальных, групповых и массовых формах. Ч. 4 ст. 109 УИК РФ закрепляет правило, что «воспитательная работа с осужденными проводится с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденных и обстоятельств совершенных ими преступлений». Индивидуализация воспитательной функции является предпосылкой для достижения цели исправления. Соблюдение принципа индивидуализации – это обязанность законодателя и правоприменителя. Принцип индивидуализации очерчивает характер, длительность, специфику воспитательной функции юридической ответственности, устанавливает критерии индивидуализации воспитательной функции юридической ответственности.

Принцип законности – это тот фундамент, на котором должна базироваться деятельность законодателя, правоприменителя и государства в целом. Сами граждане обязаны неуклонно соблюдать предписания закона. Регулятивная функция юридической ответственности закрепляет основные требования законности: равенство перед юридической ответственностью; каждый обязан соблюдать предписания правовых норм; единство законности; не допускается за одно правонарушение дважды привлекать к ответственности; освобождение от ответственности должно происходить на законных основаниях; закон, ухудшающий положение субъекта ответственности, не имеет обратной силы; закон, устраняющий ответственность или улучшающий положение субъекта ответственности, имеет обратную силу; вид, пределы, мера юридической ответственности должны быть установлены в законе. Эти основополагающие критерии законности закрепляются в результате воздействия регулятивной функции в самых разнообразных нормативно-правовых актах, устанавливающих юридическую ответственность. После их закрепления они сами начинают оказывать обратное воздействие на осуществление функций юридической ответственности, в том числе и регулятивной.

Основой законности выступает обязанность (требование) неуклонного соблюдения и исполнения предписаний правовых норм. Это требование законности находит свое выражение в юридической ответственности. Более того, для форм реализации юридической ответственно-

сти обязанность выступает сущностным моментом. Для добровольной формы реализации юридической ответственности это обязанность действовать правомерно, а для государственно-принудительной – обязанность подвергнуться неблагоприятным последствиям, вытекающим из факта совершения правонарушения и предусмотренной нарушенной нормой. Эти обязанности, с одной стороны, являются проявлением принципа законности, а с другой – они сами есть результат воздействия принципа законности. Кроме того, указанные обязанности вытекают из правовых норм, установление которых как раз и обусловлено регулятивной функцией юридической ответственности.

Если принцип законности находит свое непосредственное выражение в конкретной статье нормативно-правового акта, то он приобретает особое значение. В Основном Законе РФ отражено, что граждане обязаны соблюдать Конституцию. В ст. 11 УИК РФ закреплено: «Осужденные должны исполнять установленные законодательством обязанности граждан РФ, они обязаны соблюдать требования федеральных законов, определяющих порядок отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними нормативных актов». Почему подобные положения, закрепленные в законе, имеют особое регулирующее значение? В определенной степени на этот вопрос мы ответили выше, но отметим и еще один важный момент. Такие положения являются наиболее понятными для граждан, т. к. в концентрированной форме выражают основную, одобряемую государством линию поведения, а следовательно, непосредственно принимают участие в регулировании поведения субъектов юридической ответственности.

При регулировании общественных отношений посредством юридической ответственности должны соблюдаться критерии законности. Например, новый Кодекс об административных правонарушениях устанавливает, что «законодательство об административных правонарушениях состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов РФ об административных правонарушениях» (ч. 1 ст. 1.1). Из этого положения следует, что в иных федеральных законах не могут содержаться нормы об административных правонарушениях, т. к. они должны содержаться в указанном кодексе, а законодательство субъектов РФ об административных правонарушениях должно соответствовать Кодексу РФ об административных правонарушениях.

В связи с принятием нового Трудового кодекса подлежат приведению в соответствие с ним многочисленные нормативно-правовые акты, устанавливающие дисциплинарную ответственность для отдельных категорий субъектов трудовых правоотношений.

Регулятивная функция юридической ответственности устанавливает обязанности, запреты, дозволения, поощрения. Установление этих юридических средств должно отвечать критериям законности. Например, обязанности, запреты и т. д., которые формулируются в региональном законодательстве, не должны противоречить предписаниям федерального законодательства. Обязанности, запреты, дозволения, которые оформляют юридическую ответственность, должны быть закреплены в законе в установленном для этого процедурном порядке. Эти обязанности не должны противоречить Конституции РФ и общепризнанным нормам международного права. Практика Конституционного Суда свидетельствует, что он неоднократно обосновывал свои решения, обращаясь к нормам международного права.

Карательная функция, как никакая иная функция юридической ответственности, должна отвечать критериям законности, т. к. в результате ее осуществления значительно сужаются права граждан, возлагаются дополнительные обременения. К сожалению, практика Конституционного Суда РФ свидетельствует о наруше-

нии правоприменителем и законодателем такого критерия законности, как верховенство Конституции РФ. Ч. 3 ст. 35 Конституции РФ устанавливает, что «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Однако ст. 276 Таможенного кодекса предоставляла право таможенным органам конфисковывать предметы, являющиеся непосредственными объектами правонарушения. Конституционный Суд в своем решении признал это положение ТК РФ противоречащим Конституции РФ. Своим Постановлением от 11 марта 1998 г. Конституционный Суд признал не соответствующей Конституции РФ ст. 266 ТК РФ, поскольку ею предусмотрена в качестве меры административной ответственности конфискация товаров и транспортных средств, назначаемая без судебного решения и являющаяся несоразмерной деянию, указанному в данной статье.

Карательная функция должна осуществляться в пределах, которые устанавливают санкции соответствующих статей, а основанием ее осуществления выступает правонарушение, предусмотренное соответствующим нормативно-правовым актом. К сожалению, вступивший в силу новый Трудовой кодекс не разрешил всех проблем дисциплинарной ответственности. В ст. 192 устанавливаются общие основания дисциплинарной ответственности. Основанием дисциплинарной ответственности является виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей. Однако примерный перечень дисциплинарных правонарушений содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами РФ законодательства при разрешении трудовых споров». Требования законности применительно к карательной функции юридической ответственности состоят в том, что перечень правонарушений должен определяться в нормативно-правовом акте, а не в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, т. к. Пленум не наделен полномочиями формулировать составы правонарушений. Это прерогатива законодателя, а не суда.

Принцип законности, как и иные принципы юридической ответственности, оказывает влияние на характер, содержание, время действия, пределы карательной функции юридической ответственности. Исходя из принципа законности, определяются основания карательной функции, объекты и субъекты ее воздействия. Карательная функция юридической ответственности должна основываться только на тех способах осуществления, которые отвечают критериям законности. Принцип законности предопределяет содержательную сторону деятельности субъектов, ее осуществляющих. Она должна быть направлена только на те объекты и тех субъектов, которые предопределены ее содержанием. Указанным критериям законности должна соответствовать и восстановительная функция, реализующаяся одновременно с карательной.

Следует отметить, что соответствие карательной функции критериям законности создает предпосылки для эффективного осуществления воспитательной функции. Если кара не соответствует закону, следовательно, нельзя говорить об эффективном осуществлении воспитательной функции юридической ответственности, т. к. она либо воспринимается субъектом как несправедливая, либо ее недостаточно для достижения целей юридической ответственности, ведь характер воспитательного воздействия находится во взаимосвязи с видом меры юридической ответственности и длительностью ее осуществления.

Действующее законодательство предусматривает и другой аспект специфики взаимосвязи принципа законности и воспитательной функции юридической ответственности. Ч. 3 ст. 109 УИК РФ устанавливает, что распорядком дня исправительного учреждения могут быть предусмотрены воспитательные мероприятия, участие в которых обязательно для осужденных, а в ч. 2 ст. 12

УИК указывается, что осужденные не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Следовательно, при проведении воспитательной работы применение таких методов запрещено. В последние годы в местах лишения свободы стало осуществляться религиозное воспитание. Однако участие в религиозных лекциях, обрядах, проповедях и т. п. – право, а не обязанность осужденного. В ст. 14 УИК установлено, что осуществление права на свободу совести и свободу вероисповедания является добровольным. Осужденный принудительно не может быть привлечен к религиозному воспитательному воздействию. В ФЗ РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» указано, что исправление осужденных не должно подчиняться цели получения прибыли от их труда (ст. 1). На наш взгляд, это другой критерий законности, влияющий на осуществление воспитательной функции.

Требование о запрете жестокого или иного унижающего человеческого достоинства обращения является общим и распространяется на воспитательную работу, осуществляемую при исполнении других видов наказания. Нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность субъектов, осуществляющих воспитательное воздействие на правонарушителей, содержат критерии законности такой деятельности.

Принцип законности оказывает влияние и на осуществление превентивного воздействия юридической ответственности. В силу того что частнопревентивное воздействие осуществляется одновременно с карательной функцией, критерии законности, которые обеспечивают и предопределяют эффективное функционирование карательной функции, одновременно влияют и на осуществление частнопревентивного направления правового воздействия. Правовые средства (обязанности и запреты), при помощи которых осуществляется карательная функция, должны соответствовать принципу законности юридической ответственности. Обязанности и запреты – яркие правовые ограничения, которые должны применяться в той мере, в какой это необходимо для защиты прав и свобод человека, законных интересов общества и государства. Ограничения, которые связаны с превентивной функцией юридической ответственности, не должны создавать преграды для реализации гражданскими конституционных прав и свобод.

Обязанности и запреты должны соответствовать нормам международного права, Конституции РФ. Запреты и обязанности, установленные в региональном законодательстве, должны соответствовать федеральному законодательству. Принцип законности, существенным моментом которого является требование неукоснительного соблюдения правовых норм, во многом предопределяет назначение превентивной функции, направленной на недопущение нежелательного варианта поведения. С одной стороны, принцип законности определяет характер, содержание, назначение превенции, а с другой стороны, сама превентивная функция направлена на обеспечение принципа законности.

Функции юридической ответственности связаны и с принципом гуманизма юридической ответственности, содержание которого тесно связано с другими принципами юридической ответственности, т. к. во многом его требования пересекаются с требованиями принципов законности, индивидуализации, справедливости. По мнению В.В. Мальцева, принципы гуманизма, равенства, справедливости нельзя рассматривать отдельно друг от друга, т. к. последние являются выражением уравнительной и распределительной сторон справедливости [16, с. 99].

Карательная функция в зависимости от требований принципа гуманизма может изменять характер своего воздействия. Законодательство, регулирующее ответственность, предусматривает ряд льгот для отдельных

категорий субъектов. Эти льготы, как правило, смягчают меры государственного принуждения, которые обязаны понести лица в связи с совершением правонарушения. Беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК). Уголовный закон устанавливает льготные условия уголовной ответственности несовершеннолетних (гл. 14 УК). Ряд наказаний не назначается женщинам и престарелым мужчинам. Согласно Кодексу РФ об административных правонарушениях, административный арест не применяется к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, лицам, не достигшим возраста 18 лет, инвалидам первой и второй групп (ч. 2 ст. 3.9). Совершение административного правонарушения несовершеннолетним, беременной женщиной или женщиной, имеющей малолетнего ребенка, выступает в качестве обстоятельства, смягчающего административную ответственность (ст. 4.2). Если принцип индивидуализации юридической ответственности характер карательного воздействия ставит в зависимость от поведения правонарушителя до и после совершения правонарушения, формы вины, общественной опасности правонарушения, то принцип гуманизма – в зависимости от особых характеристик субъекта правонарушения. Само установление льготных условий является результатом воздействия регулятивной функции юридической ответственности. Исходя из основополагающих идей гуманизма, регулятивная функция закрепляет эти условия, которые в дальнейшем оказывают влияние на характер карательного воздействия.

Предопределяющим для установления юридической ответственности является указание в ст. 21 Конституции РФ, что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». В ч. 2 ст. 7 УК РФ указано, что наказание и другие меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. В равной степени эти положения оказывают влияние на формирование воспитательного и превентивного воздействия юридической ответственности, которые не должны осуществляться подобными методами.

Итак, итоги:

- принципы юридической ответственности имеют трех адресатов: законодателя, правоприменителя, субъектов юридической ответственности. В соответствии с принципами юридической ответственности строится их деятельность, осуществляются функции юридической ответственности. Принципы юридической ответственности предопределяют функционирование юридической ответственности. Все функции юридической ответственности должны соответствовать ее принципам. Отступление в процессе функционирования от принципов юридической ответственности является проявлением не ее функций, а дисфункций, которые приводят не к достижению общественно полезных целей, а, наоборот, к негативным результатам: неуважению закона, падению авторитета государственной власти, правовому нигилизму и т. д.;

- взаимосвязь между принципами и функциями юридической ответственности носит не односторонний (принцип – функция), а двусторонний характер. Законодательно закрепленные принципы есть не что иное, как результат воздействия функций юридической ответственности;

- содержание и перечень принципов юридической ответственности есть результат общественного и правового развития. Идеи справедливости, гуманизма, неотвратимости, законности, виновности формировались в процессе становления общества, государства и права. Они складывались в результате эволюции научных воззрений, а уже затем постепенно находили свое отражение в

тех или иных формах в действующем законодательстве. Содержание принципов юридической ответственности обусловлено господствующими в обществе представлениями (идеями) о праве, сущности права, правах человека, роли государства и т. д. С одной стороны, в функциях юридической ответственности отражаются ее принципы, а с другой – социокультурная реальность общества и отдельные его составляющие;

- принципы юридической ответственности упорядочивают функционирование юридической ответственности. Они задают им необходимое направление правового воздействия, которое не позволяет превратиться юридической ответственности в самоцель и средство произвола в насилии и зло. На функции юридической ответственности воздействует не один отдельно взятый принцип юридической ответственности, а вся система принципов юридической ответственности, которая, в свою очередь, складывается в результате влияния принципов права;

- ошибочно выделять главные и второстепенные принципы для той или иной функции юридической ответственности. Принципы юридической ответственности оказывают воздействие на функционирование ответственности не по отдельности, а в своей совокупности, системе, поэтому нарушение даже одного принципа юридической ответственности ведет к проявлению дисфункций юридической ответственности. Все функции юридической ответственности должны осуществляться в соответствии с принципами справедливости, законности, неотвратимости, индивидуализации, гуманизма, виновности деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лейст О.Э. Принципы юридической ответственности. Общая теория права / под ред. А.С. Пиголкина. М.: МГТУ, 1996.
2. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 120 с.
3. Заметина Т.В. Федеративная ответственность как элемент правовой политики России // Правовая политика: федеральные и региональные проблемы : материалы науч. конференции. Тольятти, 2001. С. 92–93.
4. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности. Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2001. 239 с.
5. Синуков В.Н. Функции права. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2007.
6. Хачатуров Р.Л. Становление права (На материале Киевской Руси). Тбилиси: Изд-во Тбилисск. ун-та, 1988. 262 с.
7. Исаев И.А. История государства и права России. М.: Юристъ, 1994. 544 с.
8. Хачатуров Р.Л. Источники права. Вып. 1. Тольятти: Изд-во ВУиТ, 1996.
9. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 239 с.
10. Полетаев Ю.Н. Материально ответственные лица: трудовые права, обязанности, ответственность. М.: Юрист, 1998. 216 с.
11. Малаш Т.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 20 с.
12. Беляев В.Г. Применение уголовного закона. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. 446 с.
13. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 294 с.
14. Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 38 с.
15. Коробов П.В. Правовая политика и дифференциация уголовной ответственности // Правоведение. 1998. № 1. С. 181–182.
16. Мальцев В.В. Принципы уголовного законода-

RELATIONSHIP OF FUNCTIONS AND PRINCIPLES OF LEGAL LIABILITY

© 2015

D.A. Lipinski, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The subject of the research is the interaction functions and principles of legal liability, and their dependencies. The article reveals how the principles of legal liability affect its operation. Analysis subjected to the principle of legality, of inevitability, individualization of the offense and, accordingly, regulatory, preventive, punitive and remedial functions. The paper analyzes how the current legislation and its application, as well as the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation. In the study, the author proceeds from the understanding of a wide two-pronged legal responsibility, and this is due to the allocation of regulatory functions of legal liability.

Keywords: principles of legal justice, punitive function, regulatory function, preventive function, relationship functions.

УДК 340.1

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФОРМ ВИНЫ ПО НАЛОГОВОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2015

А.А. Мусаткина, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Цель статьи – исследовать законодательные пробелы в регламентации форм вины в Налоговом кодексе Российской Федерации (НК РФ) и дать рекомендации по их устранению. Автор исходит из того, что существующая регламентация неосторожности в НК РФ по своей сути означает завуалированную ответственность без вины, что противоречит принципам юридической ответственности. Проводится сравнительно-правовой анализ форм неосторожности в УК РФ, КоАП РФ и НК РФ, на основе чего делается вывод, что законодательная трактовка понятия небрежности в НК РФ прямо противоречит самому понятию вины, учению о свободе воли и детерминистической природе человеческого поведения. Автор приходит к выводу, что пункт 3 статьи 110 НК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Налоговое правонарушение признается совершенным по легкомыслию, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), предвидело наступление общественно опасных последствий, но без достаточных к тому оснований рассчитывало на их предотвращение. Статью 110 НК РФ следует дополнить четвертым пунктом следующего содержания: «Налоговое правонарушение признается совершенным по небрежности, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), но не предвидело наступления общественно опасных последствий, хотя могло и должно было их предвидеть».

Ключевые слова: налоговая ответственность, вина, формы вины по Налоговому кодексу, умысел, неосторожность, свобода воли, небрежность, ответственность без вины.

Наличие вины – общепризнанный принцип юридической ответственности, и в отраслях публичного права он практически не подвергается сомнению, если не считать высказываний отдельных ученых, которые и после вступления в силу НК РФ пытаются обосновать необходимость ответственности без вины в налоговых отношениях. Так, И.Н. Соловьев отмечает, что нормы, не предусматривающие вину в налоговых правоотношениях, – не случайное недоразумение, а проявление тенденции, и данная «ситуация стала результатом эволюции общественных отношений, следствием коллизии общеправовых принципов: принципа ответственности за вину и полного возмещения убытков» [1, с. 97]. На наш взгляд, подобная ситуация объясняется стремлением законодателя облегчить участь правоприменителя – снять с него обязанность доказывать вину. Это не прогресс законодательства и общественных отношений, а регресс, переход к инквизиционным и фискальным методам управления обществом [2, с. 120]. Принцип виновности деяния – достижение цивилизации, общественной и правовой мысли, а отказ от него ведет к нарушению принципа справедливости. Налоговое законодательство и так изобилует несправедливостью, которую не следует усугублять подобными положениями, а уже тем более обоснованиями ее «необходимости» в научной литературе. Правовые науки не должны заниматься «оправдыванием» ответственности без вины. И тем более нельзя согласиться с выводом сотрудника ФСНП по г. Москве И.Н. Соловьева, что «главным оружием налогового права выступает презумпция вины налогоплательщика» [1,

с. 98]. Презумпция вины налогоплательщика в публично-правовых отношениях – не «оружие налогового права», а инструмент произвола и беззакония в руках налоговых органов. Подобные выводы противоречат Конституции РФ, Налоговому кодексу, принципам права, принципам юридической ответственности, принципам налоговой ответственности и многочисленным Постановлениям Конституционного Суда РФ. Остается только удивляться «упорству» налоговых органов, научных сотрудников налоговых органов, «обосновывающих» ответственность без вины. Впрочем, такое «упорство» вполне объяснимо. Куда проще привлекать к ответственности без вины, освобождая себя от бремени доказывания, чем доказывать вину и совершенствовать свое профессиональное мастерство по сбору доказательств.

В статье 110 Налогового кодекса закрепляются формы вины при совершении налогового правонарушения. Из п. 3 ст. 110 следует, что «налоговое правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, не осознавало противоправного характера своих действий (бездействия) либо вредного характера последствий, возникших вследствие этих действий (бездействия), хотя должно было и могло это осознавать». Из анализа ст. 110 НК РФ следует, что в ней законодатель говорит о таком виде неосторожности как небрежность, но при этом он забывает о другой разновидности неосторожности – легкомыслии. Как известно, любая форма вины характеризуется двумя элементами: интеллектуальным и волевым. В Налоговом кодексе законодатель сформулировал интеллектуальный элемент

неосторожности со знаком «минус», через понятие «не осознавало противоправного характера своих действий (бездействия)», а волевой элемент – через понятие «должно было и могло это осознать».

Смежные, а иногда дублирующие друг друга налоговые правонарушения предусмотрены не только в НК РФ, но и в УК РФ, а также в КоАП РФ. Поэтому необходимо провести сравнительно-правовой анализ законодательных определений неосторожности, предусмотренных в различных нормативно-правовых актах. В ч. 3 ст. 26 УК РФ указано: «Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия». В ч. 2 ст. 2.2. КоАП РФ определяется, что при небрежности лицо «...не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно и могло их предвидеть».

Анализ определений небрежности в УК РФ и КоАП РФ показывает, что законодатель не упоминает об интеллектуальном элементе, но это не означает, что последний отсутствует или существует со знаком «минус», как это сформулировано в НК РФ. В теории уголовного права принято утверждать, что, совершая преступление по небрежности, правонарушитель осознает общественно опасный характер своих действий (противоправность), но в меньшей степени, чем при легкомыслии или умысле. Примерно на аналогичных позициях стоит и судебно-следственная практика по делам об уголовных и административных правонарушениях. Однако при характеристике легкомыслия в НК РФ законодатель прямо указал, что правонарушитель может не осознавать противоправности своих действий. Такая законодательная трактовка понятия небрежности в НК РФ прямо противоречит самому понятию вины, учению о свободе воли и детерминистической природе человеческого поведения. Так, вина является психическим отношением субъекта к совершаемому им деянию и общественно опасным последствиям. Такое психическое отношение может проявляться только в рамках сознания человека, а вне сознания человека нет психического отношения, а следовательно, нет и вины субъекта. Между тем законодатель в НК РФ определяет неосторожность через формулу «не осознавало», фактически переводя вину из сферы сознательного в бессознательное и сводя ее к объективному непринятию мер. На наш взгляд, нельзя определить противоправность, общественную опасность деяния, если не уяснить психического отношения субъекта к этому. При неосознанности нет отрицательных внутренних психических форм. Кроме того, уже давно аксиоматичным выглядит утверждение о том, что право рассчитано на осознанное и волевое поведение субъекта, но почему тогда налоговое право выступает исключением из этого правила? Ответа на данный вопрос в Налоговом кодексе не содержится. При этом мы не стараемся привнести уголовно-правовые подходы к понятию вины, умысла, неосторожности в налоговое право. Да и не являются они сугубо уголовно-правовыми. Их можно назвать общеправовыми, т. к. они основываются на учении о свободе воли, детерминистическом поведении человека и достижениях современной психологической науки. Употребление понятия «не осознавало противоправности» фактически ведет к завуалированной ответственности без вины, а законодательные определения неосторожности, даваемые в публичных отраслях права, должны быть идентичными.

Противоречивость законодательной формулировки неосторожности можно подтвердить и при помощи других доводов. Так, налоговое и таможенное законодательство отличается исключительной динамичностью, сложностью, что часто ведет к противоречивости и несогласованности нормативно-правовых актов, его со-

ставляющих. Подтверждением этому стала рекомендация Пленума Верховного Суда в необходимых случаях привлекать к участию в судебном разбирательстве по делам о налоговых преступлениях специалистов, обладающих соответствующими познаниями в области налогообложения [3, с. 45]. Такая рекомендация подтверждает неспособность разобраться в противоправности и осознать ее даже судьям, которые имеют юридическое образование, практический стаж работы и сдали соответствующий квалификационный экзамен. А чего же тогда требовать от обыкновенных налогоплательщиков? Законодатель и не желает требовать от них осознания противоправности, т. к. ограничился формулировками «не осознавал противоправного характера... должно было и могло это осознать». Такая формулировка освобождает правоприменителя от необходимости доказывать противоправность действий правонарушителя, т. к. гораздо проще руководствоваться оценочным понятием «должно было и могло», чем доказать истинную вину правонарушителя.

Получается весьма странная ситуация, когда сам правоприменитель не может разобраться в противоправности и привлекает для этого специалистов, но одновременно требует этого от обыкновенного налогоплательщика, употребляя формулу «должно было и могло осознать». Конечно, очень легко сослаться на принцип, разработанный еще римскими юристами: «незнание закона не освобождает от ответственности». Однако, во-первых, этот принцип разрабатывался римскими юристами применительно к частному праву, который современные исследователи перенесли в сферу публичного права. Во-вторых, данный принцип был разработан несколько тысячелетий назад. И банально говорить, что за прошедший период существенно изменились общественные отношения, действующее законодательство, само количество нормативно-правовых актов, их сложность и т. п. В-третьих, понятия «отсутствие осознания противоправности» и «незнание закона» не являются тождественными. Можно и знать закон, его положения, но ввиду сложности последнего не осознавать противоправности своих действий и добросовестно заблуждаться в их правомерности. Причем в юридической литературе неоднократно отмечалось, что незнание сложных, противоречивых запретов исключает осознание общественной опасности и противоправности, а следовательно, и вины правонарушителя [4, с. 90].

Попробуем разобраться с характеристикой волевого элемента неосторожности. Как уже указывалось, законодатель определяет его через формулу «должно было и могло осознать», т. е. предполагается, что при должном напряжении своей воли налогоплательщик мог осознать противоправность своих действий. При этом «должно было» – объективный критерий, а «могло предвидеть» – субъективный. В юридической литературе указывают, что объективный критерий связан с обязанностями лица, основанными на законе, профессиональном статусе лица, общепринятых правилах общежития, предполагает предвидение лицом наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия [5, с. 223]. Применительно к налоговому праву это предвидение своей противоправности и ее осознание. Однако Налоговый кодекс не содержит указаний на обязанность обыкновенного налогоплательщика понимать все особенности налогового законодательства, детально в нем разбираться, знать все инструкции и иные подзаконные акты. Зачастую о них он узнает только в самой налоговой инспекции.

Возможность предвидения (в НК РФ возможность осознания) часто связывается с теорией «среднего человека». Имеется в виду, что у конкретного лица есть наличие возможности предвидения своей противоправности. При этом подразумевается, что в роли такого человека выступает «средний специалист», «средний бухгалтер»,

«средний налогоплательщик» и т. д. Но тут мы опять сталкиваемся с интересной ситуацией, о каком среднем человеке можно утверждать, если сам Пленум Верховного Суда рекомендует для определения противоправности привлекать высококвалифицированных специалистов, косвенно признавая, что даже судьи часто не в состоянии разобраться в налоговой противоправности, а в юридической литературе неоднократно утверждалась необходимость назначения правовой (налоговой) экспертизы [6, с. 39]. Как верно указывает И.В. Шишко, установление осознания противоправности должно являться не исключением, а правилом [7, с. 200]. Возможно, мы делаем очень смелый вывод, но, на наш взгляд, существующее в НК РФ определение неосторожности означает завуалированную ответственность без вины. Кроме того, законодатель в НК РФ дает определение только небрежности, но при этом «забывает» о другой разновидности неосторожности – легкомыслии, которую необходимо легально закрепить в НК РФ. Мы полагаем, что п. 3 ст. 110 НК РФ необходимо изложить в следующей редакции: *«Налоговое правонарушение признается совершенным по легкомыслию, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), предвидело наступление общественно опасных последствий, но без достаточных к тому оснований рассчитывало на их предотвращение»*. Кроме того, ст. 110 следует дополнить четвертым пунктом следующего содержания: *«Налоговое правонарушение признается совершенным по небрежности, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), но не предвидело наступления общественно опасных последствий, хотя могло и должно было их предвидеть»*. Думается, что ст. 110 НК РФ необходимо дополнить и пятым пунктом, в котором следует сформулировать случайное (безвиновное) причинение вреда. По нашему мнению, он может быть сформулирован следующим образом: *«Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало противоправности своих действий (бездействия) и по обстоятельствам дела не могло ее осознавать и предвидеть наступление общественно опасных последствий»*.

В разделе VI Налогового кодекса РФ предусмотрены налоговые правонарушения и ответственность за их совершение. Терминологической ясности и понятности данного раздела должно быть уделено особое внимание со стороны законодателя, т. к. двойственное толкование или расплывчатая формулировка терминов может повлечь необоснованное привлечение лица к налоговой ответственности, нарушение его конституционных прав и свобод. Между тем многие статьи указанного раздела требуют совершенствования, а формулировки, содержащиеся в них, зачастую расходятся с общепринятыми представлениями о юридической ответственности, составе правонарушения, понятии правонарушения и т. д. Или наоборот, текст статьи может быть загроможден дублирующими терминами и понятиями, которые можно заменить одной краткой формулировкой.

Проанализируем некоторые из статей НК, которые, на наш взгляд, требуют дополнений и изменений. Так, ст. 109 НК РФ называется «Обстоятельства, исключающие привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения», а в самой статье дается перечень обстоятельств: 1) отсутствие события налогового правонарушения; 2) отсутствие вины лица в совершении налогового правонарушения; 3) совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, физическим лицом, не достигшим к моменту совершения деяния шестнадцатилетнего возраста; 4) истечение сроков давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения. Все обстоятельства, перечисленные в ст. 109 (за исключени-

ем указанного в п. 4) исключают не привлечение лица к ответственности, а саму налоговую ответственность, т. к. понятия «привлечение к ответственности» и «исключение ответственности» не являются тождественными, а в самом названии статьи употребляются два не согласующихся друг с другом термина «исключающие» и «привлечение». Суть в том, что привлечь можно уже к существующему явлению (ответственности). Анализ же обстоятельств, перечисленных в ст. 109, показывает, что в них рассматриваются случаи, когда правоотношение ответственности вообще не возникало, а следовательно, они просто исключают ответственность, а не привлечение к ней; что касается п. 4 ст. 109 НК РФ, то он просто дублирует положения ст. 113 НК РФ.

Такие обстоятельства, как отсутствие вины лица в совершении налогового правонарушения; совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, физическим лицом, не достигшим к моменту совершения деяния шестнадцатилетнего возраста, относятся к различным элементам состава правонарушения, первое – к субъективной стороне, а второе – к субъекту. Одновременно они являются признаками этих элементов. В общей теории правонарушения давно стало общепризнанным утверждение: «Отсутствие одного из признаков состава правонарушения свидетельствует об отсутствии всего состава правонарушения». Тогда возникает вопрос, а для чего необходимы такие «законодательные джунгли»? Достаточно их заменить одной краткой формулировкой: «отсутствие состава налогового правонарушения». На основании изложенного мы предлагаем следующую редакцию ст. 109: *«Статья 109. Обстоятельства, исключающие привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения. Ответственность лица в совершении налогового правонарушения исключается при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств: 1) отсутствие события налогового правонарушения; 2) отсутствие состава налогового правонарушения»*. Соответственно, такому положению дел способствует отсутствие научно обоснованной правовой политики в сфере юридической ответственности, что неоднократно отмечалось в юридической литературе [8, с. 6; 9, с. 71].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев И. Правовосстановительная ответственность частного субъекта в налоговом законодательстве // Хозяйство и право. 2002. № 4. С. 97-99.
2. Липинский Д.А. Принципы и правоотношения юридической ответственности. М.: Nota Bene, 2003. 231 с.
3. РФ. Верховный Суд. Пленум. О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов : постановление № 8 от 04.07.1997 // Сборник Постановлений Пленумов Верховного Суда РФ. М., 2007. С. 45.
4. Брызгалин А. Ответственность за налоговые правонарушения: острые вопросы правоприменительной практики // Хозяйство и право. 2001. № 3. С. 82-86.
5. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть : курс лекций. М.: БЭК, 1996. 570 с.
6. Яни П.С. «Правовая» экспертиза в уголовном деле // Законность. 2001. № 9. С. 21-24.
7. Шишко И.В. Экономические правонарушения. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. 314 с.
8. Малько А.В., Рудковский В.А. Правоприменительная политика как фактор оптимизации осуществления права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1. С. 6-13.
9. Гришко Л.Е. Выявление налоговых преступлений: закон и практика в «кривом зеркале» статистики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1. С. 71-76.

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION FORMS OF GUILT
OF THE TAX CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2015

A.A. Musatkina, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair "Theory of State and Law"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The purpose of this article is to investigate legal gaps in the regulation of forms of guilt in the Tax Code of the Russian Federation and to give recommendations for their elimination. The author proceeds from the fact that the existing regulation of negligence in the Tax Code in its essence is veiled of liability without fault, which is contrary to the principles of law, responsible. It conducted a comparative legal analysis of the forms negligence in the Criminal Code, the Administrative Code and the Tax Code. On the basis of that it concluded that the legislative interpretation of the concept of negligence in the Tax Code directly contradicts the very concept of guilt, the doctrine of free will and deterministic nature of the human behavior. The author concludes that paragraph 3 of article. 110 of the Tax Code must be read as follows: "a tax offense is considered committed through thoughtlessness if the person who committed it had known the illegality of his actions (inaction), foresaw the onset of socially dangerous consequences, but without sufficient reason to expect their prevention". Article 110 of the Tax Code should be supplemented by a fourth paragraph as follows: "the tax law violation is considered committed through negligence, if the person who committed it was aware of the illegality of his actions (inaction), but did not foresee the occurrence of socially dangerous consequences, although he could and should have foreseen them."

Keywords: fiscal responsibility, guilt, forms of guilt by Tax Code, intent, negligence, free will, negligence, liability without fault.

УДК 341.018

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА

© 2015

В.В. Романова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «История государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В современной системе международного права большое значение имеет институт международно-правовой ответственности государства. Положения об обязанности государства действовать в соответствии с установленными и признанными международным сообществом нормами, а в случае нарушения данных норм исправить причиненный им ущерб, о возможности применения международных санкций к виновному государству провозглашены в теории и применяются на практике в качестве одного из основных принципов международного права.

Ключевые слова: государство, юридическая ответственность, международное право, международное сообщество, суверенитет, международное правонарушение.

События последних лет свидетельствуют о том, что на первый план перед международным сообществом выходит задача «повысить уважение к верховенству права в международной, а также внутренней жизни...» [1, с. 4]. Несомненно, должная реализация института международно-правовой ответственности будет этому только способствовать.

Однако многие политики считают, что идея юридической ответственности государств находится в противоречии с понятием суверенитета. По их мнению, государство само определяет свою политику и если и возмещается исправит последствия совершенного им правонарушения, то только исключительно по собственной воле. Однако неограниченный суверенитет неприемлем, государства должны нести ответственность за свои действия. «Суверенные государства, вступая во взаимные отношения, признают для себя обязательными общепризнанные принципы и правила поведения – нормы международного права, а ответственность за нарушение этих норм является одной из необходимых предпосылок их соблюдения» [2, с. 337].

«Суверенитет, – как верно заметил М.Д. Левин, – не означает права на нарушение международного права» [3, с. 142]. Принцип суверенитета разрешает государству осуществлять любые действия, но только если они не противоречат установленным нормам международного права. В случае если государство нарушит или не выполнит свои международные обязательства, вполне закономерно встает вопрос о привлечении его к юридической ответственности перед отдельным государством или мировым сообществом в целом.

Проблематике международно-правовой ответственности свои труды посвящали В.А. Василенко [4], П.М. Курис [5], Д.Б. Левин [3], И.И. Лукашук [6], Г.И. Тункин [7], Р.Л. Хачатуров [8] и другие ученые. Тем не менее, проблема международно-правовой ответственности по сей день остается актуальной. «Понятие международно-

правовой ответственности относится к тем вопросам, которые до сих пор еще не получили достаточной разработки в международном праве. Между тем от правильного раскрытия содержания этого понятия зависит решение других кардинальных проблем ответственности по международному праву – оснований, целей и функций, форм, объема и т. д.» [5, с. 15].

В научной литературе не существует единого мнения о понятии международно-правовой ответственности. К примеру, П.М. Курис под международно-правовой ответственностью государства понимает «реализацию обязательства государства-правонарушителя претерпевать государственное принуждение в виде определенных ограничений материального и нематериального характера» [5, с. 96].

Мы исходим из двухаспектного понимания юридической ответственности в целом и международно-правовой ответственности государства – в частности. «Юридическую ответственность в международном праве следует рассматривать во взаимосвязи позитивной и негативной ответственности субъектов международного права» [8, с. 7].

В качестве доказательства данного тезиса можно привести действующие нормы международного права. Так, согласно Уставу ООН Совет Безопасности несет «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» (ст. 24). В соответствии со ст. 73 Устава члены ООН «несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления».

Таким образом, «являясь важнейшим и наиболее эффективным правовым средством обеспечения норм международного права, международно-правовая ответственность получает выражение в обязанности ее субъекта соблюдать предписания действующих международно-правовых норм и обязательств, а в случае совершения правонарушения обязанность восстановить нарушенные

права, компенсировать причиненный ущерб и понести иные неблагоприятные последствия» [9, с. 135].

Генеральная Ассамблея ООН в 2001 году в «Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния» установила, что государство привлекается к негативной форме реализации международно-правовой ответственности в следующих случаях: совершения международно-противоправного деяния; оказания влияния на зависимое государство или принуждения другого государства совершить международно-противоправное деяние; содействия в совершении другим государством международно-противоправного деяния.

Примером содействия в совершении другим государством международно-противоправного деяния является случай, когда «государство позволяет использовать его территории для подготовки другим государством акта агрессии против третьего государства. Данное деяние влечет за собой ответственность как за совершение акта агрессии в отношении третьего государства. В качестве иных примеров содействия можно привести случаи поставки оружия в целях поддержки государства, совершающего акт агрессии или геноцид, помощь государству в иных формах, к примеру, поддержание режима апартеида или колониального доминирования» [10, с. 20].

«На квалификацию деяния как международно-противоправного не влияет то обстоятельство, что оно считается правомерным согласно внутрисударственному праву. В соответствии с общепринятыми принципами одно государство в его взаимоотношениях с другим государством может ссылаться лишь на нормы международного права; собственная конституция не может быть признана основанием для уклонения от выполнения обязательств, возложенных на него согласно международному праву» [6, с. 97].

В доктрине международного права выделяют две формы ответственности государства: материальную и нематериальную. Форма ответственности зависит от характера причиненного ущерба и конкретной политической ситуации.

Материальная ответственность выражается в форме компенсации, реституции, субституции, репарации. Реализация международно-правовой ответственности возможна либо в одной из указанных форм, либо в их сочетании.

В свою очередь, в нематериальной форме ответственности выделяют реторсии, репрессалии, сатисфакцию, ресторацию, приостановление членства или исключение из международной организации.

Отдельно стоит упомянуть о такой мере международно-правовой ответственности государств, как санкции Организации Объединенных Наций. Санкции ООН – это в основном экономические меры принуждения, а также военные меры, решение о применении которых может быть принято исключительно Советом Безопасности ООН. Санкции ООН накладываются на государство-правонарушителя международной безопасности и мира, а также на непосредственных исполнителей: физических лиц, государственных служащих, управленцев и военнослужащих. Целью санкций является, прежде всего, прекращение правонарушения и обеспечение выполнения государством-правонарушителем обязанностей, возложенных на него нормами международного права.

Если классифицировать санкции, то наименее суровым является словесное осуждение, далее идут экономические санкции, которые играют роль промежуточных мер, и, в крайнем случае, возможно применение силы.

Следует также учитывать, что пострадавшее государство имеет право применять контрмеры. Контрмеры выражаются в односторонних принудительных действиях потерпевшего государства в отношении государства-правонарушителя, направленных на обеспечение надлежащего исполнения обязательств.

Применение контрмер будет считаться правомерным, только если в отношении пострадавшего государства было совершено реальное международно-противоправное деяние. Перед применением контрмер потерпевшее государство должно направить требование государству-нарушителю о прекращении такого деяния и о возмещении причиненного вреда.

Разумеется, контрмеры должны быть соразмерны с самим международно-противоправным деянием и его последствиями. Однако в международно-правовых нормах отсутствует определение пропорциональности, поэтому на практике трудно определить, были ли контрмеры соразмерны или нет. Применение контрмер не должно нарушать права человека, также запрещается прибегать к угрозе силой или к применению силы. К числу запрещенных контрмер относятся и действия, посягающие на принципы дипломатического права. Прежде всего, запрещается нарушать принцип неприкосновенности дипломатических и консульских должностных лиц, помещений, архивов и документов.

Контрмеры должны быть прекращены как только виновное государство выполнит все нарушенные ранее обязательства. Приветствуется обратимый характер контрмер, ведь на практике возможность восстановления нарушенных связей означает возможность стабилизации нарушенных отношений.

Применение контрмер возможно как индивидуально, так и коллективно. Так, коллективные контрмеры были применены в отношении Югославии в 1998 году, когда, ссылаясь на трагические события в Косово, многие государства заморозили югославские активы, наложили запрет на полеты воздушных судов. Вопрос о правомерности вышеуказанных мер до сих пор остается открытым.

До сегодняшнего дня не выработано четких параметров, которые позволили бы однозначно ответить на вопрос о возможности применения контрмер. В случае с Югославией многие государства, прекратившие сотрудничество с данной страной, нарушили действовавшие на тот момент международные договоры. Свои действия они оправдали массовым нарушением руководством Югославии прав человека, но является ли это достаточным основанием для примененных мер, вопрос открытый.

Материальная ответственность состоит в возмещении действительного материального ущерба. Так, реституция представляет собой восстановление положения, которое существовало до совершения противоправного деяния. В качестве примера можно назвать возврат имущества, вывезенного во время военных действий. В случае невозможности совершить реституцию предметов, обладающих индивидуальными признаками, допустима по договоренности передача предметов такого же рода – т. е. субституция.

При компенсации государство-правонарушитель обязано компенсировать причиненный ущерб, в том объеме, в каком ущерб не покрывается реституцией. Компенсация охватывает любой оцененный с финансовой точки зрения ущерб, включая упущенную выгоду, если таковая установлена.

Международному праву известен также такой институт, как чрезвычайная репарация – временное ограничение правомочий государства, совершившего преступление, распоряжаться своими материальными ресурсами.

Часто материальная ответственность сочетается с нематериальной. В дипломатии широко известен термин «Корфу-инцидент». Рассмотрение данного примера поможет нам увидеть как сочетание различных видов ответственности, так и влияние политики на международные процессы.

Корфу-инцидент произошел в 1923 году между Италией и Грецией. Истинным намерением Италии в лице Муссолини был захват выгодно расположенного греческого острова Корфу и обустройство на нем во-

енной базы. В качестве предлога для нападения на Корфу Муссолини использовал убийство двадцати семи итальянских офицеров. После совершенного убийства Италия предъявила Греции провокационный ультиматум. Однако Греция согласилась выполнить лишь часть данного ультиматума. Воспользовавшись отказом, Италия посчитала возможным напасть на остров Корфу и оккупировать его. С целью освобождения территории и установления мира Греция обратилась к международному сообществу в лице Лиги наций. После обсуждения спорного вопроса греческому правительству было предложено выплатить Италии компенсацию в размере 50-ти миллионов итальянских лир, а также принести извинения итальянскому правительству. В то же время Италия обязали вывести войска с греческой территории. Таким образом, конфликт был исчерпан. Италия приняла денежные средства и официальные извинения, а Греция освободила от иностранных войск свой важный стратегический пункт в Адриатическом море.

Самым распространенным примером нематериальной ответственности государства является сатисфакция. Положения о сатисфакции содержатся в главе второй части второй Статей об ответственности государств. Сатисфакция заключается в признании государством нарушения, выражении сожаления, официальном извинении или ином надлежащем действии государства.

Извинения приносятся официальными представителями виновных субъектов. В случае если правонарушение было совершено государством, то извинения исходят от главы государства. Если виновна международная организация, то с обращением выступает глава организации. Так в 2011 году руководство НАТО принесло официальные извинения Афганистану за гибель мирных жителей в результате бомбардировки. Обстоятельства дела были таковы. Талибы организовали засаду на территории Афганистана с целью уничтожения вооруженных формирований НАТО. НАТО в свою очередь, используя авиацию, полностью разрушила деревню, откуда велся огонь. Однако в ходе авиаудара было уничтожено не только пять боевиков, но и шестнадцать мирных жителей, двенадцать из которых были детьми. Аналогичный случай и опять на территории Афганистана произошел позднее, в 2012 году. Тогда командующий силами НАТО в Афганистане лично посетил один из кишлаков, чтобы принести извинения родственникам афганцев, погибших в результате авиаудара, нанесенного американскими беспилотниками.

Таким образом, реализация такой меры международно-правовой ответственности государства, как сатисфакция, предполагает:

- принесение государством-нарушителем извинений, заверения в том, что подобные неправомерные действия больше не повторятся;
- выражение сожаления, сочувствия или соболезнования;
- разоблачение действий или бездействия официальных представителей;
- возложение обязанности материального возмещения на лиц, причастных к совершению правонарушения;
- их административное или уголовное преследование;
- издание специальных законов, направленных на обеспечение соблюдения прав и свобод человека.

При тяжчайших нарушениях прав и свобод человека, таких как геноцид или агрессия, может применяться чрезвычайная сатисфакция. При чрезвычайной сатисфакции на государство-нарушителя накладываются различные временные ограничения суверенитета и правоспособности. Ее целью является искоренение причин, породивших международное преступление, и создание гарантий от его повторения.

При наложении такого наказания, как чрезвычайная

сатисфакция, может быть:

- приостановлена деятельность законодательных, исполнительных и судебных органов государства,
- реорганизован отдельный элемент политической системы и упразднен общественный институт, наличие которого способствовало совершению государством международного преступления.

Возможна при чрезвычайной сатисфакции и временная оккупация части или всей территории государства. На государство может быть наложена обязанность не оснащать свою армию в будущем определенными видами вооружений и не производить таковые. Возможна, впрочем, и полная демилитаризация или сокращение вооруженных сил.

Другим видом нематериальной международно-правовой ответственности государства являются реторсии. Реторсии применяются в ответ на неправомерные действия другого государства по ограничению экономических и культурных связей. Виды реторсий:

- отзыв посла из государства-правонарушителя;
- выдворение из страны равного количества дипломатов государства, которое ранее выслало из страны дипломатов первого государства;
- ограничение культурных связей между государствами.

Другой, по мнению многих, более эффективной формой ответственности являются репрессалии. Репрессалии – это ответные односторонние принудительные меры государства, направленные на ограничение или ликвидацию прав другого государства, совершившего международное противоправное деяние. В современных условиях наиболее эффективными являются принудительные меры экономического и политического характера, например, эмбарго, бойкот, временное лишение или ограничение дипломатических привилегий и иммунитетов официальных представителей государства-нарушителя.

Особой формой ответственности государств является приостановление прав и привилегий, вытекающих из членства в международной организации. Сюда можно отнести лишение права голоса, права на представительство в главных органах, права на получение помощи и как крайняя мера – исключение из международной организации.

Особо следует отметить, что если вышеизложенные меры материального и нематериального характера окажутся недостаточными, то по решению Организации Объединенных Наций, могут быть введены воинские формирования в целях предотвращения или ликвидации угрозы миру и безопасности человечества. Данный воинский контингент называют миротворческими силами ООН, формируется он из подразделений различных национальных армий. Причем военные силы могут применяться только по решению Совета Безопасности.

В заключение отметим, что «мирное сосуществование государств является объективной необходимостью развития человеческого общества. Именно международно-правовая ответственность государств служит целям охраны международной законности, всеобщего мира и свободного сотрудничества между нациями. Это главное назначение данного института определяет его место в системе международного права, содержание образующих его норм, повседневную практику их применения и пути дальнейшего развития» [9, с. 141].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Resolutions and Decisions adopted by the General Assembly during its fifty-fifth session. Vol. 1. Resolutions 5 September–23 December 2000. New York: United Nations, 2001. 545 p.
2. Human rights in global politics / ed. by T. Dunne, N.J. Wheeler. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 360 p.

3. Левин И.Д. Суверенитет. М.: Юриздат, 1948. 325 с.
4. Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения. Киев: Вища шк., 1976. 267 с.
5. Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс: Минтис, 1973. 279 с.
6. Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. 432 с.

7. Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Междунар. отношения, 1970. 511 с.
8. Хачатуров Р.Л. Ответственность в современном международном праве. Тольятти: Акцент, 1996. 52 с.
9. Романова В.В. Юридическая ответственность государства : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. 165 с.
10. Graefrath B. Complicity in the law of international responsibility // Revue Belge de Droit International. 1996. № 2. P. 371–380.

INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY OF THE STATE

© 2015

V.V. Romanova, candidate of law science, associate professor of chair “History of state and law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The international legal responsibility of state has enormous importance for the entire system of international law. The possibility of application of international sanctions to the guilty state, the obligation of states to act in accordance with established and internationally standards, and in case of violation of these rules to fix the damage caused by it, proclaimed in theory and applied in practice as one of the basic principles of international law.

Keywords: the state, legal liability, international law, international community, sovereignty, international offence.

УДК 930:342.5

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

© 2015

П.А. Румянцев, старший преподаватель кафедры «История государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассматривается историография изучения переходного состояния государства, формирования нового политического режима, организации государственного устройства и федеративных отношений, взаимодействия органов власти по принципу разделения властей. Делается вывод о необходимости системного изучения данной проблемы.

Ключевые слова: историография, переходный период, транзитологическая парадигма, государственная власть, принцип разделения властей.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Проблемы развития отечественной государственности на протяжении долгих лет вызвали повышенный интерес у представителей научного сообщества. Позднесоветский период в истории нашей страны характеризовался новым витком исследований; наука, освободившись от архаичного догматизма и идеологической зашоренности, получила возможность представить большое количество библиографических источников, освещающих преобразования в государственно-властной системе, становление и развитие обновленных органов власти. Научный плюрализм позволил исследователям высказывать разнообразные точки зрения на вопросы изменения формы современного Российского государства, варианты реформирования государственного механизма, сущность и содержание переходных процессов, что обуславливало формирование ценного теоретического материала. При этом активное обращение к проблемам организации государственной власти в переходный период со стороны исследователей от различных отраслей науки заключалось в том, что тема расположена на стыке исторической, политической, юридической и других наук, что позволяло представителям каждой научной специальности найти в ней свой предмет исследования. Поскольку многие авторские позиции до сих пор требуют научного осмысления и обоснования и не все еще нашли свое практическое применение, необходимость дальнейшего изучения аспекта институционального развития государства очевидна. Продолжающиеся дискуссии о перспективах российской государственности, порой носящие бурный характер, подтверждают, что формирование историографии данной проблемы пока находится на начальной стадии своего развития, и вызывают необходимость ее исследования.

Анализ последних исследований и публикаций, в кото-

рых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение ранее не разрешенных частей общей проблемы. Анализ источниковой базы показывает, что исследователи в последние годы крайне мало внимания уделяют изучению историографии как проблем переходного периода, так и вопросов организации государственной власти. Некоторые авторы, в частности Е.Н. Палхаева [1], М.А. Шабасова [2], П.С. Шараев [3], обращались к хронологической систематизации библиографических источников, однако касались только отдельных аспектов заявленной в настоящей статье проблематики.

Формирование целей статьи (постановка задания). Представляется необходимым более подробно проанализировать имеющуюся библиографическую базу в контексте определения источников, содержащих материалы изучения переходного состояния государства, преобразования политического режима, организации государственного устройства, в также взаимодействия органов власти по принципу разделения властей.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Изучение переходных процессов как направление современных политических исследований фактически началось с выхода в 1970 г. статьи Д. Растоу «Переходы к демократии: попытка динамической модели», в которой автор определил переходный период как особый этап политического развития государства и выделил 3 фазы его развития: подготовительную, принятия решения и привыкания. Было высказано мнение о том, что путем сравнительного анализа нескольких эмпирических примеров можно получить идеальную модель процесса перехода. Вместе с тем Д. Растоу предложил не рассматривать в этих целях страны, получившие предпосылки к трансформации из-за рубежа [4], однако для многих государств переходный период развития связан не только с

внутренними, но и с внешнеполитическими факторами, что находит свое подтверждение в текущей ситуации в Украине.

В 1973 г. была опубликована монография Г. О'Доннелла «Модернизация и бюрократический авторитаризм», в которой автор выразил негативное отношение к господствовавшей в 50–60-х гг. XX вв. теории модернизации, не учитывающей того, что высокий уровень экономического и социального развития не всегда может обуславливать более стабильное демократическое устройство. Введенное им понятие «бюрократического авторитаризма» Г. О'Доннелл связывал с радикальной трансформацией механизмов накопления капитала и перераспределением социальных выгод и издержек [5, с. 52–53], что, как представляется, имело место при осуществлении переходного процесса в России, но не сопровождалось достижением нашей страной высокого уровня экономического развития.

Исследование переходных процессов было продолжено С. Хантингтоном в книге «Третья волна. Демократизация в конце двадцатого века», который утверждал, что демократизация представляет собой международный процесс и имеет характер «неудержимой глобальной приливной волны», затрагивая сразу несколько стран, оказывающих взаимное воздействие друг на друга, что подтверждается и историческим опытом. Автор выделял 5 исторических вариантов смены политического режима: постоянное колебание между авторитаризмом и демократией, переход к демократии со второй попытки, прерывание демократии, прямой переход от стабильного авторитаризма к стабильной демократии, а также деколонизация [6, с. 32, 52–54].

Немаловажное значение для изучения процессов трансформации государств имели также такие труды, как «Крушение демократических режимов» под редакцией Х. Линца и А. Степана (1978 г.), «Демократия в развивающихся странах» под редакцией Л. Даймонда, Х. Линца и С.М. Липсета (1986 г.), «Переходы от авторитарного правления. Предварительные выводы о неопределенных демократиях» Г. О'Доннелла и Ф. Шмиттера (1986 г.) и др.

Помимо западных исследователей, изучение переходных преобразований вызывало интерес и у представителей науки из ближнего зарубежья. Так, трансформация социальных систем была подробно рассмотрена белорусским социологом А.Н. Даниловым, который предложил собственную трактовку определения хронологических этапов переходного периода, выделяя 4 стадии: переоценку существующего состояния общества, социальную диагностику, демонтаж отжившей системы, выдвижение и обоснование дальнейших путей развития [7, с. 10]. Украинский политолог В.М. Якушик также пришел к выводу о наличии 4-х стадий развития переходного общества, на которых последовательно происходит зарождение элементов новой власти, разрушение старого механизма, организационное оформление новых органов и институционализация государства [8, с. 92–98], хотя в его работе рассматривалась концепция государства, переходного к социалистическому типу, что отразилось в осмыслении автором проблемы с классово-идеологической позиции.

Обращению российских исследователей политических процессов к данной теме и появлению отечественной библиографии способствовало начало коренных преобразований в стране, требующих всестороннего анализа в целях поиска оптимальной модели реформирования общества, что явилось определенным катализатором развития науки за счет формирования свежих научных взглядов и накопления научного материала. При этом если первоначально, оказавшись под влиянием зарубежных транзитологических моделей, ученые рассматривали российский переходный период в качестве одного из звеньев глобальной демократической волны,

транзита от авторитаризма к демократии, то в дальнейшем ход процесса реформирования показал недостатки существующей концепции. Так, М. Жеребкин, продолжая рассматривать общественные преобразования через трансформационную парадигму, при этом отмечал их вариативность, непоследовательность и неопределенность результатов [9, с. 59]. Такую же позицию высказывал В. Ядов, определяя зависимость результатов от различных внешних и внутренних обстоятельств, в частности, от «легитимации в массовом сознании властных государственных структур» [10, с. 69–70]. В. Гельман, С. Рыженков и М. Бри в работе «Россия регионов: трансформация политических режимов» при анализе процесса перехода, складывающегося в регионах страны, отнесли к его важнейшей характеристике неопределенность элементов политического режима, установили сценарии входа и выхода из неопределенности, как в общетеоретическом плане, так и в конкретном региональном измерении. При этом, по их мнению, неопределенность дает основание утверждать, что страна не находится в процессе демократического транзита и результат перехода заранее неизвестен [11, с. 34]. В дальнейшем А.Ю. Мельвил подверг критике облегченную версию транзитологической парадигмы, выступающей в качестве идеализированной модели перехода от авторитаризма к демократии, поскольку она не соответствует «разнонаправленным траекториям реальных политических трансформаций последних десятилетий» [12, с. 115]. Таким образом, выяснение сущности трансформационных процессов, происходящих в России, не потеряло своей актуальности и продолжается до сих пор, что обуславливает появление новых библиографических источников, посвященных данной проблеме.

Отечественная правовая наука, имея собственный предмет исследования при изучении переходных состояний государства, пополнилась трудами Н.Н. Арзамаскина, Ю.А. Веденеева, М.Н. Марченко, О.В. Прокофьевой, В.В. Сорокина, которые провели теоретическое осмысление государственности переходного периода, определили наличие его определенной стадийности, последовательности этапов, обусловленных собственными характеристиками. Особое внимание было уделено исследованию формы и содержания государства переходного типа [13; 14], в то же время процессы развития государственных институтов остались за рамками их научных интересов.

В качестве одного из направлений в историографии можно отметить внимание исследователей к вопросам формирования в России нового политического режима и участия политической элиты в осуществлении государственных преобразований. Так, А.И. Подберезкин указывал, что «суть власти – абсолютизм – не изменилась за последние столетия... контроль над государством остается в руках одного человека, которого выдвинула и поддерживает элита» [15, с. 1000]. М.Ю. Шинковский при исследовании типологии российских регионов определил, что в некоторых из них устанавливались авторитарные политические режимы, и пришел к выводу о наличии специфического сочетания авторитаризма и демократии, поскольку процесс усиления исполнительной власти проходил посредством осуществления конкурентных выборов [16, с. 123–135]. Конечно, автор, определяя слабость центральной власти в вопросах государственного строительства в регионах, не учитывал перспективы и возможности развития государственных органов при изменении политической ситуации в 2000-е гг.

Сохраняет свою актуальность исследование проблем политико-правового механизма взаимодействия органов власти различного уровня, которое берет начало еще с работ дореволюционных авторов, рассматривавших взаимоотношения государственных институтов преимущественно в контексте действия принципа разделения властей [17; 18]. В советский период он был отвергнут

идеи построения власти по принципу демократического централизма, и основное внимание уделялось деятельности и взаимодействию партийных органов, Советов и их исполнительных комитетов, имевших двойное подчинение. Концепция разделения властей рассматривалась в советских научных трудах только в рамках ее применения буржуазными странами и, естественно, подвергалась критическому анализу [19; 20].

Сложные и противоречивые политические процессы, происходившие в нашей стране в начале 1990-х гг., привели к появлению работ отечественных ученых, пытающихся осмыслить итоги взаимодействия и причины противостояния органов власти в 1993 г., что послужило импульсом к новому витку исследований. Одни из них считали антидемократической деятельностью советских органов, другие полагали, что действия исполнительных органов были направлены на узурпацию власти. Так, В.И. Барнинова отмечала, что к увеличению конфликтных ситуаций ведет дисбаланс в системе разделения властей [21, с. 17–18], В. Евзеров определил, что причиной конфликтного взаимодействия ветвей власти является социальный раскол общества [22], а Г.В. Дыльнов пришел к выводу, что противостояние властей было обусловлено тяжкими последствиями реформ, приведших к обнищанию населения и стремлением органов власти переложить ответственность друг на друга [23, с. 32]. Отчасти это подтверждалось и многочисленными публицистическими источниками от непосредственных участников внутривластного противостояния, которые, несмотря на их большое значение для анализа произошедших событий, отличались желанием авторов переложить всю степень ответственности на противоположную сторону конфликта [24; 25].

После принятия Конституции 1993 г. появилось значительное количество работ, посвященных изучению вопросов взаимодействия органов власти на основе принципа разделения властей исходя из анализа отдельных конституционных институтов, однако они не учитывали процессы трансформации в стране [26; 27]. Тем не менее А. Лейпхарт рассматривал разделение властей как один из важнейших элементов, учитываемый при определении формы правления и выстраивания политического режима [28]. Среди российских ученых, обращавшихся к данной проблеме в контексте политических преобразований, можно отметить В.Я. Гельмана, изучавшего трансформационные изменения структуры власти и политического режима и его взаимоотношения с оппозицией [29].

Часть авторов при проведении юридических исследований изучали принцип разделения властей и с философской точки зрения, в частности, А.П. Фоков трактовал его как структурообразующий и функциональный принцип рациональной организации государственной власти и рассматривал разделенные ветви власти как обособленными, так и взаимодействующими между собой, что не нарушает их принципиального единства [30]. Однако зачастую разделение властей философской наукой рассматривается идеалистически, предполагается, что оно «позволяет избежать моноцентрических тенденций в структуре государственной власти, сделать ее более гибкой и открытой для общества» [31, с. 130], хотя такая концепция не всегда подтверждается реальным историческим опытом.

Отдельным направлением в отечественной историографии выступало изучение вопросов государственного устройства, влияния переходных процессов на развитие федеративных отношений, проблем, связанных с асимметрией в геополитическом пространстве России, что непосредственно влияло на условия и характер реформирования органов власти [32; 33]. В последние годы появились работы, рассматривающие различные аспекты регионализма, освещающие вопросы взаимодействия региональных органов государственной власти

в соответствии с принципом разделения властей, возможность осуществления ими взаимного контроля при помощи системы сдержек и противовесов [34; 35]. Некоторые из публикаций были направлены на описание исторических предпосылок и хода развития процессов реформирования как в целом по России, так и применительно к отдельным регионам [36; 37; 38].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Проведенный анализ показал, что большинство научных трудов не содержит системных исследований процессов организации государственной власти с учетом условий современного переходного периода. Недостаточно внимания уделено влиянию переходных процессов на развитие России, выявлению структурных особенностей осуществления властной деятельности государства в период трансформации, определению места и роли органов власти в механизме страны в условиях реформирования, проблеме их взаимодействия в соответствии с принципом разделения властей. В связи с этим устранение существующих пробелов является научной задачей, решение которой должно осуществляться в рамках отдельного самостоятельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Палхаева Е.Н. Опыт национально-государственного строительства России: историография проблемы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1. С. 249.
2. Шабасова М.А. Проблемы демократизации российского общества и государства в англо-американской историографии // Веснік ГрДУ. Серія 1. 2007. № 1. С. 54–57.
3. Шараев П.С. Региональный парламентаризм: историография проблемы (1990–2000-е гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 3. С. 75–78.
4. Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.
5. Ворожейкина Т. Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 4. С. 50–68.
6. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
7. Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Минск: Харвест, 1998. 432 с.
8. Якушик В.М. Государство переходного типа (вопросы теории). Киев: Лыбидь, 1991. 199 с.
9. Жеребкин М. Группа интересов в трансформационном процессе // Власть. 2002. № 3. С. 59–62.
10. Ядов В. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10-11. С. 66–73.
11. Россия регионов: трансформация политических режимов / под общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М.: Весь мир, 2000. 376 с.
12. Мельвил А.Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации. М.: Просвещение, 2004. 989 с.
13. Арзамаскин Н.Н. Переходное государство и его форма. Ульяновск: УлГУ, 2006. 172 с.
14. Сорокин В.В. Государственность переходного периода: теоретические вопросы : дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 1999. 201 с.
15. Подберезкин А.И. Русский путь. 4-е изд. М.: РАУ-Ун-т, 1999. 592 с.
16. Шинковский М.Ю. Российские регионы: Становление политических режимов в условиях глобализации : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2001. 355 с.
17. Кистяковский Б.А. Государственное право общее и русское. Ч. I. 3-е изд. М.: Тип. «Московская», 1909. 432 с.

18. Куплеваский Н. Принцип разделения властей в строе современного государства // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. 1882. № 11. С. 357–400.
19. Абашмадзе В. Учение о разделении государственной власти и его критика. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1972. 51 с.
20. Прозорова Н.С. Теория «разделения властей» и современное буржуазное государство // Советское государство и право. 1974. № 9. С. 92–98.
21. Баринаева В.И. Политические конфликты в современном российском обществе, 90-е годы : дис. ... канд. полит. наук. М., 1995. 159 с.
22. Евзеров В. Парламентаризм и разделение властей в современной России // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 83–94.
23. Дыльнов Г.В. Становление демократической законодательной власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 1993. 37 с.
24. Ельцин Б.Н. Записки президента. М.: Огонек, 1994. 415 с.
25. Хасбулатов Р.И. Великая российская трагедия. Т. 2. М.: Симс, 1994. 463 с.
26. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М.: РЮИД, 2000. 528 с.
27. Шохин А.Н. Взаимодействие властей в законодательном процессе. М.: Наш дом, 1997. 186 с.
28. Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. 1995. № 2. С. 136–146.
29. Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М.: МОНФ, 1999. 240 с.
30. Фоков А.П. Судебная власть в системе разделения властей (научно-правовые, философские и исторические аспекты) // Государство и право. 2000. № 10. С. 51–56.
31. Тарасова О.Е. Принцип разделения властей и гражданское общество: диалектика взаимосвязи (социально-философский аспект) : дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2004. 143 с.
32. Аринин А.Н. Российская государственность и проблемы федерализма. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. 46 с.
33. Доржиев Э.П. Федерализм в России: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юр. наук. М., 1997. 148 с.
34. Попов А.И. Региональная политика в России: проблемы государственного управления. М.: Изд-во РАГС, 1999. 290 с.
35. Пряхина Т.М. Реализация принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации // Становление государственности и местного самоуправления в регионах России: сб. науч. статей. Саратов, 1997. С. 72–87.
36. История России в новейшее время, 1985–2009 гг. / отв. ред. А.Б. Безбородов. М.: Проспект, 2010. 440 с.
37. Софрина З.В. Организационно-правовые проблемы становления государственной власти в субъектах Российской Федерации : дис. ... канд. юр. наук. Хабаровск, 2000. 189 с.
38. Перспективы и проблемы становления поволжского регионализма / под ред. Е. Митяева. М.: Издат. центр науч. и учеб. программ, 1999. 147 с.

HISTORIOGRAPHY OF PROBLEMS OF ORGANISATION OF STATE AUTHORITY IN TRANSITION PERIOD

© 2015

P.A. Rumyantsev, senior lecturer of Chair “History of State and Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The historiography of study of the state situation transition, the new political regime formation, the state structure and federal relations organization, the bodies cooperation under the powers separation principle are discussed in the article. It is concluded that the systematic study of this problem is necessary.

Keywords: historiography, transition period, transitological paradigm, state authority, the powers separation principle.

УДК 340

НЕОБХОДИМОСТЬ ДОКТРИНАЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2015

Ю.М. Савельев, преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье обосновывается необходимость доктринального закрепления понятия юридической ответственности как целостного правового явления, без выделения важности позитивной или негативной ее форм отдельно.

Ключевые слова: юридическая ответственность, позитивная юридическая ответственность, ответственность за правонарушение, перспективная ответственность, статутная ответственность.

Юридическая ответственность занимает ключевую позицию в поддержании и обеспечении правопорядка в государстве, служит самым эффективным и действенным средством воспитания правового сознания в гражданском обществе.

По сей день не угадают острые дискуссии о едином понятии юридической ответственности, потому что в юридических науках феномен ответственности общепринято исследуется под ракурсом наказуемости. Основной недостаток большинства подобных определений – их односторонность, невозможность охвата ими различных случаев ответственности во всех отраслях права, что необходимо для общетеоретических определений, а также устарелость к подходу самого определения понятия. Так, большинство общепринятых отечественных определений характеризуют юридическую ответствен-

ность с точки зрения ретроспективной формы ее реализации – то есть ответственности за уже совершенное деяние, игнорируя и отрицая целесообразность и даже саму возможность проявления позитивной юридической ответственности.

Подобный односторонний интерес и, соответственно, последующая реализация на практике приводят к деформациям в сфере регуляции социальных отношений. Именно поэтому очень актуальна необходимость обоснованного, аргументированного доктринального закрепления понятия юридической ответственности. В зарубежной теории и практике, к примеру, феномен ответственности включает в себя значительно больше значений — положенность к ответу, отвечаемость, разумность, точность, определенность, зависимость и др., что, безусловно, характеризует ответственность также с

позитивной формы ее реализации [1, с. 180].

Бесспорно, что ретроспективная юридическая ответственность хронологически является первым восприятием юридической ответственности. На наш взгляд, точнее ее называть юридической ответственностью за правонарушение, которая выражается в обязанности субъекта подвергнуться наказанию в виде имущественного либо личного характера для восстановления нарушенных прав и интересов потерпевшего. Но юридическая наука постоянно развивается и совершенствуется. Нельзя отрицать, что психологическое побуждение (мотив) и эмоциональная составляющая играют главенствующую роль при совершении преступления. Задача позитивной юридической ответственности – добиться в человеке осмысления правосознания, которым он будет руководствоваться в своих действиях и поступках. Правосознание должно быть развито в человеке настолько сильно, чтобы оно могло подавлять побуждения к нарушению закона или совершению каких-либо запрещенных действий независимо от степени вероятности быть избалованным.

Сторонники юридической ответственности за правонарушение адресуются также и к законодательству, мотивируя свою позицию тем, что в нормативных актах Российской Федерации под юридической ответственностью подразумевается обязанность субъекта претерпевать всяческого рода имущественные и личностные лишения, будь то штрафы, конфискация имущества либо ограничение свободы. Однако, проанализировав законодательство, можно выделить проявления и позитивной юридической ответственности, заключающиеся в обозначении правильного поведения, определенных действиях, т. е. всего того, что мотивирует и направляет человека на путь правового и законопослушного поведения, за которое не наступает ретроспективная юридическая ответственность. Так, к примеру, в ст. 191 ТК РФ [2] перечислены примеры поощрения за труд; ст. 985 ГК РФ [3] предусматривает вознаграждение за действия в чужом интересе, ст. 1006 ГК РФ – агентское вознаграждение, ст. 1055 ГК РФ содержит обязанность выплатить награду. Даже статьями Уголовного кодекса РФ предусмотрено поощрение за раскаяние, осознание своих неправомысленных деяний и активное способствование раскрытию или пресечению преступлений. Так, согласно ст. 228 УК РФ [4] лицо освобождается от уголовной ответственности в указанном случае, что выступает примером правового поощрения со стороны государства.

Кроме того, ответственность – не только сугубо правовое явление, но и одна из важнейших личностных характеристик, демонстрирующая способность подходить делу обдуманно, внимательно, доводить начатое до конца; смелость брать на себя ответственность, способность отвечать за многое и многих; готовность отвечать за сделанное. Внутренней основой ответственности человека является его духовный стержень, твердая убежденность в том, что все происходящее вокруг, а также с самим человеком зависит, прежде всего, от него самого, а не от внешних обстоятельств, стечения событий.

Методом анализа человек может изменять ход событий в будущем, учитывая ошибки прошлого. Поэтому ответственность может быть как за уже свершенные деяния, так и за те, которые еще не совершены. Но, учитывая уроки прошлого либо руководствуясь здравым смыслом, человек вполне может изменить ход событий в лучшую сторону, не допустить нежелательных последствий и т. д.

Добровольную форму реализации юридической ответственности нельзя свести только лишь к понятиям «обязанность», «правомерное поведение», «поощрение», «осознание обязанности», «волевое отношение к обязанностям» и растворить в них. Добровольная ответственность не является тождественной обязанности, правомерному поведению, поощрению, субъективным

признакам – она шире этих явлений. Не тождественна она и правоотношению, т. к. последнее характеризуется специфическими для него признаками, не все из которых входят в содержание добровольной юридической ответственности» [5, с. 47].

В настоящее время используются такие синонимы позитивной юридической ответственности, как перспективная ответственность, активная ответственность, позитивно-умеренная ответственность, позитивно-активная ответственность, поощрительная ответственность. Также ее отождествляют с чувством долга или юридической обязанностью [6, с. 78].

Первые попытки представить «позитивную юридическую ответственность» отечественным правоведом воспринимались в штыки, потому что действительно, психическое отношение личности к содеянному как в прошлом, так и в будущем, его осознание долга и совести, внутреннего голоса и осознания моральных обязательств перед обществом – все это категории более психологических наук, чем юридических. Между тем необходимо отметить, что в составе правонарушения также присутствует психологический аспект содеянного – субъективная сторона правонарушения, которая характеризует психическую деятельность лица в момент совершения правонарушения. В структуре содержания данной психической деятельности различают: вину, мотив, цель, эмоциональное состояние. Право хоть и носит карательный и регулирующий, жестко регламентирующий характер, все равно неизбежно взаимодействует с человеческой душой, ее порывами, мотивацией. И отречься от душевной компоненты было бы крайне опрометчиво.

Позитивная юридическая ответственность тяжело воспринималась еще и потому, что это ответственность без правонарушения, однако в ее определение также входят устоявшиеся правовые категории: правовые санкции, правоотношение и обязанность.

Сторонники отрицания позитивной юридической ответственности апеллируют еще и к тому моменту, что за правонарушением следует санкция, а за правомерное поведение – позитивную юридическую ответственность – не следует мер активного поощрения или одобрения со стороны государства. Действительно, материальное вознаграждение за правомерное поведение не предусмотрено. В силу своей самобытности человек не склонен чувствовать духовных точек соприкосновения с правом. Ведь не будь санкций, вряд ли законы соблюдались бы добровольно и беспрекословно. На человека действуют лишь материальные рычаги власти, давления и принуждения в виде штрафов, ограничения свободы и прочее. Ведь большинство правонарушений не совершаются не из-за осознания вредности или опасности деяния, а лишь из-за страха быть наказанным. Позитивная юридическая ответственность неосознаема, потому что она поощряется молчаливым одобрением со стороны государства, нет за нее и материального вознаграждения. Однако если мыслить шире, то, совершая правомерные поступки, человек сам себя награждает свободой, экономит деньги, которые могли бы быть потрачены на оплату штрафа, а следовательно, может потратить свое время и средства на желаемые блага, что и выступает в конечном счете поощрением.

Позитивная ответственность, в отличие от негативной, не временная и не принудительная, а постоянная, добровольная и глубоко осознанная ответственность личности за свое надлежащее поведение. Она предполагает не только контроль субъекта над собственными действиями, но и положительную реакцию на контроль со стороны общества, государства. Для правовой системы это принципиально важный стабилизирующий и цементирующий фактор [7, с. 473].

Весомым доводом в пользу признания позитивной юридической ответственности выступает тот факт, что,

отрицая позитивный аспект, ученые и праведы отрицают также наличие таких форм права, как правосознание, справедливость, долг, добросовестность, разумность и нравственность.

С.В. Бошно определяет правосознание как оценку права, существующую в обществе и формирующую определенные надежды и пожелания к правовой сфере, ее изменениям; определяющую, что считать правомерным, а что – нет [8, с. 12]. Правосознание – это совокупность идей, чувств, эмоций, на основании которых все субъекты права принимают свои решения. Совесть есть способность человека осуществлять нравственный самоконтроль, внутреннюю самооценку с точки зрения соответствия своего поведения требованиям нравственности, самостоятельно выражать для себя нравственные задачи и требовать от себя их выполнения. Разумность характеризует способность человека оценивать конкретную ситуацию и видеть в ней правильное решение, которое благоприятно для него самого, общества или государства. Долг – это нравственная задача, которую человек ставит для себя на основании нравственных требований, одинаково предъявляемых ко всем. Справедливость как правовую категорию можно раскрыть как постоянную и неуклонную волю воздавать каждому его право. Нравственность – это обобщающее понятие, включающее в себя совокупность культурных и духовных ценностей, представлений о добре, долге, совести и справедливости, которые формируются как в отдельном индивиде, так и в обществе в целом. При этом каждый индивид ответственен за формирование нравственности в обществе.

Таким образом, несмотря на то что вышеперечисленные категории больше относятся к философии и этике, они также играют весомую роль в формировании правового развитого государства. Если отрицать данные категории в юридической науке, то пропадает всякая надежда на искоренение правонарушений (или хотя бы уменьшение количества совершаемых правонарушений), к которому, собственно, и стремится юридическая ответственность в своей конечной цели. Государство беспросветно погрузится в анархию.

Поэтому, как верно замечено Д.А. Липинским и Р.Л. Хачатуровым, оба вида ответственности тесно связаны между собой, и чем выше уровень ответственности в активном смысле (ответственность в положительном смысле), тем больше соблюдаются социальные нормы, тем реже имеет место ответственность в ретроспективном смысле (пассивная, отрицательная ответственность). Следовательно, позитивная и негативная юридическая ответственность есть две формы юридической ответственности в целом. Их нельзя рассматривать отдельно друг от друга, ведь они являются частями единого целого. Поэтому как нецелесообразно спорить о наличии либо отсутствии одного составляющего от всего целого, так и определение юридической ответственности должно охватывать обе формы и наиболее полно отражать содержание юридической ответственности как единого родового и базового понятия всей юридической науки.

Решением для данной проблемы выступает наличие в юридической науке термина, который многим малоизвестен, несмотря на введение его в науку еще в 70-е гг. Статутная (или статутная) юридическая ответственность носит объективный характер и выступает предпосылкой для последующей реализации одной из форм ответственности – позитивной или негативной. Мы считаем, что именно о ней писал Г. Кельзен, формулируя «чистое» и интуитивно понятное определение юридической ответственности: «обязанность индивида вести себя определенным образом, если его противоположное поведение обуславливает акт принуждения в качестве санкции (меры воздействия)» [9, с. 140].

Однако Н.И. Матузов отождествляет статутную и по-

зитивную юридическую ответственность, считая, что они обе выражают правомерное поведение субъекта [10, с. 200]. В этой связи необходимо уточнить, что статутная юридическая ответственность – это лишь «указатель на распутье», а уже сам субъект выбирает, пойти ему в сторону правонарушения и претерпеть наказание, либо же не нарушать закон и пребывать правопослушным гражданином.

Как верно выразился И.А. Ильин, статутная ответственность сосредотачивает и дисциплинирует человека, дает ему возможность предвидеть возможность и неизбежность своих будущих деяний [11, с. 300].

Для более наглядного восприятия можно провести аналогию с общеродовым понятием – «правонарушение», которое, в свою очередь, разветвляется на преступление и проступок. Причем если Уголовный кодекс РФ дает легальное закрепление понятию «преступление», то ныне действующий Кодекс об административных правонарушениях не содержит понятия «проступок», в отличие от предшественника, а указывает на общеродовое понятие «правонарушение», что также порождает путаницу и подмену понятий и суждений. В принципе это противоречит концепции правовой политики в сфере юридической ответственности и в иных сферах [12, с. 28; 13, с. 6; 14, с. 69].

Также и юридическую ответственность нельзя характеризовать только лишь с позитивной и негативной точки зрения. Пора признать наличие концепции позитивной юридической ответственности, поскольку доводы в ее защиту весьма убедительны. В то же время нельзя преуменьшать и важность негативной юридической ответственности, потому что наказание составляет основу всей юриспруденции. Е.В. Черных и Д.А. Липинский, характеризуя юридическую ответственность как целостное правовое явление, также убеждены, что «законодательное установление статутной ответственности необходимо. Без статута не может быть и статуса, как без статутной ответственности не может возникнуть состояние отношения к ней субъектов права. Данное структурное подразделение является юридической базой, первичным, отправным элементом юридической ответственности, исключение которого означало бы невозможность существования правовой ответственности вообще» [14, с. 18].

Поэтому мы считаем, что необходимо доктринальное закрепление именно статутной юридической ответственности как целостного правового явления, которое выступает, с одной стороны, как юридическая обязанность соблюдения и исполнения требований, предусмотренных нормой права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а с другой стороны, в случае ее нарушения – как обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав материального, правового или личного характера и их реализацию [15, с. 400; 16, с. 50].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введение в философию ответственности / А.И. Ореховский [и др.]. Новосибирск: СибГУТИ, 2005. 186 с.
2. РФ. Кодексы. Трудовой кодекс Российской Федерации : от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2015, с изм. от 02.05.2015) // Консультант Плюс: информационно-правовая система.
3. РФ. Кодексы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (ред. от 06.04.2015, с изм. от 07.04.2015) // Консультант Плюс: информационно-правовая система.
4. РФ. Кодексы. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (ред. от 30.03.2015, с изм. от 07.04.2015) // Консультант Плюс: информационно-правовая система.
5. Липинский Д.А. К дискуссии о понятии юридической ответственности // Вестник Волжского университе-

та им. В.Н. Татищева. 2002. № 25. С. 43–62.

6. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против // Право и политика. 2005. № 11. С. 9–18.

7. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2004. 511 с.

8. Бошно С.В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 82–91.

9. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сб. переводов. Вып. 1 / пер. с нем. С.В. Лёзова, Ю.С. Пивоварова. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1987. 195 с.

10. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 294 с.

11. Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М.: Рус. кн., 1994. 505 с.

12. Анисин А.Л. Идеино-теоретические основы пра-

воприменительной и правозащитной политики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1. С. 28–38.

13. Малько А.В., Рудковский В.А. Правоприменительная политика как фактор оптимизации осуществления права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1. С. 6–13.

14. Коржиков О.Н., Давыдов П.А. научные основы концепции судебной политики в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1. С. 69–72.

15. Черных Е.В., Липинский Д.А. Юридическая ответственность – целостное правовое явление // Право и политика. 2005. № 3. С. 10–18.

16. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 948 с.

THE NEED FOR DOCTRINAL INTEGRATION OF THE CONCEPT OF LEGAL RESPONSIBILITY

© 2015

Y.M. Savelyev, lecturer of chair “Criminal Procedure and Criminalistics”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The article substantiates the necessity of doctrinal integration of the concept of legal liability as a holistic legal phenomenon, without emphasizing the importance of positive or negative forms separately.

Keywords: legal responsibility, positive legal responsibility, the responsibility for the offense, prospective responsibility, statutory responsibility.

УДК 340.1

О ПРОЕКТЕ ЗАКОНА «О НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

© 2015

А.Н. Станкин, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье анализируется проект Федерального закона «О нормативных правовых актах», разработанный Министерством юстиции РФ, определяются его противоречивые и положительные характеристики, даются рекомендации, направленные на совершенствование проекта данного нормативно-правового акта.

Ключевые слова: закон, федеральный закон, нормативный правовой акт, коллизии, кодекс, правовая система, юридическая ответственность.

За последние годы в Российской Федерации развернулась активная деятельность по подготовке и принятию новых законов и иных нормативных правовых актов. На сегодняшний день на федеральном уровне принято порядка 6000 законов, причем большинство из них – это законы о внесении изменений и дополнений.

Проблема согласованности, приведения нормативных правовых актов в систему более чем назрела. Как известно, проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» был принят Государственной Думой в первом чтении 11 ноября 1996 г., однако 12 мая 2004 г. отклонен.

Следует отметить, что в ряде российских субъектов (Кабардино-Балкарская Республика, Самарская область, город федерального значения – Москва и др.) подобные законы уже давно приняты и успешно действуют [1].

В конце 2014 года министерство юстиции разработало и разместило для всеобщего обсуждения проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» [2].

Как следует из ст. 1 Проекта закона, он определяет понятие, виды и формы нормативных правовых актов, устанавливает их юридическую силу и соотношение между собой, общий порядок их подготовки, оформления, экспертизы, принятия (издания), опубликования (обнародования), вступления в силу, толкования, учета и систематизации; основы реализации и мониторинга правоприменения нормативных правовых актов, порядок преодоления и устранения коллизий и пробелов

в правовом регулировании, ответственность в сфере правотворчества и реализации нормативных правовых актов.

Одной из важнейших новелл закона является обязанность для правотворческих органов разрабатывать планы подготовки нормативных правовых актов (до двух лет) и перспективных (на три года и более). Причем, планы подготовки нормативных правовых актов подлежат размещению в сети Интернет в установленном порядке, за исключением содержащихся в них сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну (ст. 14 Проекта).

Принятию нормативного правового акта согласно проекту должен предшествовать сбор информации, социологические исследования, проведение расчетов, оценка вариантов решения, выбор наилучшего из них. Для правотворческого органа установлена обязанность при подготовке нормативных правовых актов изучать и учитывать практику применения законодательства по теме проекта, в том числе зарубежную, выявлять общественную потребность в правовом регулировании, причины и условия, влияющие на эффективность законодательства, обобщать и использовать предложения иных органов, организаций и граждан, рекомендации научных организаций, ученых и специалистов, данные других средств выявления общественного мнения (ст. 21).

Проект дает необходимые ориентиры для законодателя. В частности, в п. 1 ст. 6 Проекта говорится о том, что законом регулируются наиболее важные обществен-

ные отношения. Можно полагать, что некоторые депутаты Государственной Думы РФ перестанут выходить с предложениями типа «законодательно запретить босножки», «перекрасить Кремль в белый цвет», «законодательно привязать число домашних питомцев к площади квартиры» и т. п. [3]. Подобные прожекты дискредитируют закон.

Закон создает определенные условия для повышения качества принимаемых нормативных правовых актов, устанавливая императив на участие юридической службы (или юриста) при подготовке нормативных правовых актов (п. 4 ст. 18).

Кроме того, большое внимание уделяется процедуре нормотворчества. При этом предписывается, что «нормативные правовые акты, направленные на реализацию основного нормативного правового акта, готовятся совместно», «ч. 3 ст. 53». Это вполне оправдано, поскольку сегодня в ряде случаев одни законы отсылают к нормам других, а те, в свою очередь, таких норм не содержат [4]. В частности, ст. 15 Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» констатирует, что лица, виновные в нарушении данного Федерального закона, несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Однако действующее законодательство Российской Федерации административной ответственности за нарушение срока и порядка ответа на обращения граждан не устанавливает.

Лишь спустя пять лет в июле 2011 года в Кодекс РФ об административных правонарушениях была введена статья 5.59, закрепившая административный штраф в размере от пяти до десяти тысяч рублей за нарушение установленного до законодательством Российской Федерации порядка рассмотрения обращений граждан должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления [5].

До принятия данной нормы в некоторых субъектах РФ была установлена ответственность чиновников за нарушение сроков рассмотрения обращений граждан. Однако фактически она носила символический характер. Так, согласно ст. 2.1 Закона Самарской области «Об административных правонарушениях на территории Самарской области», нарушение должностным лицом органа местного самоуправления установленного срока рассмотрения письменного обращения гражданина или срока направления письменного обращения гражданина в соответствующий орган или соответствующему должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов и уведомления об этом гражданина, влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере до трехсот рублей [6].

Не редки случаи, когда один законопроект устанавливает свой приоритет перед другими. Например, согласно п. 6 ст. 1 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 06.04.2015) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: «федеральные законы, конституции (уставы), законы субъектов Российской Федерации, иные принимаемые правовые акты о выборах и референдумах, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить настоящему Федеральному закону. Если федеральный закон, конституция (устав), закон субъекта Российской Федерации, иной нормативный правовой акт о выборах и (или) референдуме противоречат настоящему Федеральному закону, применяются нормы настоящего Федерального закона» [7].

В проекте закона установлен запрет на принятие законов «*primus inter pares*». В п. 18 ст. 10 проекта закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» предусмотрено: «запрещается предусматривать в нормативном правовом акте положения о верховенстве

в отношении иных нормативных правовых актов, принятых (изданных) тем же правотворческим органом в той же форме. Такие правовые нормы не имеют юридической силы».

Законопроект вносит определенную ясность относительно официального толкования нормативных правовых актов, юридической силы актов официального толкования (ст. ст. 57 – 58). Предусматривается, что официальное толкование (разъяснение) норм права оформляется нормативным правовым актом органа, принявшего (издавшего) нормативный правовой акт, содержащий толкуемую норму. Результат официального толкования (разъяснения) нормативного правового акта является общеобязательным, его юридическая сила соответствует толкуемому акту.

В проекте установлены способы и последовательность разрешения юридических коллизий. Согласно ст. 60 проекта в случае возникновения юридических коллизий применению подлежит нормативный правовой акт, приоритет которого определяется в следующей последовательности:

- 1) нормативный правовой акт высшей юридической силы имеет преимущество над нормативным правовым актом меньшей юридической силы;
- 2) специальный нормативный правовой акт имеет преимущество перед общим нормативным правовым актом;
- 3) более поздний нормативный правовой акт имеет преимущество над более ранним нормативным правовым актом.

На сегодняшний день нет законодательно установленных правил разрешения юридических коллизий. Есть лишь правовые позиции Конституционного Суда РФ, отчасти восполняющие данный пробел [8]. В данном случае наличие правовых позиций – это недоработка законодателя. Напомним, что в соответствии со ст. 71 Конституции РФ федеральное коллизийное право находится в ведении Российской Федерации. А согласно ч. 1 ст. 76 Конституции РФ по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации.

Несмотря на общую положительную оценку законопроекта, в нем имеются отдельные недоработки.

По нашему мнению не совсем корректна трактовка кодекса. Согласно п. 3 ст. 7 Проекта: «в форме кодексов принимаются федеральные законы, содержащие все правовые нормы или большую часть правовых норм, регулирующих определенную сферу (отрасль) общественных отношений». Если для Уголовного кодекса РФ данная формулировка вполне уместна, то применительно, например, к Гражданскому кодексу РФ или Трудовому кодексу РФ – нет.

Так ст. 3 Гражданского кодекса РФ гражданского законодательства состоит из Гражданского кодекса РФ и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов. На сегодняшний день приняты сотни федеральных законов, регламентирующих гражданско-правовые отношения. Кроме того, гражданско-правовые отношения могут регулироваться иными актами: указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства и др. [9].

Трудовые правоотношения регулируются Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами и законами субъектов РФ, содержащими нормы трудового права, а также иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права: указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ и нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти и т. д. [10].

К сожалению, не упоминается в проекте об основах законодательства. В настоящее время действуют Основы

законодательства РФ о культуре (с изм. от 01.12.2014); Основы законодательства РФ о нотариате (с изм. от 29.12.2014) [11].

Данную форму закона можно было бы применять при регламентации предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Преимущество такой формы состоит в том, что федеральный законодатель устанавливает основные, принципиальные положения в сфере совместного ведения, которые обязаны соблюдать и законодательные органы субъектов Федерации. Последние имеют возможность конкретизации этих положений в своем законодательстве исходя из региональной специфики. Основы законодательства представляют собой исходные, главные положения соответствующего раздела (блока) законодательства, отнесенного к предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов. В свою очередь законы, определяющие основы правового регулирования, видимо, представляют собой такие законы, которые содержат исходные, главные положения по регулированию соответствующего вопроса совместного ведения Федерации и ее субъектов всеми нормативными правовыми актами [12, с. 33].

Таким образом, федеральное законодательное регулирование по предметам совместного ведения в форме федеральных законов, определяющих его основы, имеет огромное позитивное значение для развития российского законодательства и совершенствования федеративных отношений. С одной стороны, определяя основы правового регулирования, федеральные органы будут обеспечивать единство и целостность правовой системы РФ, единообразное использование основных понятий в законодательстве, функционирование единых общероссийских стандартов и правил регулирования общественных отношений в сфере совместного ведения [13, с. 6].

Полагаем, закон, в случае его принятия, будет способствовать приведению в систему огромного

правового массива, позволит упорядочить правотворческую и правоприменительную деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабардино-Балкарская правда. 2002. 9 августа.
2. Берсенева Т. Минюст разработал «закон о законах». URL: pravo.ru/news/view/114219.
3. Анушевская А. Белый Кремль и запрет балеток. 5 неожиданных инициатив депутатов в 2014 г. URL: aif.ru/ny/summary_and_forecasts/1418101.
4. Зорькин В.Д. Законный брак // Российская газета. 2006. 7 июня.
5. РФ. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон № 199-ФЗ от 11.07.2011 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 29. Ст. 4290.
6. Волжская коммуна. 2007. 7 ноября.
7. Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
8. РФ. Конституционный Суд. Постановление № 13-П от 29.06.2004 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Российская газета. 2004. 7 июля.
9. Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
10. Трудовой кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
11. Российская газета. 1992. 17 ноября; Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
12. Лепешкин А.И., Махненко А.Х., Щетинин Б.В. О понятии, предмете и источниках государственного права // Правоведение. 1965. № 1. С. 28–33.
13. Иконичкая А.И. Разграничение полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в сфере регулирования земельных отношений // Юридический мир. 1998. № 4. С. 62–64.

ON THE DRAFT LAW “ON NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE RUSSIAN FEDERATION”

© 2015

A.N. Stankin, PhD (Law), associate professor of chair “Theory of State and Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract. This article analyzes the draft Federal law “On normative legal acts” developed by the Ministry of justice of the Russian Federation. Determined by its controversial and positive characteristics, provides recommendations aimed at improving the draft of normative legal act.

Keywords: law, Federal law, legal act, collisions, code, legal system, legal liability.

УДК 340

НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОЙ БАНКОВСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2015

В.В. Степанова, старший преподаватель кафедры
«Теория государства и права»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В работе проанализированы распространенные правонарушения в сфере банковских правоотношений и предложены возможные направления правовой политики в сфере публичной банковской ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, финансовая ответственность, правонарушение, нарушение, банковское правонарушение, банковское нарушение, банк.

Проблемы правовой политики в последнее десятилетие находятся под пристальным вниманием различных ученых [1, с. 6; 2, с. 69; 3, с. 88; 4, с. 33]. Однако правовая политика в сфере публичной банковской ответственности остается вне поля зрения ученых.

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается неустойчивость экономического положения, спровоцированная умышленной дестабилизацией рубля, различного рода санкциями в отношении России, что

неизбежно отражается на финансовом положении страны, в том числе приводит к возникновению финансовых кризисов. Последствия финансовых кризисов усугубляются правонарушениями в сфере публичной банковской деятельности, которые ещё больше ведут к увеличению финансовых и экономических издержек.

На фоне активной борьбы с такого рода правонарушениями необходимо выработать основные направления правовой политики в сфере публичной банковской

ответственности, поскольку финансовые правоотношения выступают ёмким и разносторонним институтом. Финансовыми правоотношениями пронизаны все сферы жизнедеятельности государства, а признание финансово-правовой ответственности обусловлено совершающимися в стране рыночными преобразованиями, происходящими одновременно с переосмыслением места и роли, функций государства в обществе и экономике, изменением форм и методов государственного управления, созданием новых структур и институтов, поиском оптимального баланса механизмов рыночной самоорганизации и государственного регулирования рынка.

Стремясь расширить сферу своих услуг, банки все чаще начинают осуществлять страховые, брокерские и иные услуги, а небанковские организации финансово-кредитной системы, наоборот, пытаются приблизиться к банкам, дабы упрочнить свое положение на рынке, что приводит к путанице и дезинформации об истинном положении банковской деятельности. Банковская деятельность является исключительной по своей сути, поскольку ее вправе осуществлять только кредитные организации. Однако вступивший в 2010 году ФЗ от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [5], призванный повысить обеспеченность финансовыми услугами экономически активное население России, создать благоприятные условия для доступа начинающих предпринимателей и представителей малого бизнеса к кредитно-финансовым ресурсам, а также повысить в общем уровень благосостояния и качество жизни людей, и поправки от 01.07.2014 в ФЗ от 19.07.2007 № 196-ФЗ «О ломбардах» [6] закрепили право выдавать микрофинансовым организациям и ломбардам потребительские займы, что, с одной стороны, благотворно повлияло на расширение потенциала пользования финансовыми услугами экономически активного населения России, но, с другой – дало обширное поле для новых поводов привлечения к административной ответственности за незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов, за нарушение коллекторами законодательства при возврате долгов, а также за включение в договор условий, ущемляющих права потребителя.

Типовые формы договоров кредитования, по которым банки заключают договоры с гражданами, в большинстве своем содержат условия, ущемляющие права граждан (заемщиков) и не соответствующие закону. Условия договоров, в соответствии с которыми выдача кредита подкрепляется страхованием жизни и трудоспособности заемщиков в пользу кредитора на срок действия договора кредитования, дискриминируют права заемщика и нарушают п. 2 ст. 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», которым запрещено обуславливать приобретение одних услуг обязательным приобретением иных услуг, что также образует состав административного правонарушения, предусмотренного п. 2 ст. 14.8 КоАП РФ (включение в договор условий, ущемляющих установленные законом права потребителей). В качестве примера можно привести пункт 2.2.9 кредитного договора от 18.11.2010, заключенного ООО «Хоум Финанс энд Кредит» с гражданином, по которому заемщик обязуется в течение 5 (пяти) календарных дней со дня выдачи кредита застраховать жизнь и потерю трудоспособности в пользу банка и обеспечить страхование данного риска в течение всего срока действия договора [7].

Кроме того, в договоре незаконно предусматривается внесение заемщиком единовременного платежа за открытие и ведение ссудного счета. Действия банка по взиманию платы за открытие и ведение ссудного счета являются незаконными и образуют состав административного правонарушения, предусмотренного п. 2 ст. 14.8 КоАП РФ.

В июле 2012 года было возбуждено дело о незакон-

ном взимании комиссии ОАО «Сбербанк России» с клиентов за перечисление в бюджет страхового взноса по обязательному страхованию на случай временной нетрудоспособности в размере 3 %. По данным ФАС, комиссия службы признала факт нарушения законодательства «Сбербанком» в начале июля. Административное дело было возбуждено на основании обращения в УФАС предпринимателя с жалобой на действия Сбербанка по взиманию комиссии. Он добровольно-принудительно вступил в правоотношения по социальному страхованию, в связи с чем у него возникла обязанность по уплате вышеуказанных страховых взносов. Размер штрафа должен был составить минимум 100 тысяч рублей. Однако «Сбербанк» предпочел добровольно устранить нарушение.

Условия договоров, предусматривающие возможность расторжения банком договора кредитования в одностороннем (внесудебном) порядке, увеличения в одностороннем порядке размера процентной ставки, комиссионного вознаграждения по операциям, нарушают права заемщика и противоречат статьям 310, 450 ГК РФ [8], ст. 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [9]. Действия банка по открытию и ведению ссудного счета нельзя квалифицировать как самостоятельную банковскую услугу, создающую для заемщика какое-либо дополнительное благо или иной полезный эффект. Обязанность уплачивать комиссию за открытие и ведение (обслуживание) ссудного счета является незаконным возложением на потребителя расходов, связанных с осуществлением банком действий, направленных на исполнение обязанностей банка в рамках кредитного договора.

В ходе проверок обращений граждан выявлялись нарушения законодательства о персональных данных в деятельности коллекторских агентств. В ходе проверки по Самарской области были выявлены нарушения, связанные с требованием Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [10]. Так, коллекторское агентство осуществляло обработку персональных данных лиц, имеющих задолженность по кредитам, предоставленным коммерческим банком без согласия субъектов персональных данных.

С учетом приведенных правовых норм судами области обоснованно удовлетворялись иски о взыскании с граждан-заемщиков к банкам о признании недействительными условий кредитных договоров, предусматривающих взимание с заемщиков комиссии за открытие и ведение (обслуживание) ссудного счета.

Выше были перечислены лишь самые грубые, самые распространенные и «востребованные» на рынке виды правонарушений в сфере публичной банковской деятельности, притом, что многие из подобных деяний остаются безнаказанными ввиду плохой осведомленности граждан о своих правах и гарантиях, закрепленных в законах. Поэтому в сложившихся условиях направления правовой политики в сфере публичной банковской ответственности должны быть ориентированы, прежде всего, на усиление механизма банковского надзора (Центробанком) над банковской деятельностью. Необходимо выявить действенные пруденциальные меры воздействия для эффективного противостояния кризисным тенденциям в финансовой сфере. Так, можно существенно продвинуться в создании результативной системы защиты против финансовой дестабилизации, если сконцентрировать усилия на макроэкономическом или макропруденциальном аспекте регулирования банковской деятельности. К примеру, инструкция «О применении к кредитным организациям мер воздействия за нарушения пруденциальных норм деятельности» и ФЗ от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» ЦБ РФ устанавливают обязательные для кредитных организаций правила проведения банковских операций, правила бухгалтерского учета

и отчетности, правила организации внутреннего контроля, правила составления и представления бухгалтерской и статистической отчетности, а также другой информации, предусмотренной федеральными законами (ст. 57).

Эффективным направлением правовой политики для предупреждения правонарушений в сфере публичной банковской деятельности должна стать массовая пропаганда средствами массовой информации среди граждан их прав и гарантий в правоотношениях с банками. К примеру, в г.о. Тольятти можно встретить рекламные щиты с разъяснениями прокуратуры по особо острым вопросам.

Другим направлением правовой политики должна выступить ликвидация разногласий по поводу неугасающих дискуссий по вопросу причисления банковских правонарушений к мерам административной ответственности или же к финансовой ответственности, поскольку их санкции, на первый взгляд, очень близки.

Публичную банковскую ответственность нельзя целиком и полностью отнести только лишь к административной ответственности, но КоАП РФ содержит статьи и главы, имеющие прямое отношение к банковской деятельности, ведь в связи с энергичным развитием рыночных отношений неотвратимо возрастает и количество правонарушений в сфере экономики. В большинстве случаев субъектами данных правонарушений выступают юридические лица, среди которых немалая доля принадлежит кредитным организациям, занимающим солидное место в экономике страны.

Кодекс об административных правонарушениях РФ содержит положения об административной ответственности за нарушения законодательства о банках и банковской деятельности в ст. ст. 14.1, 14.11, 14.3, 14.11, 14.29, 14.30, 15.1, 15.2, 15.4, 15.7, 15.8, 15.9, 15.10, 15.26, 15.27, 19.4 и 19.5 КоАП РФ. Тяжбы о подобных правонарушениях вызывают сложность в судебной практике, потому что нормы о банках и банковской деятельности содержатся также и в других федеральных законах, что вызывает значимые противоречия при определении должной меры ответственности. Например, меры административного принуждения кредитных организаций за нарушение банковского законодательства предусмотрены также ФЗ от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О центральном банке РФ» [11], ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», ФЗ от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» [12] и различных инструкциях Банка России.

Близость финансово-правовой ответственности к административной ответственности настолько велика, что без глубокого понимания теории права трудно определить, где заканчиваются границы административной ответственности и начинаются полномочия и компетенция финансовой ответственности, что на практике неизбежно будет приводить к восприятию административной и финансовой ответственности как двойной ответственности за одно правонарушение (что противоречит конституционным принципам), а не как к различным мерам ответственности. Если же причислять банковские, налоговые и бюджетные правонарушения к финансовым правонарушениям, то в статьях, аналогичных ст. 132 – 135 НК РФ [13], необходимо конкретизировать, что согласно данному законодательству субъект несет ответственность именно финансовую, а не административную.

Несмотря на то что в область ведения административного права не входят отношения финансового характера, все же сохранение монополии КоАП РФ как источника норм об административно-правовой ответственности банков приведет, с одной стороны, к единообразной и понятной процедуре привлечения банков к административно-правовой ответственности, а с другой стороны – клиенты, контрагенты банка и инвесторы будут точно уверены, что государство, устанавливая административную ответственность банков и закрепляя ее в КоАП

РФ, защищает их права от правонарушений со стороны банков, что в конечном итоге приведет к исцелению и развитию конкурентоспособности банковской сферы как на внутреннем, так и на международном рынках, усовершенствованию экономической стороны жизни каждого потребителя банковских услуг в целом.

Таким образом, необходимо сгруппировать и закрепить положения норм об административной ответственности за нарушения законодательства о банках и банковской деятельности не только в КоАП РФ, но и в других законодательных актах. Статьи, содержащие меры административной ответственности, нужно сделать отсылочными к КоАП РФ, что исключит противоречия в законодательстве и ликвидирует сложность при назначении эффективной меры ответственности, а в статьях, применяющих меры финансовой ответственности, – указывать на применение мер именно финансовой ответственности, дабы не создавать путаницы с административной ответственностью.

В легальном закреплении нуждается распространенный повсеместно термин «банковская деятельность», которым оперируют многие договоры и правоотношения в сфере публичной банковской деятельности. Трудность определения термина «банковская деятельность» заключается в том, что банки (кредитные организации), занимаясь страховыми, брокерскими услугами, вносят серьезную путаницу по поводу объективного определения термина «банковская деятельность». Банковская деятельность представляет собой предпринимательскую деятельность, т. е. рассматривается как самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск и направленная на систематическое извлечение прибыли деятельность, что вытекает из ст. 2 ГК РФ с той лишь разницей, что связана эта деятельность с банковскими операциями. Следовательно, можно заключить, что банковскую деятельность отождествляют с банковскими операциями, банковскими сделками и предпринимательской деятельностью в целом. Поэтому правильнее будет понимать «банковскую деятельность» в широком смысле: это не только комплекс банковских операций, но и порядок организации и функционирования банков, иными словами «отношения по поводу функционирования банковской системы, возникновения и развития ее элементов».

Следующим, нуждающимся в легальном закреплении, выступает общеродовое понятие «правонарушение в сфере банковской деятельности». Наказуемость банковских правонарушений определена в ст. 74 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». К кредитной организации могут быть применены следующие меры финансовой ответственности: наложен штраф; отозвана лицензия на осуществление отдельных банковских операций; введен запрет на открытие филиалов и др. Однако в нормативно-правовых актах, касающихся банковских правонарушений, отсутствует указание на наличие вины, что является недостатком банковского законодательства.

Необходимо дать четкое определение понятию «правонарушения в сфере банковской деятельности»: это общественно опасное, противоправное и виновное деяние, посягающее на публичные банковские отношения, за совершение которых установлена финансовая и другие виды ответственности.

Необходимо также ликвидировать разногласия, возникающие по поводу терминов «нарушение» и «правонарушение», которые возникают из-за того, что ученые ставят знак равенства между мерами защиты и защитой права, отождествляя их с правоприменительной деятельностью, либо рассматривают их как разновидность мер государственного принуждения и т. п., что ведет к вкладыванию различного смысла в данные выражения и последующей путанице.

Исходя из положения отождествления банковской деятельности с предпринимательской, которая, в свою оче-

редь, относится к сфере экономической деятельности, и, учитывая, что «банковская деятельность» – это не только банковские операции, необходимо закрепить определенные термина «преступление в сфере банковской деятельности», которое охватывает деяния как непосредственно посягающие на общественные отношения, возникающие в процессе деятельности банков, так и посягающих на общественные отношения в иных сферах, но каким-либо образом причиняющих ущерб банкам и кредитным учреждениям, опираясь на положение, что уголовные правонарушения – преступления – признаются именно общественно опасными, что также находит закрепление в ст. 13 УК РФ [14]. Таким образом, преступления в сфере банковской деятельности – это общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, возникающие как в процессе деятельности банков, так и посягающие на общественные отношения в иных сферах, но каким-либо образом причиняющие ущерб банкам и кредитным учреждениям, посягающие на интересы вкладчиков и собственников кредитных организаций и установленный государством порядок функционирования банковских учреждений.

Определение понятия «преступление в сфере банковской деятельности» необходимо легально закрепить так же, как законодатель закрепил понятие «незаконной банковской деятельности» в ст. 172 УК РФ.

С каждым годом публичное банковское право все более уверенно занимает позицию самостоятельного института финансового права, и в связи с вышеизложенными разногласиями по поводу причастности публичной банковской ответственности к видам юридической ответственности, а также слишком большим объемом терминологической неопределенности, возникает вопрос о необходимости принятия Банковского Кодекса РФ, в общей части которого должны быть легально закреплены основные термины и понятия, используемые в публичной банковской сфере, изложены виды юридической ответственности.

Особенная часть Кодекса должна содержать развернутую характеристику отношений, регулируемых банковским законодательством, порядок привлечения к юридической ответственности как юридических, так и должностных лиц.

Это устранил множество разногласий и сведет к минимуму возможность уйти от юридической ответственности, что в конечном итоге упрочит экономическое и финансовое положение Российской Федерации.

Итак, реализация современной правовой политики в сфере банковской ответственности в целом должна осуществляться по следующим направлениям:

- совершенствование банковского надзора со стороны Банка России;
- организация государственного финансового контроля;
- развитие банковского кредитования, сберегательного дела в качестве основных направлений банковской деятельности.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [15], финансовая система играет ключевую роль в обеспечении сбалансированности и инновационного развития экономики. Особое место в этом процессе занимает банковский сектор, развитие которого в значительной степени зависит от состояния банковской системы России, правового регулирования банковской деятельности, банковского регулирования и надзора, эффективности функционирования системы страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации и ряда других условий. Поэтому необходимо усиление позитивной ответственности банков (кредитных

организаций) как перед гражданами, так и перед самим государством, реализующееся в обеспечении раскрытия информации о реальных собственниках и аффилированных лицах кредитных организаций и небанковских финансовых институтов. Обеспечение кадрового отдела подобных организаций квалифицированными работниками должна привести к упрочению надежности банков и других финансовых институтов путем их ускоренной капитализации, улучшения пруденциального надзора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малько А.В., Рудковский В.А. Правоприменительная политика как фактор оптимизации осуществления права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1. С. 6–13.
2. Коржиков О.Н., Давыдов П.А. Научные концепции судебной политики в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1. С. 69–72.
3. Бостанов Р.А. Правовая политика легализации результатов оперативно-розыскной деятельности: новые моменты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2. С. 88–95.
4. Анохин Ю.В., Чесноков А.А. Принципы защиты прав личности во внешней и внутренней правовой политике российского государства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4. С. 33–39.
5. РФ. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях : федеральный закон № 151-ФЗ от 02.07.2010 (ред. от 28.06.2014) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3435.
6. РФ. О ломбардах : федеральный закон № 196-ФЗ от 19.07.2007 (ред. от 21.12.2013) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 3992.
7. Гражданское дело № 2-228/2011 по иску Гражданина к Банку о признании недействительным условий договора // Архивы Комсомольского районного суда г.о. Тольятти.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 06.04.2015) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. РФ. О банках и банковской деятельности : федеральный закон № 395-1 от 02.12.1990 (ред. от 20.04.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
10. РФ. О персональных данных : федеральный закон № 152-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451.
11. РФ. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федеральный закон № 86-ФЗ от 10.07.2002 (ред. от 29.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
12. РФ. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федеральный закон № 115-ФЗ от 07.08.2001 (ред. от 31.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (Ч. 1). Ст. 3418.
13. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2015, с изм. от 07.04.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
15. РФ. Правительство. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение № 1662-р от 17.11.2008 (ред. от 08.08.2009) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

DIRECTIONS OF LEGAL POLICY IN THE SPHERE
OF PUBLIC BANKING LIABILITY

© 2015

V.V. Stepanova, senior lecturer of chair “Theory of state and law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The article analyzes common offences in the field of banking relationships and suggest possible directions of legal policy in the sphere of public banking liability.

Keywords: legal responsibility, financial responsibility, violation, offense, banking violation, banking offense, bank.

УДК 343.7

КОММЕРЧЕСКИЙ ШПИОНАЖ

© 2015

В.В. Хилота, кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой «Уголовное право и криминология»
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно (Республика Беларусь)
В.В. Гладышев, магистр юридических наук,
старший преподаватель кафедры «Хозяйственное право»
Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого,
Гомель (Республика Беларусь)

Аннотация: В статье отражена актуальность проблемы защиты информационной безопасности в современный период развития информационного общества. Авторами исследуются вопросы надлежащей защиты информационной безопасности субъектов экономической деятельности уголовно-правовыми средствами, в частности уголовно-правовая охрана коммерческой и банковской тайны. Проведен анализ авторефератов кандидатских диссертаций по исследуемому вопросу, судебно-правовой практики в Республике Беларусь по коммерческому шпионажу. Впервые предложены подходы дальнейшего совершенствования уголовно-правового закона этой проблемы.

Ключевые слова: информационная безопасность, коммерческая тайна, банковская тайна, компьютерная информация, уголовно-правовая охрана, коммерческий шпионаж.

Современный период развития цивилизации характеризуется переходом к новому типу общества – обществу информационному. Внедрение и развитие информационных технологий создает предпосылки для качественно нового витка цивилизации и предоставляет уникальные возможности для экономико-политических систем, общества, государства и граждан. Информация становится наиболее ценным товаром, уже превышающим по стоимости природные, финансовые, трудовые и иные ресурсы. Естественно, что в таких условиях резко возрастает значимость защиты информации, прежде всего той, доступ к которой ограничен ее конфиденциальным характером [1].

Коммерческая и банковская тайна неразрывно связаны с понятием «конкуренция», т. к. именно конкуренция является одним из важнейших факторов эффективного развития рыночной экономики. Конкурентная борьба неизбежно предполагает сохранение в тайне сведений, обладание которыми посторонними лицами могло бы ослабить экономические позиции субъектов хозяйствования и нанести им невосполнимый ущерб.

Главный принцип для производителей товаров, действующих в рамках маркетинговой концепции рыночных отношений, – производить то, что продается, а не продавать то, на основании чего производится. Спрос на продукцию регулирует предложение, определяющее количество, качество и стоимость производимых товаров [2]. Таким образом, использование своих сильных сторон и укрепление (или сокрытие) слабых – основа маркетинговой стратегии производителя и защиты коммерческой (промышленной) тайны.

Тем не менее положительные результаты в конкурентной борьбе могут быть и не достигнуты, если информация (коммерческая тайна) о товаре, работах и услугах, их качестве, ассортименте, сроках введения на рынок и т. д. станет известна конкурентам. Следовательно, обеспечение надлежащей сохранности и защиты коммерческой или банковской тайны является одной из центральных задач субъекта хозяйствования в деле за-

щиты экономической деятельностью.

Дело в том, что неправомерное получение и использование в своей деятельности чужих научных достижений, технологий, управленческих решений и схем, другой информации, составляющей коммерческую или банковскую тайны, имеет своим следствием приобретение безосновательных преимуществ конкурентом, овладением этой информацией, что в конечном счете ведет к исчезновению стимулов для развития и совершенствования форм и способов экономической деятельности и, как следствие, наносит прямой ущерб владельцам коммерческой или банковской тайны.

Введение уголовной ответственности за коммерческий шпионаж было обусловлено значительной общественной опасностью этих действий, связанных с незаконным похищением и собиранием закрытой информации, что и потребовало надлежащей защиты информационной безопасности субъектов экономической деятельности уголовно-правовыми средствами [3; 4]. В этом отношении становление отечественного уголовного законодательства об ответственности за коммерческий шпионаж приходится на период перехода к более прогрессивному экономическому укладу, при котором возникновение и развитие новых экономических отношений, основанных на использовании определенных познаний, требует их надлежащей уголовно-правовой охраны от преступных посягательств конкурентов.

В настоящее время в ст. 254 УК предусмотрена ответственность за «похищение либо собирание незаконным способом сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, с целью их разглашения либо незаконного использования (коммерческий шпионаж)».

Итак, коммерческий шпионаж может быть совершен при наличии следующих условий: а) действия по похищению или собиранию конфиденциальной информации должны быть активными; б) они должны целенаправленно совершаться в отношении информации, к которой отсутствует свободный доступ и которая защищена особым режимом обеспечения ее конфиденциальности;

в) незаконные действия должны быть совершены умышленно и иметь определенную цель: разглашение или незаконное использование коммерческой или банковской тайны.

Являясь одним из видов недобросовестной конкуренции, коммерческий шпионаж представляет собой незаконное получение предпринимателем или иным лицом конфиденциальной информации противоправным путем с целью овладения ею для достижения технического, технологического или коммерческого преимущества, создания экономического превосходства, банкротства конкурента. Экономическая сущность коммерческого шпионажа – это экономия средств субъекта на разработку новых идей, продукции и т. д. за счет похищения или незаконного собирания сведений, составляющих конфиденциальную информацию, у конкурента. Фактически можно говорить о том, что с одной стороны, злоумышленник незаконным образом завладевает чужой информацией, а с другой – экономит свои средства на создание нового продукта за счет противоправного использования информации своего конкурента.

Важным аспектом правоприменения ст. 254 УК является определение способа совершения преступления. Похищение либо собирание незаконным способом сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, представляет собой акт завладения указанной информацией либо процесс ее поиска, обнаружения или накопления у лица, не допущенного к обладанию такой информацией, незаконными способами.

Собирание сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, представляет собой деяние, выраженное в процессе поиска, обнаружения, фиксации, накопления, хранения таких сведений, совершенных незаконным способом. Фактически можно говорить о том, что собирание незаконным способом сведений представляет собой получение информации через преодоление принятых ее обладателем правовых, организационных, технических и иных мер по охране конфиденциальности этой информации. Эти сведения могут находиться в форме материальной вещи, магнитного носителя, в виде чертежа, модели, формулы, символов, технологии и т. д. При этом результат такого собирания, т. е. факт получения виновным таких сведений, не имеет никакого юридического значения и на квалификацию деяния по ст. 254 УК не влияет [5]. Тем не менее данное действие является всего лишь этапом для дальнейшего разглашения или использования сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну.

Страховой агент В., покидая прежнее место работы – страховую компанию ООО, забрала распечатку клиентской базы по договорам КАСКО за последние три месяца. Списки содержали анкетные данные клиентов, их адреса и сроки окончания договоров и составляли коммерческую тайну ООО. Устроившись на работу в другую страховую компанию, В. стала переманивать автовладельцев, пользовавшихся услугами ООО, предлагая им более выгодные условия страхования. При этом В. разгласила данные клиентской базы ООО своей коллеге по новому месту работы – Х. Получив тревожные сигналы от страхователей, руководство ООО обратилось в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении в отношении бывшей работницы В. уголовного дела по ст. 254 УК. Впоследствии В. было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 254 УК в совершении коммерческого шпионажа.

В уголовно-правовой литературе отмечается, что в целом собирание сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, является некой деятельностью, складывающейся из нескольких действий, объединенных в систему единой целью, которую преследует виновный, но это не есть разовое действие. Незаконное получение сведений, образующих коммерческую или банковскую тайну, может быть результатом собирания

этих сведений, а может быть просто их получением. Как отмечает по этому поводу Н.А. Лопашенко, «собрание» и «получение» – это понятия, не совпадающие ни по объему, ни по содержанию [6]. Мы же полагаем, что все-таки термин «собрание» будет включать в себя и понятие получения сведений, т. к. собирание представляет собой сам процесс, и он может быть не всегда завершенным.

Похищение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, – это совершение действий, непосредственно направленных на завладение этими сведениями любым незаконным способом (путем кражи, грабежа, присвоения, обмана, злоупотребления доверием, вымогательства и т. д.), в результате которых такие сведения становятся известны лицу, не имеющему право на ознакомление с данной конфиденциальной информацией.

Способы коммерческого шпионажа, как правило, весьма разнообразны, и во многом такая преступная деятельность осуществляется на профессиональной основе с использованием традиционного набора шпионских методов и средств получения сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну. Чаще всего при совершении коммерческого шпионажа применяются следующие способы:

- подкуп работников организации, имеющих доступ к документам, содержащим коммерческую или банковскую тайну (получение вознаграждения или взятки лицом, обладающим такой информацией; «переманивание» сотрудника организации с целью использования его знаний о конфиденциальных источниках информации);
- склонение к разглашению коммерческой или банковской тайны сотрудников организации, имеющих доступ к конфиденциальным сведениям, а также лиц, сменивших прежнее место работы, или пенсионеров, имевших доступ к закрытой информации (с использованием подкупа, различных угроз, принуждения, вербовки и т. д.);
- внедрение агентов на должности, позволяющие получить непосредственный доступ к сведениям и документам, содержащим коммерческую или банковскую тайну, либо скрытно собирать информацию в процессе служебной (производственной) деятельности;
- использование источников информации в финансовых и налоговых органах, государственных структурах, правоохранительных органах с целью получения закрытой (конфиденциальной) информации субъекта хозяйствования;
- подкуп посредников в торговых переговорах;
- проведение разведывательного опроса (замаскированное выведывание сведений у осведомленных лиц, которые разглашают конфиденциальную информацию, не осознавая этого, с использованием специальных анкет и вопросников, рассылаемых организациями по почте, факсу и другими способами);
- перехват информации, циркулирующей в технических средствах и помещениях (служебных, жилых, производственных);
- прямое завладение документами, содержащими коммерческую или банковскую тайну (копирование такой информации, ее кража, подмена другими сведениями, похищение различных изделий, микросхем, агрегатов, технических документов, ноутбуков с конфиденциальной информацией и т. д.);
- собирание сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, должностными лицами тех органов, которые имеют право такие сведения получать с нарушением порядка их получения, без надлежащих оснований, прямого похищения информации;
- использование специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (акустический контроль помещения, автомобиля, непосредственного поведения человека и его переговоров; контроль и прослушивание телефонных перегово-

ров, факсовой и модемной связи; фото и видеосъемка, применение специальных оптических приборов для распознавания информации и т. д.);

- несанкционированный доступ к сведениям, содержащимся в средствах вычислительной техники и электронных банках данных (электромагнитный перехват; несанкционированный доступ в компьютерную сеть; непосредственный перехват компьютерной информации, который осуществляется через внешние коммуникационные каналы системы либо путем непосредственного подключения к линиям периферийных устройств; использование специальных аппаратных и программных программ перехвата информации) [7–11].

Так, следственным отделом управления КГБ по Могилевской области в отношении одного из работников ОАО «Белизна» было возбуждено уголовное дело. Б. обвинялся в коммерческом шпионаже и коммерческом подкупе. В частности, сотрудник ОАО «Белизна», занимавший должность экономиста отдела по работе со странами дальнего зарубежья с октября 2005 г., незаконно собирал сведения о финансовых операциях своего предприятия с иностранными компаниями. Чтобы получить данные о других организациях (объемах поставок, финансовых операциях и т. п.), экономист начал тайно копировать рабочие документы коллег, используя в этих целях сетевой сервер. Собранная на электронных носители информация за вознаграждение передавалась по Интернету с электронного адреса ОАО «Белизна» представителям компаний из США, Литвы, Англии и Австралии. В частности, Б. удалось заполучить документы, раскрывающие рыночную стратегию концерна «Белнефтехим» и входящих в него предприятий, данные о производственных мощностях шинного комбината, информацию о предполагаемых операциях по закупке и продаже товаров, тактике переговоров, круге лиц и фирм, с которыми предполагается их вести. Все эти сведения составляли коммерческую тайну предприятия.

В конце февраля 2007 г. из ООО «С», где был установлен режим коммерческой тайны, уволились два менеджера по продажам А. и Б.. После их увольнения выяснилось, что из офиса компании пропала клиентская база на бумажных носителях, которая составляла коммерческую тайну организации. Руководство ООО «С» обратилось в правоохранительные органы, и в последующем было установлено, что в январе 2007 г. А. и Б. учредили собственное юридическое лицо – ООО «В» с аналогичной сферой деятельности. Продолжая работать в ООО «С», они значительно завышали цены на продукцию для контрагентов данной организации и взамен предлагали товар по более низким ценам от имени ООО «В». При заключении договоров с контрагентами в интересах ООО «В» использовались сведения, относящиеся к учетной политике организации (клиентская база, цены на товар, планы поставок товара, условия заключения договоров, информация о ценообразовании и предлагаемых скидках, акциях, расчетах и т. п.). Указанные сведения составляли коммерческую тайну ООО «С» и использовались А. и Б. в деятельности ООО «В» в ущерб интересам ее обладателя, что отрицательно влияло на нормальную работу ООО «С». Правоохранительными органами в действиях А. и Б. были усмотрены признаки коммерческого шпионажа [12].

Следует также обратить внимание, что в ч. 2 ст. 254 УК почему-то не указан такой квалифицирующий признак, как «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору». Повышенная общественная опасность подобных противоправных деяний очевидна, как и то обстоятельство, что коммерческий шпионаж не всегда совершается одиночками, а во многом благодаря согласованным действиям нескольких лиц, действующих в соучастии.

Так, Б., Д., К. примерно в августе 2010 г., при не установленных следствием обстоятельствах, всту-

пили в предварительный сговор с неустановленными лицами на несанкционированный доступ к охраняемой законом компьютерной информации о персональных идентификационных номерах-кодах (далее по тексту ПИН-кодах) и реквизитах банковских карт путем незаконного тайного копирования перечисленной компьютерной информации с банковских карт при помощи специальных устройств, устанавливаемых на картоприемники банкоматов. Для совершения преступления неустановленные лица при неустановленных обстоятельствах, действуя согласно достигнутой договоренности, изготовили два специальных устройства в виде накладок на картоприемники банкоматов модели для тайного несанкционированного считывания информации с банковских карт, представляющих из себя радиоэлектронные сборки, смонтированные на двусторонних печатных платах. Среди радиоэлектронных компонентов на платах имелись микросхемы энергонезависимой памяти и видеоконтроллер. Также к плате на разъемном соединении был прикреплен модуль видеокмеры. Группа контактных площадок, к которым был припаян разъем, характерна для места монтажа разъема типа USB. По имеющимся характерным конструктивным признакам (номенклатура электронных компонентов, их взаимное расположение, наличие органов управления) радиоэлектронные сборки, которые закреплены на обоих устройствах, являлись видеорекордерами – устройствами видеонаблюдения, снабженными собственными средствами регистрации получаемой видеoinформации (на микросхему энергонезависимой памяти). К микрофонному входу, вместо микрофона, который в обоих устройствах удален, с помощью отрезков монтажного электрического провода были присоединены магнитные головки, закрепленные на вставках из полимерного прозрачного материала. После этого К., действуя согласно достигнутой договоренности, при неустановленных обстоятельствах получил от неустановленного лица указанные выше устройства и передал их Д. для последующей установки на банкоматы. Далее, Б. совместно с Д., действуя в соответствии с отведенными им ролями в совершении преступления, с целью неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации с помощью использования полученных от К. устройств, прибыли в кассовый зал, где подошли к банкомату, принадлежащему ОАО и, действуя тайно от окружающих, при помощи двустороннего скотча установили одно из указанных выше устройств на щель картоприемника банкомата, включив при этом внутреннее питание устройства для его запуска. В результате скрытно установленного на банкомат указанного технического средства Б., Д., К., действуя совместно с единым умыслом, незаконным способом скопировали информацию о реквизитах 59 банковских карт и ПИН-кодах к ним. При таких обстоятельствах Б., Д., К., действуя совместно и по предварительному сговору, не обладая правами на доступ к информации и работу с ней, осуществили неправомерный доступ к компьютерной информации, вводимой в электронно-вычислительную машину банкомата законным держателем банковской карты при наборе на клавиатуре ПИН-кода для доступа к своему банковскому счету, что повлекло несанкционированное копирование информации, выразившееся в переносе в память устройства, установленного Б. и Д. на картоприемник банкомата, информации о номерах и ПИН-кодах банковских карт, необходимых для проведения операций в банкомате, их обработки в процессинговом центре банка-эквайрера, серверах платежной системы, процессинговом центре банка-эмитента через систему дистанционного банковского обслуживания, в результате чего обладателю указанной конфиденциальной клиентской информации ОАО был причинен ущерб. Кроме того, Д., Б. и К. совершили собирание сведений, составляющих банковскую тайну, незаконным способом.

Указанный пример свидетельствует о том, что если лицо завладевает коммерческой или банковской тайной, которая одновременно является компьютерной информацией, и при этом нарушает доступ к компьютерной информации, то подобного рода действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений. В данном примере – по ч. 1 ст. 254 УК и ч. 2 ст. 349 УК.

В принципе, коммерческий шпионаж имеет довольно широкое распространение на территории нашей страны, однако мизерные данные официальной статистики по такого рода делам объясняются достаточно высокой латентностью таких преступлений, хотя многие руководители субъектов хозяйствования в различной степени, но встречаются в своей профессиональной деятельности с похищением или незаконным собиранием сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну. Это и неудивительно, поскольку по своей социальной природе коммерческий шпионаж представляет собой профессиональные или любительские действия разведывательного характера, направленные на похищение или собирание информации с целью подавления конкурента или улучшения своих позиций перед контрагентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клебанов Л.Р. Уголовная ответственность за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. Зубик В.Б., Зубик Д.В. Экономическая безопасность предприятия (фирмы). Минск: Вышэйшая школа, 1998. 391 с.
3. Лукашов А.И. Преступления против порядка

осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации. Минск: Тесей, 2002. 256 с.

4. Артемов В.В. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
5. Масленников А.В. Уголовная ответственность за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 31 с.
6. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М.: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.
7. Гамза В.А., Ткачук И.Б. Безопасность коммерческого банка. М.: Изд. Шумилова И.И., 2000. 216 с.
8. Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана коммерческой, налоговой и банковской тайны. М.: Юрлитинформ, 2006. 192 с.
9. Якоби С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений в сфере коммерческой банковской деятельности. М.: Камерон, 2004. 208 с.
10. Лукашов А.И., Мухин Г.Н. Конфиденциальная информация и коммерческая тайна: правовое регулирование и организация защиты. Минск: Тесей, 1998. 128 с.
11. Степанов Е.А., Корнеев И.К. Информационная безопасность и защита информации. М.: Инфра-М, 2001. 301 с.
12. Овчаренко П. Уголовная ответственность за незаконное использование коммерческих секретов // Экономические преступления. 2009. № 7.

COMMERCIAL ESPIONAGE

© 2015

V.V. Hilyuta, candidate of legal sciences, head of chair “Criminal law and criminology”
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno (Republic of Belarus)
V.V. Gladyshev, master of Law, senior lecturer of chair “Business Law”
P.O. Sukhoi State Technical University of Gomel, Gomel (Republic of Belarus)

Abstract: The article reflects the urgency of the problem of protection of information security in the modern period of development of the information society. The author investigates the question of adequate protection of information security subjects of economic activity by means of criminal law, in particular criminal and legal protection of commercial and banking secrecy. The analysis of the abstracts of master’s theses on the subject under investigation, the judicial practice of the Republic of Belarus for commercial spying. First proposed approaches to further improve the criminal-legal law this problem.

Keywords: information security, commercial secrecy, banking secrecy, computer information, data-criminal legal protection, industrial espionage.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

© 2015

Е.В. Чуклова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
«Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассмотрены понятие и особенности уголовно-процессуальной ответственности, указывается на её важность в борьбе с негативными явлениями в сфере уголовного процесса.

Ключевые слова: процессуальная ответственность, уголовно-процессуальная ответственность, процессуальное принуждение, меры процессуальной ответственности.

Особый интерес представляет вопрос об уголовно-процессуальной ответственности. Ответственность является необходимым юридическим признаком любой отрасли права. «Вид правовой ответственности отражает своеобразие общественных отношений, которые лежат в основе отпочкования определенной группы правовых норм в самостоятельную отрасль права» [1, с. 34]. Такое средство обеспечения требований и дозволений имеет и уголовно-процессуальное право.

Анализ уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что «для структуры норм уголовно-процессуального права характерно особенно четкое выражение в них гипотезы и диспозиции, притом что санкция нередко формулируется применительно не к одной, а к нескольким... нормам» [2, с. 89]. Это не означает, что некоторые уголовно-процессуальные нормы вообще не имеют санкций, просто они сформулированы в различных составляющих частях нормативно-правового акта. Среди этих санкций можно выделить санкции, которые содержат меры воздействия на нарушителей (что является основной целью их применения (меры процессуальной ответственности)), меры восстановления законности, нарушенных прав и законных интересов (меры защиты) и меры обеспечения (пресечения). По верному замечанию П.С. Элькинд, в подавляющем большинстве нормы данной отрасли права обеспечиваются санкциями, предусматривающими меры восстановления законности, нарушенной противоправными действиями компетентных органов государства [2, с. 91]. Другими словами, такие санкции, как возвращение уголовного дела следователю для пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями (п. 3 ст. 221 УПК РФ); обязанность суда апелляционной, кассационной и надзорной инстанций принять решение об отмене или изменении приговора суда первой, апелляционной или кассационной инстанций при наличии определенных в законе оснований (ст. 367, 369, 378 – 379, 408 – 409 УПК РФ); отстранение следователя от проведения предварительного расследования, которые большинство авторов относят к мерам уголовно-процессуальной ответственности, суть тоже санкции, но содержащие в себе меры процессуальной защиты. Санкции, содержащие меры ответственности, достаточно малочисленны, но они есть, поэтому можно с уверенностью сказать, что «факт существования особой уголовно-процессуальной ответственности представляется очевидным...», что нормы уголовно-процессуального права имеют в своем структурном составе санкции, ибо вне соответствующего вида ответственности большинство таких санкций утратило бы реальность» [2, с. 95].

Н.А. Громов, С.А. Полуниин предлагают определить уголовно-процессуальную ответственность как «предусмотренное уголовно-процессуальной санкцией воздействие на нарушителя требований уголовно-процессуальной нормы, выражающее государственное осуждение противоправного поведения» [3, с. 47]. П.С. Элькинд под уголовно-процессуальной ответственностью понимает реальное возложение на правонарушителя

дополнительной уголовно-процессуальной обязанности, лишение его тех или иных процессуальных прав или же и возложение дополнительной обязанности, и лишение соответствующих процессуальных прав [2, с. 96]. И. Камынин суть процессуальной ответственности видит в привлечении к ответственности субъектов процессуальных отношений за нарушения этими лицами процессуальных норм и правил [4, с. 6]. В.М. Ковалев определяет процессуальную ответственность как предусмотренное санкцией уголовно-процессуальной нормы воздействие на лицо, виновное в нарушении предписаний уголовно-процессуального закона [5, с. 139].

Многие исследователи рассматривают уголовно-процессуальную ответственность через совокупность ее признаков. Г.Н. Ветрова в качестве признаков уголовно-процессуальной ответственности выделяет следующие: во-первых, она представляет собой форму проявления социальной ответственности в сфере уголовного судопроизводства; во-вторых, отражает систему связей государства и личности по поводу возложенных на нее (личность) процессуальных обязанностей; в-третьих, представляет собой ответственность субъекта уголовно-процессуальной деятельности за выполнение процессуальных обязанностей; уголовно-процессуальная ответственность может рассматриваться с позитивной и негативной сторон. Негативный аспект ответственности Г.Н. Ветрова рассматривает как угрозу процессуальными санкциями в случае неисполнения правовых обязанностей. Мы согласны с цитируемым автором в том, что уголовно-процессуальная ответственность имеет перечисленные выше признаки, но далее Г.Н. Ветрова относит к мерам данного вида ответственности почти все уголовно-процессуальные санкции, большинство которых, на наш взгляд, закрепляют меры защиты или пресечения [6, с. 49–51].

По мнению А.А. Бессонова, специфика уголовно-процессуальной ответственности состоит в следующем: она возникает в рамках уголовного судопроизводства, при Производстве дознания, предварительного следствия и в судебном разбирательстве; субъектами уголовно-процессуальной ответственности могут выступать как граждане, так и государственные органы и их должностные лица; уголовно-процессуальная ответственность выражается в наступлении неблагоприятных последствий в отношении правонарушителей.

И. Камынин пишет о том, что процессуальная ответственность должна применяться к конкретным нарушителям и только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями. Кроме того, по его мнению, одним из элементов состава процессуального правонарушения (и возможным признаком процессуальной ответственности – дополнено Е.Ч.) будет субъект процессуальных отношений, который имеет свой процессуальный статус [7, с. 7].

И.В. Петрухин описывает свойства ответственности в уголовном процессе: во-первых, она представляет собой ответную реакцию государства на поведение лица, которое приносит вред обществу, – это официальная

отрицательная оценка поведения лица, виновного в неисполнении закона, влекущая невыгодные для него последствия; во-вторых, она представляет собой реализацию санкции только штрафного характера; в-третьих, основанием ответственности является только виновно совершенное процессуальное правонарушение.

На наш взгляд, наиболее полно и точно охарактеризовал уголовно-процессуальную ответственность и выделил ее признаки Д.А. Липинский в монографии «Проблемы юридической ответственности». По его мнению, во-первых, уголовно-процессуальная ответственность едина, но имеет две формы реализации: добровольную и государственно-принудительную. Добровольная форма реализации уголовно-процессуальной ответственности состоит в уголовно-процессуальной обязанности деликтоспособных субъектов уголовного процесса и иных лиц, обязанных содействовать и не препятствовать осуществлению правосудия, соблюдать и исполнять требования уголовно-процессуальных норм. Реализуется данная обязанность в реальном правомерном поведении. Во-вторых, государственно-принудительная форма реализации процессуальной ответственности заключается в обязанности виновного нарушителя процессуальных норм претерпеть осуждение и иные неблагоприятные последствия, предусмотренные санкцией уголовно-процессуальной нормы. В-третьих, основанием данного вида ответственности может быть только виновное поведение. В-четвертых, возможно одновременное нарушение субъектом процессуальных норм и норм другой отраслевой принадлежности, что может повлечь наступление иных видов ответственности. В-пятых, особая сфера возникновения – уголовное судопроизводство, включающее в себя производство дознания, предварительное следствие и судебное разбирательство [8, с. 350–351].

По нашему мнению, уголовно-процессуальная ответственность заключается в обязанности должного и необходимого поведения участников уголовного процесса, которая воплощается через правомерное поведение по реализации прав и исполнению обязанностей в точном соответствии с тем правилом поведения, которое указано в диспозиции нормы, а также как обязанность лица, совершившего процессуальное правонарушение (не исполнившего, ненадлежаще исполнившего процессуальную обязанность или злоупотребившего процессуальными правами), претерпеть неблагоприятные последствия, предусмотренные санкцией нарушенной процессуальной нормы, которые выражаются в осуждении, правоограничениях личного и (или) имущественного характера. Данный отраслевой вид процессуальной ответственности также может быть двух подвидов: имущественная и неимущественная уголовно-процессуальная ответственность.

Многие ученые-юристы, исследующие данный отраслевой вид процессуальной ответственности, отмечают, что либо ее меры могут применяться ко всем без исключения субъектам процесса, либо относят к мерам уголовно-процессуальной ответственности весь представленный в уголовном законе арсенал принудительных мер воздействия [9, с. 45], либо говорят об уголовной ответственности в процессуальном смысле [10, с. 20–21]. И наконец, существует утверждение, что уголовно-процессуальное право почти не располагает собственными санкциями штрафного характера, поэтому наказание процессуальных правонарушителей происходит путем наложения на них уголовной, дисциплинарной, гражданско-правовой ответственности [11, с. 96].

Утверждать, что субъектами уголовно-процессуальной ответственности могут быть любые субъекты уголовного процесса, однозначно нельзя. В частности, субъектом уголовно-процессуальной ответственности не может быть судья. Единственные меры ответственности, которые могут быть применены к судье, – это меры административной или дисциплинарной ответственности.

Поэтому мы не согласны с теми авторами, которые относят к мерам процессуальной ответственности отмену приговора и тому подобное. Эти меры, по своей сути, заставляют судей, лиц, производящих следствие и дознание, выполнить уже существующие обязанности по правильному и своевременному расследованию и рассмотрению дела, и поэтому относятся к мерам процессуальной превенции. В этом смысле нельзя относить к мерам ответственности все принудительные средства процессуального воздействия.

На наш взгляд, из всего обширного перечня процессуальных средств воздействия на поведение участников общественных отношений к мерам уголовно-процессуальной ответственности можно отнести следующие: обращение залога в доход государства (п. 4 ст. 106 УПК РФ); денежное взыскание (ст. 117, п. 1 ст. 258, п. 3 ст. 333 УПК РФ); изменение меры пресечения на более строгую (п. 3 ст. 247, ст. 245 УПК РФ); предупреждение (п. 1 ст. 258 УПК РФ); удаление из зала суда (п. 1 ст. 258 УПК РФ); отстранение от участия в судебном разбирательстве законного представителя несовершеннолетнего (п. 2 ст. 428 УПК РФ). Полагаем, что такой подход к мерам уголовно-процессуальной политики соответствует концепции судебной политики и уголовно-процессуальной политики [12, с. 73; 13, с. 69].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чечина Н.А., Элькинд П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33–41.
2. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с.
3. Громов Н.А., Полуин С.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве. М.: Городец, 1998. 152 с.
4. Камынин И. Ответственность за нарушения в сфере уголовного процесса // Законность. 2006. № 1. С. 5–11.
5. Ковалев В.М. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности // Проблемы юридической ответственности и совершенствования законодательства в свете новой Конституции СССР: сб. науч. трудов. Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1979. С. 134–145.
6. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М.: Наука, 1987. 112 с.
7. Камынин И. Ответственность за нарушения в сфере уголовного процесса // Законность. 2006. № 1. С. 5–11.
8. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 409 с.
9. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. 190 с.
10. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит., 1974. 232 с.
11. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М.: Наука, 1985. 239 с.
12. Горюнов В.Ю. Новая процессуальная политика уголовного преследования по делам публично-частного обвинения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1. С. 73–79.
13. Коржиков О.Н., Давыдов П.А. Научные концепции судебной политики в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1. С. 69–72.

THE MAIN DIRECTIONS OF LEGAL POLICY IN THE SPHERE OF PROCEDURAL RESPONSIBILITY

© 2015

E.V. Chuklova, PhD (Law), associate professor, assistant professor of chair "Entrepreneur and Labor Law"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: The article considers the basic directions of realization of legal policy in the sphere of procedural responsibility, identifies the importance of their formation as the basis of struggle against negative phenomena in the sphere of the legal process.

Keywords: procedural responsibility, legal policy, procedural violation, the legal process.

УДК 343.98

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

© 2015

Т.В. Шутимова, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Аннотация: Рассматривается содержание уголовной политики, исследуются вопросы криминалистической политики как самостоятельной политики и как части уголовной политики.

Ключевые слова: уголовная политика, криминалистическая политика.

Правовая политика представляет собой целенаправленную планомерную деятельность государства в сфере правового регулирования социальных отношений, сущность которой заключается в выработке и практической реализации правовых идей и целей стратегического характера [1, с. 5]. Государство реализует правовую политику в правотворчестве, правоприменении и развитии правовой культуры.

Характеризуя взаимосвязь правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной политики, А.В. Малько отмечает, что общие ориентиры исходят от правотворческой политики, правоприменительная политика, являясь самостоятельной, в то же время выступает как бы «продолжением» правотворческой, а правоинтерпретационная политика, во многом будучи зависимой от правоприменительной политики, является «относительно самостоятельной формой реализации правовой политики, тем необходимым «каналом», с помощью которого субъекты могут как корректировать общий курс правотворческой политики, так и обеспечить осуществление правоприменительной политики» [2, с. 11–12].

Правоприменительная деятельность, указывает далее А.В. Малько, закладывается уже на уровне правотворческой, когда создаются ориентиры для всего механизма правового регулирования, как для принятия, так и для реализации юридических норм. Самостоятельность правоприменительной политики выражается в признании «собрать в систему» имеющиеся разрозненные средства и элементы правоприменительной деятельности, организуя правоприменительный процесс, ориентируя его на достижение определенных целей [2, с. 12].

Частью правовой политики является уголовная политика, единства в определении и содержании которой пока не достигнуто. Так, А.А. Матвеева считает, что уголовная политика ничем не отличается от политики уголовно-правовой, причем уголовная политика не включает в себя политику уголовно-процессуальную или уголовно-исполнительную. Политика уголовная (уголовно-правовая), уголовно-исполнительная и криминологическая, по ее мнению, являются составными частями государственной политики по борьбе с преступностью, объединяющей в себе не только правовые, но и социальные, экономические и иные меры, направленные на противодействие и предупреждение преступности, ее сокращение, в том числе наиболее опасных ее проявлений, преодоление ее негативных тенденций, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и действенности законодательных и других нормативных актов [3, с. 178]. По мнению Е.П. Ищенко, уголовная политика состоит из уголовно-правовой, уго-

ловно-процессуальной, уголовно-исполнительной политики, выступает как важное направление правовой политики и определяет интеграцию и тактику воздействия на преступность такими средствами, как уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право. Также уголовная политика включает обеспечивающую их практическую реализацию криминалистику [4, с. 255].

Исследуя объем и содержание уголовной политики, Г.Ю. Лесников выделил две точки зрения на ее понимание: первая была сформулирована А.А. Герцензоном, считавшим, что изучаемым понятием охватывается все, что прямо или косвенно направлено на борьбу с преступностью, т. е. он включал в сферу уголовной политики не только специальные меры (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические, исправительно-трудовые, криминалистические), но и меры чисто социального характера (экономические, идеологические, медицинские и т. д.). Странники другой точки зрения (С.В. Бородин, А.Э. Жалинский, Н.И. Загородников, И.А. Исмаилов, Н.И. Стручков) считают, что только специальные меры социального предупреждения преступности, которые основываются на уголовном, уголовно-процессуальном и исправительно-трудовом законодательстве с привлечением данных науки, включая криминологию и криминалистику, составляют это понятие [5, с. 26].

Г.Ю. Лесников полагает, что современная уголовная политика существенно шире по содержанию, чем уголовно-правовая. По отношению к уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной отраслям права уголовная политика выполняет методологическую роль. Имея полинормативную основу и будучи частью внутривластной политики, она должна строиться и осуществляться на основе политических директив, норм права, морали (нравственности), религиозных норм, обычаев, а также корпоративных норм. Определяющими именно для российской уголовной политики должны быть базовые нормативные ценности, включающие российские традиции, обычаи, нормы морали, религии. В этом залог ее национальной адаптации и, как следствие, – эффективности [6, с. 73].

В свете исследования интерес представляет проект Концепции уголовно-правовой политики в Российской Федерации, представленный Общественной палатой при Президенте РФ, который определяет уголовно-правовую политику Российской Федерации как одно из направлений реализации государственной стратегии обеспечения криминологической безопасности, базирующееся на признании фундаментальной взаимосвязи и взаимозави-

симости ее основных положений с социальной политикой государства, а также с политикой в области профилактики преступности, защиты и поддержки потерпевших от преступлений, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, социальной реабилитации и надзора за лицами, отбывшими уголовное наказание [7]. Поддерживая проект Концепции, В.А. Авдеев, О.А. Авдеева оценивают уголовно-правовую политику как системообразующий элемент правовой политики государства, направленный на достижение стратегической цели – формирование нормативно-правовой основы, обеспечивающей надлежащую охрану законных прав личности, общества и государства от преступных посягательств и решение задач, связанных с реализацией мер по уменьшению и устранению преступности [8, с. 21]. В.Ю. Сокол указывает, что уголовная политика представляет собой целостную систему, состоящую из взаимосвязанных, но вместе с тем относительно самостоятельных подсистем (элементов), к числу которых относятся уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, пенитенциарная, оперативно-розыскная, криминологическая и криминалистическая политика [9, с. 299–308]. Это лишь малая толика мнений об уголовной политике, однако изложенное позволяет утверждать, что уголовная политика рассматривается авторами в преузком смысле слова (касается деятельности только в отношении уголовного закона), в узком смысле слова (состоит из совокупной деятельности по всем специальным направлениям) и в широком смысле слова (к специальным направлениям добавляются различного рода социальные направления: экономические, идеологические, религиозные, культурные и т. д.).

Остановимся на понимании уголовной политики в узком смысле слова и обратим внимание на ее составляющие. Вопрос о существовании самостоятельной криминалистической политики является дискуссионным. Анализируя эту проблематику, В.Ю. Сокол, во-первых, пишет, что в современной литературе имеются лишь отдельные ссылки на факт существования криминалистической политики (Е.П. Ищенко, М.П. Журавлев, А.Б. Мельниченко, А.П. Кузнецов, П.Н. Панченко, В.В. Сверчков, В.Ф. Цепелев и др.), а также крайне немногочисленные ее определения (Э.Н. Попченкова, В.А. Кузнецова, Н.Л. Уланова), во-вторых, пытается выявить причины создавшегося положения. К таковым он относит:

– решение в советское время вопросов, которые можно было бы отнести к сфере криминалистической политики, в рамках уголовно-процессуальной политики, отражавшей единую государственную идеологию, стратегию и тактику борьбы с преступностью в сфере уголовного судопроизводства;

– самоустраненность криминалистов от всестороннего исследования криминалистического аспекта понятия «борьба с преступностью» и его соотношения с понятием «уголовная политика» с указанием на необходимость научных методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений;

– специфика криминалистической политики в том, что она связана, главным образом, с правоприменительной практикой, а не с законотворчеством [10, с. 201–202].

Мы разделяем позицию В.Ю. Сокола о настоятельном требовании теоретической проработки вопросов о сущности и содержании криминалистической политики, ее взаимосвязей с другими элементами (подсистемами) уголовной политики, стратегий ее реализации в современной России, об актуальности призыва Е.П. Ищенко «посмотреть на современную уголовную политику глазами криминалиста» [10, с. 202].

В основе уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики лежат соответствующие отрасли права. Взаимосвязь и взаимовлияние уголовного права, уголовно-процессуального права и криминалистики не вызы-

вали и не вызывают сомнения. Однако в современный период, как верно определил В.Ю. Сокол, имеет место противоречие между установлением формальной истины в современном уголовном процессе и традиционным принципом отечественной криминалистики, ориентированной на установление материальной истины в уголовном судопроизводстве, а это ведет к противоречию между существующими возможностями поисково-познавательной (криминалистической) деятельности и формами ее уголовно-процессуальной регламентации, что требует их согласования [10, с. 201].

Убедительным примером взаимовлияния являются изменения УПК РФ, касающиеся требований к содержанию обвинительного заключения, соответственно, повлекших изменения в тактике его составления. В момент вступления Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в законную силу (01.07.2002), в ст. 220 УПК РФ, определявшей структуру обвинительного заключения, говорилось только о перечне доказательств, подтверждавших обвинение (п. 5 ч. 1). Решение не приводить в обвинительном заключении подробный анализ доказательств было принято, как говорится в разъяснениях к УПК РФ, данных авторским коллективом под руководством проф. Е.Б. Мизулиной, возглавлявшей рабочую группу по подготовке УПК РФ, для реального осуществления принципа состязательности в уголовном судопроизводстве [11, с. 93]. Однако сначала Президиум Верховного Суда РФ в постановлении от 18.06.2003 № 169 п3пр по уголовному делу в отношении Е.С. Ашировой (через год действия УПК РФ), а затем и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (почти через 2 года действия УПК РФ) определили, что в обвинительном заключении (обвинительном акте) необходимо излагать краткое содержание перечисленных в нем доказательств [12, с. 339]. Требование указывать в обвинительном заключении краткое изложение доказательств содержится в новой редакции ст. 220 УПК РФ с 2010 года (ФЗ РФ от 09.03.2010 № 19-ФЗ), т. е. УПК РФ практически вернулось к положениям УПК РСФСР, а значит, произошел возврат к способам и формам составления обвинительного заключения, известным тому времени.

Тактика любого следственного действия включает в себя фиксацию ее хода и результатов в протоколе. Введенные с 01.07.2002 бланки процессуальных документов, сначала как Приложение к УПК РФ, а затем как «Часть 6. Бланки процессуальных документов» УПК РФ (ФЗ РФ от 04.07.2003 № 92-ФЗ) подвергались критике [13; 14] и были отменены ФЗ РФ от 05.06.2007 № 87-ФЗ (через пять лет после вступления УПК РФ в силу). Из всей части 6 УПК РФ осталась лишь ч. 2 ст. 474, в которой говорится только о способе выполнения процессуального документа: «Процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом. В случае отсутствия бланков процессуальных документов, выполненных типографским, электронным или иным способом, они могут быть написаны от руки», т. е. до сих пор нет требований к структуре бланка процессуального документа, о соответствии этой структуры основаниям и порядку проведения и принятия процессуальных решений, установленных в УПК РФ.

Мы считаем невозможным эффективное противодействие преступности, применение норм уголовно-правового воздействия к совершившим преступления лицам без использования современных средств криминалистики, в том числе, в рассмотрении судами уголовных дел. Так, УПК РФ не регламентирует возможность встречи-беседы государственного обвинителя в процессе подготовки к судебному разбирательству со свидетелями обвинения или потерпевшим, хотя необходимость такой встречи вполне может возникнуть в целях получения

дополнительной значимой для поддержания обвинения информации. Во избежание неоправданной оценки такой встречи, как формы воздействия на свидетеля или потерпевшего, предлагается осуществлять такие встречи-беседы вне судебного заседания, не предоставлять материалы уголовного дела, обеспечить аудио- или видеозапись, использовать специальную памятку-вопросник.

Очень активно в настоящее время обсуждается возможность (необходимость) введения в Российский уголовный процесс новой процессуальной фигуры – следственного судьи [15–21]. Однако практика деятельности следственного судьи, например в Украине, неоднозначна. М.А. Михайлов, анализируя опыт работы следственных судей в Крыму по УПК Украины 2012 года, пишет, что «надежды на сокращение документооборота, сроков расследования уголовных производств, защиту потерпевших от необоснованных отказов в расследовании, а также подозреваемых и обвиняемых от произвола и нарушения прав человека, мягко говоря, не оправдались» [22].

Принцип неотвратимости юридической ответственности проявляется не только в регистрации и учете сообщений о преступлении, но и в активных действиях уполномоченных органов, направленных на обнаружение следов совершенного преступления, признаков преступления, в обязанности правоохранительных органов определить, виновен или не виновен тот или иной человек в совершении какого-либо правонарушения и должен ли он нести ответственность за убытки, взыскиваемые в судебном порядке [23, с. 66]. Общественная опасность деяния – это одно из оснований установления юридической ответственности за его совершение, а неизбежное установление юридической ответственности является предпосылкой для реализации других аспектов юридической ответственности [24, с. 328]. Но несовершенство уголовного закона неизбежно осложняет доказывание. В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов совершенно справедливо указывали, что при формулировании запретов в УК уголовно-правовые разработки должны соотноситься с возможностями правоохранительной системы в преследовании тех или иных правонарушителей [25]. Уголовно-правовые запреты должны быть реально доказуемы, а это предполагает активное использование не только процессуальных, но и не противоречащих закону непроцессуальных форм реализации уголовной политики.

В связи с изложенным, полагаем, что формирование и реализация уголовной политики должны происходить, если не с учетом криминалистической политики, то с обязательным применением криминалистических возможностей правоприменительной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2010. 50 с.
2. Малько А.В. Правовая политика – категория XXI века и ее роль в евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4. С. 8–12.
3. Матвеева А.А. Уголовная политика : понятие, содержание, методы и формы реализации // Уголовное право в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. М.: ЛексЭст, 2002. С. 177–181.
4. Ищенко Е.П. К вопросу о российской уголовной политике // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 254–256.
5. Лесников Г.Ю. К вопросу о понятии уголовной политики // Российский следователь. 2005. № 6. С. 25–29.
6. Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 4. С. 73–76.
7. Концепция уголовно-правовой политики Рос-

сийской Федерации. URL: oprfr.ru/discussions/1389/newsitem/17889.

8. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Концепция уголовно-правовой политики: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 12–24.
9. Сокол В.Ю. Уголовная политика и криминалистика // Современные проблемы уголовной политики: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Т. II. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2011.
10. Сокол В.Ю. Криминалистическая политика // Общество и право. 2012. № 5. С. 200–204.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в вопросах и ответах / отв. ред. Е.Б. Мизулина. М.: Юрист, 2003. 112 с.
12. Коротков А.П., Тимофеев А.В. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ. М.: Экзамен, 2005. 608 с.
13. Сопин В. Новый УПК. Факт очевидный: нужна серьезная доработка // Законность. 2002. № 10. С. 37–40.
14. Шутемова Т.В. Приложения к УПК РФ: догма или руководство к действию // Законность. 2002. № 10. С. 41–42.
15. Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе. URL: rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html.
16. Головкин Л.В. Следственный судья или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса?. URL: iuaj.net/node/1740.
17. Головкин Л.В. Институт следственного судьи: американизация путем манипуляции. URL: iuaj.net/node/1746.
18. Круглый стол «Возрождение института следственных судей в России: идеи и пути реализации». URL: iuaj.net/node/1735.
19. Смирнов А.В. Вокруг института следственных судей: манипуляции с «американизацией» и «объективной истиной». URL: iuaj.net/node/1748.
20. Предложение ввести в уголовный процесс институт следственных судей вызвало бурную дискуссию на заседании НКС ФПА РФ. URL: iuaj.net/node/1749.
21. Генпрокуратура отвергла идею правозащитников о создании института следственных судей // Ведомости. 2015. 5 мая.
22. Михайлов М.А. Необходимость учета крымского опыта при решении вопроса о создании института следственных судей в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы междунар. науч.-практ. конф. Алушта, 2015. URL: iuaj.net/node/1777.
23. Шавалеев М.В. Эффективность принципа неотвратимости юридической ответственности. Тольятти: ТГУ, 2010. 174 с.
24. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
25. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 46–50.

ON THE CRIMINALISTIC ASPECTS OF CRIMINAL POLICY

© 2015

T.V. Shutemova, Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Institute of Law
Samara State Economic University, Samara (Russia)

Abstract: The content of the criminal policy, explores questions of criminalistic policy as an independent policy and as part of a criminal policy.

Keywords: criminal policy, criminalistic policy.

НАШИ АВТОРЫ

Александров Илья Андреевич, преподаватель кафедры «Теория государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-94-17
E-mail: Alexsandrov@mail.ru

Воробьева Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская 14.
Тел.: 89093653092
E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Гладышев Владимир Владимирович, магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры «Хозяйственное право».
Адрес: Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого, 246020, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Барыкина, 269.
E-mail: nglad@mail.ru

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 54-63-91
E-mail: gogin@mail.ru

Данилина Наиля Журабековна, преподаватель кафедры «Уголовное право и криминология».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 53-94-31
E-mail: begisheva_nelli@mail.ru

Джалилов Эльвис Алимович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 89063395555
E-mail: elvis.tlt@gmail.com

Джалилова Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 89063394444
E-mail: elkozlova09@rambler.ru

Жильцов Сергей Васильевич, доктор юридических наук, профессор кафедры «История государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 53-94-28
E-mail: zhiltsov60@mail.ru

Кривицкий Виталий Вячеславович, магистрант.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 42-94-82
E-mail: sadhirsadhu@outlook.com

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель ректора – директор Института права.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 53-93-67
E-mail: Dmitri8@yandex.ru

Мусаткина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 53-93-67
E-mail: Musatkinaaaa@mail.ru

Репетева Олеся Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 54-63-91
E-mail: orepeteva@mail.ru

Романова Вера Витальевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «История государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 53-94-28
E-mail: vera1704@yandex.ru

Румянцев Павел Александрович, старший преподаватель кафедры «История государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-93-04
E-mail: pavel_rumyantsev@mail.ru

Савельев Юрий Михайлович, преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 89276101549
E-mail: yusproc@gmail.com

Станкин Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 53-93-67
E-mail: Ans84@yandex.r

Степанова Вера Владимировна, старший преподаватель кафедры «Теория государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 89179701991, (8482) 76-65-05
E-mail: lawboxer@gmail.com

Хилюга Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой «Уголовное право и криминология».
Адрес: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 230012, Республика Беларусь, г. Гродно, пер. Доватора, 3/1.
E-mail: tajna@tut.by

Чуклова Елена Валериевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 54-63-91
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Шутемова Тамара Васильевна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин.
Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
Тел: (846) 933-87-81
E-mail: shutemtv@rambler.ru

OUR AUTHORS

Alexandrov Ilya Andreevich, lecturer of the chair “Theory of state and law”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: Alexsandrov@mail.ru

Chuklova Elena Valerievna, PhD (Law), associate professor, assistant professor of chair “Entrepreneur and Labor Law”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 54-63-91
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Danilina Nailya Jurabekovna, lecturer of chair “Criminal law and criminology”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-31
E-mail: begisheva_nelli@mail.ru

Dzhalilov Elvis Alimovich, candidate of law sciences, associate professor of “Business and labor law”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 89063395555
E-mail: elvis.tlt@gmail.com

Dzhalilova Elena Anatolievna, candidate of law sciences, associate professor of “Business and labor law”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 89063394444
E-mail: elkozlova09@rambler.ru

Gladyshev Vladimir Vladimirovich, master of Law, senior lecturer of chair “Business Law”.
Address: P.O. Sukhoi State Technical University of Gomel, 246020, Republic of Belarus, Gomel, Barykin Street, 269.
E-mail: nglad@mail.ru

Gogin Aleksandr Alexandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Chair “Entrepreneur and Labor Law”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 54-63-91
E-mail: gogin@mail.ru

Hilyuta Vadim Vladimirovich, candidate of legal sciences, head of chair “Criminal law and criminology”.
Address: Yanka Kupala State University of Grodno, 230012, Belarus, Grodno, Dovator lane, 3/1.
E-mail: tajna@tut.by

Krivitsky Vitaly Viacheslavovich, graduate student.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 42-94-82
E-mail: sadhirsadhu@outlook.com

Lipinski Dmitriy Anatolyevich, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Law.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-93-67
E-mail: Dmitri8@yandex.ru

Musatkina Aleksandra Anatolyevna, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair “Theory of State and Law”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-93-67
E-mail: Musatkinaaa@mail.ru

Repeteva Olesya Evgenyevna, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of Chair “Business and employment law”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 54-63-91
E-mail: orepeteva@mail.ru

Romanova Vera Vitalievna, candidate of law science, associate professor of chair “History of state and law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-28
E-mail: vera1704@yandex.ru

Rumyantsev Pavel Alexandrovich, senior lecturer of Chair “History of State and Law”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-93-04
E-mail: pavel_rumyantsev@mail.ru

Savelyev Yuriy Mikhailovich, lecturer of chair “Criminal Procedure and Criminalistics”.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Tel.: 89276101549

E-mail: yusproc@gmail.com

Shutemova Tamara Vasilievna, Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Institute of Law.

Address: Samara State Economic University, 443090, Russia, Samara, Soviet Army Street, 141.

Tel.: (848) 933-87-81

E-mail: shutemtv@rambler.ru

Stankin Aleksei Nikolaevich, PhD (Law), associate professor of chair “Theory of State and Law”.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: (8482) 53-93-67

E-mail: Ans84@yandex.ru

Stepanova Vera Vladimirovna, senior lecturer of chair “Theory of state and law”.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Tel.: 89179701991, (8482) 76-65-05

E-mail: lawboxer@gmail.com

Vorobyova Olga Aleksandrovna, candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, assistant professor of Chair “Business and employment law”.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: 89093653092

E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Zhiltsov Sergey Vasilievich, Doctor of Law, Professor of Chair “History of State and Law”.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: (8482) 53-94-28

E-mail: zhiltsov60@mail.ru